

А.В. Гаврюшкин

Граф Никита Панин

Из истории русской дипломатии XVIII века.

Содержание

Становление
Заговорщик
Реформатор
Король, которого мы делали
Северная система
Дипломатические тонкости
Трудные времена
Великий князь
Вооруженный нейтралитет
Закат

1

Становление

Никита Иванович Панин родился в 1718 году, когда Россия переживала бурное время реформ Петра Великого. В 1718 году в столице открылись ассамблеи, куда дворянство было обязано являться для непринужденного, на европейский манер, увеселения. Петербургские чиновники были напуганы указом о создании коллегий - новых органов государственного управления, а провинциальные помещики озадачены другим указом - о переписи податного населения. В июне 1718 года казнили царевича Алексея, а месяцем раньше русские дипломаты начали на Аландских островах переговоры о долгожданном мире со Швецией.

Отец Никиты Панина Иван Васильевич был во всех отношениях человеком Петровской эпохи. Преданный царю-преобразователю, он всю жизнь провел на военной службе и вышел в отставку в чине генерал-поручика. Несмотря на долгую и добросовестную службу, он был небогат и по смерти оставил своим четырём детям лишь доброе имя, прекрасное по тому времени образование и четыреста душ крепостных на всех. Иван Васильевич пользовался расположением Петра, но к числу его ближайших сподвижников не принадлежал. Правда, женился он удачно - на племяннице знаменитого князя Миньшикова Аграфене Васильевне Еверлаковой. Хотя вышла она замуж за человека незнатного и небогатого, в доме "светлейшего" ее всегда ждал радушный прием, а вместе с ней и ее детей.

Благодаря родству с Миньшиковыми Никита Панин еще ребенком был представлен высшему петербургскому обществу, в том числе и великой княгине Елизавете Петровне, будущей императрице. Неудивительно поэтому, что карьеру свою он начал довольно успешно.

Панин проходил службу, по обычаю того времени, с самых нижних чинов, однако зачислен был в привилегированный Конногвардейский полк и в 1741 году оказался в числе тех гвардейцев, которые своими штыками расчистили Елизавете путь к престолу. Вслед за этим он был пожалован в камер-юнкеры и стал даже приобретать некоторое влияние при дворе. Но судьба переменчива.

Однажды обаяние молодого придворного не ускользнуло от внимания

императрицы. Прежний фаворит, граф Иван Шувалов, забил тревогу. И вместо придворной карьеры Панин неожиданно сделал карьеру дипломатическую - его отправили посланником в Данию, подальше от августейших глаз. Должно быть, Елизавета сожалела о расставании с ним, потому что по пути к месту службы, в Германии, он получил указ о награждении камергерским ключом. Из этой истории Панин сделал вывод о вреде фаворитизма вообще и о полной безнравственности братьев Шуваловых, Ивана и Петра, в частности.

В Дании Никита Иванович пробыл недолго. В 1748 году шведский король потребовал отозвать из Стокгольма русского посланника И. А. Корфа. Срочно понадобилась замена. Шведским делам в Петербурге в то время придавали очень большое значение. Здесь нужен был посланник опытный и умелый. Но заведовавший иностранными делами канцлер А. П. Бестужев-Рюмин принял неожиданное решение. В Стокгольм перевели молодого и совсем еще не искусенного в дипломатии Никиту Панина. В этом городе ему предстояло прожить долгие двенадцать лет.

В середине XVIII века Стокгольм, по европейским масштабам, был городом небольшим, малонаселенным и ничем особенно не примечательным. Но по накалу политических страстей он мог смело соперничать с любой другой столицей. После того как шведский король Карл XII положил свою армию под Полтавой и неумной воинственностью довел страну до полного разорения, шведское дворянство возропало и в 1720 году приняло конституцию, урезавшую права короля. Власть в стране перешла к риксдагу и государственному совету. Но депутаты этих почтенных учреждений постоянно ссорились между собой, чем не преминули воспользоваться иностранные державы. Их стараниями в Стокгольме были созданы две партии, именовавшиеся в просторечии "шляпами" и "колпаками". Первые призывали к дружбе с Францией, за что получали финансовую помощь от французского посланника. Вторые предлагали вступить в союз с Россией, а деньги тянули соответственно из посланника русского. Существовала еще третья партия - "королевская". Ее сторонники надеялись со временем восстановить власть монарха, но встречали дружное сопротивление "шляп" и "колпаков". Ко времени приезда Панина в Стокгольм "шляпы" одержали над своими противниками решительную победу и готовились начать войну с Россией, дабы взять реванш за Полтаву и кровью смыть позор, понесенный "национальным героем" Карлом XII.

Служба в Швеции стала для Панина хорошей школой. Политическая борьба в стране была острой, а цели ее участников важными и насущными. Иностранные державы, учитывая неустойчивость шведской внешней политики, старались посылать в эту страну своих лучших, наиболее умелых дипломатов. Соперничать с ними Панину на первых порах оказалось непросто. Но, с другой стороны, борьба с сильными противниками заставляла его работать с полным напряжением сил.

Панин постигал дипломатическое искусство с азов. Прежде всего он увидел, что средства, которые может использовать в своей деятельности дипломат, весьма разнообразны и во многом зависят от его собственной изобретательности. Во-вторых, Никита Иванович понял, что дипломатия - это искусство нюансов, мелких, на первый взгляд незначительных, но тщательно продуманных шагов, которые вместе и дают желаемый результат. Корф, его предшественник, действовал грубо, хотел добиться всего сразу, позволял себе открыто и бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела страны. Панин избрал другую тактику. Он был настойчив, но в то же время осторожен, гибок и терпелив.

Первоочередная задача заключалась в том, чтобы постоянно получать достоверную информацию о событиях в стране. Поэтому Панин, в соответствии с давними традициями своей профессии, занялся организацией сети тайных

осведомителей. Конспиративные встречи с агентами проходили обычно в лесу, близ столицы, куда Панин выезжал "поохотиться". Потом ему удалось подкупить несколько влиятельных членов государственного совета, и дела пошли на лад. Правда, стоило все это немалых денег. Взятки и "пенсии" приходилось раздавать столь обильно, что Панин иногда просто боялся запутаться. Позднее он усовершенствует этот метод работы, пронумеровав своих клиентов. Распоряжение об очередной выплате стало выглядеть так: "производить отныне No 2-му, переместя оставшийся после No 1-го оклад, по 3.000 р. на год; No 6-му к прежнему трехтысячному окладу прибавить еще тысячу, а No 5-му отныне давать впредь вместо прежнего пятитысячного оклада по 3.000, чем он, как человек старый и впредь к делам не прочный, может совершенно доволен быть".

Панин раздавал огромные суммы, а в собственных расходах экономил каждую копейку. Жалованье ему часто платили забывали, и он, официальный представитель великой державы, к своему стыду, вынужден был даже провизию покупать в долг в самых дешевых лавках.

Наконец, Панин хорошо усвоил в Швеции, что политик должен ясно различать цели своей деятельности и средства их достижения и ни в коем случае не подменять одно другим. В Петербурге, например, перед Паниным ставили задачу - добиваться преобладания партии "колпаков". Но в конечном счете цель русской дипломатии заключалась не в том, чтобы сделать "друзей" России господствующей партией, а в сдерживании реваншистских настроений шведской знати и предотвращении вооруженного столкновения между двумя странами. Для этого, однако, совсем не обязательно было добиваться полной победы "колпаков". Задача эта была трудновыполнимой и требовала огромных денег. Давняя борьба между Россией и Швецией наложила слишком сильный отпечаток на мышление стокгольмских политиков. Чтобы враждебность к России не вылилась в открытое столкновение, достаточно было лишь поддерживать равновесие между тремя борющимися силами, не давая ни "шляпам", ни сторонникам короля целиком захватить власть.

Именно такую линию поведения избрал Панин и, как оказалось, не ошибся. После того как в 1749 году угроза русско-шведской войны миновала, "шляпы" продолжали оставаться господствующей партией, в Стокгольме получали французские субсидии, однако до конфликта с грозным соседом дело не доходило. Панину все это, разумеется, давалось непросто. Враги тоже не дремали. Суммы, находившиеся в распоряжении французского посланника, были не меньше панинских, и в изобретательности французу тоже нельзя было отказать. Однажды по городу поползли слухи, что Панин по ночам собственноручно производит поджоги. Никите Ивановичу с трудом удалось отбиться от разъяренной толпы, намеревавшейся с ним расправиться.

В 1757 году Швеция вступила в Семилетнюю войну. Началась эта война в 1756 году, и участвовали в ней с одной стороны Австрия, Франция, Россия, Испания и Саксония и с другой стороны Пруссия, Англия и Португалия. Швеция хотела отнять у прусского короля устье реки Одер, поэтому воевала она в союзе с Францией и Россией. Однако на соперничестве французского и русского посланников в Стокгольме это никак не отразилось. Осенью 1759 года "шляпы" и их французские покровители начали против Панина новое наступление.

По невыясненной причине в доме Никиты Ивановича возник пожар. Все его имущество сгорело дотла. Панин остался на улице, да еще без гроша в кармане - ему уже восемь месяцев не платили жалованья. К счастью, русского посланника согласился приютить знакомый шведский купец. Панину всерьез грозила долговая яма. И вдруг в ноябре 1759 года пришло известие, вновь круто повернувшее его судьбу. Ее императорское величество повелевала своему полномочному министру при шведском дворе, камергеру и генерал-поручику Никите Панину на время покинуть Стокгольм по случаю назначения его

воспитателем и обер-гофмейстером великого князя Павла Петровича. Как ни старался Панин поскорее закончить дела, из Швеции ему удалось уехать лишь в мае 1760 года.

В Петербурге за время отсутствия Панина многое переменялось. Прежнего канцлера Бестужева-Рюмина заменил граф М. И. Воронцов. При поддержке влиятельных братьев Шуваловых ему удалось обвинить Бестужева в подготовке государственного переворота и добиться его ссылки. Теперь Воронцов насмерть схватился со своими недавними союзниками и методично отправлял в отставку шуваловских ставленников, заменяя их своими. Эта борьба повлияла и на карьеру Панина. Воронцов хорошо знал: Никита Иванович терпеть не может Шуваловых, - и справедливо рассудил, что из него может получиться надежный союзник. Поначалу на должность обер-гофмейстера метил сам Иван Иванович Шувалов. Но граф Воронцов выставил кандидатуру Панина. Должно быть, Елизавета вспомнила своего прежнего любимца, сердце императрицы дрогнуло, и она приказала отозвать Панина из Стокгольма.

Для Никиты Ивановича новое назначение оказалось приятной неожиданностью. Какие бы интриги этому ни сопутствовали, но, коль скоро императрица решила поручить ему Павла, значит, она ему доверяла и признавала за ним качества, необходимые для выполнения поручения, столь ответственного. В деле воспитания Елизавета дала Панину большие права. Он мог по собственному усмотрению составлять программу обучения, подбирать учителей и даже определять круг лиц, допускавшихся к особе великого князя. Кроме того, место обер-гофмейстера, хотя и не было непосредственно связано с государственной политикой, имело

немало иных и несомненных преимуществ. Воспитатель цесаревича - должность солидная, говоря современным языком, престижная. Перед ним открыты все двери, в том числе и кабинета императрицы. Положение обер-гофмейстера мало подвержено колебаниям придворной конъюнктуры. Словом, из почетной ссылки Панин вернулся на еще более почетное место, где даже политикой было заниматься не обязательно.

В июне 1760 года Никите Ивановичу было велено приступить к исполнению новых обязанностей, и он в сопровождении Ивана Ивановича Шувалова и канцлера Воронцова отправился к своему воспитаннику. Великий князь, маленький щуплый мальчик, сидел за столом в окружении многочисленных мамушек и нянюшек и настороженно глядел на вошедших. Воронцов представил Панина и объявил, что отныне этот человек будет у его высочества обер-гофмейстером. Мальчик посмотрел на одного, потом на другого и вдруг громко зарыдал. Позже Никита Иванович узнал, что нянюшки специально пугали маленького Павла новым воспитателем. Говорили, что Панин - угрюмый старик и как придет, так добрых женщин прогонит и все веселости запретит. Впрочем, тучи скоро рассеялись, и обер-гофмейстер со своим воспитанником стали добрыми друзьями. Воронцова это вполне устраивало, и вопрос о возвращении Панина в Стокгольм отпал сам собой.

Павел оказался ребенком веселым, бойким, сообразительным, правда, чересчур нервным и впечатлительным. С ним было хлопотно, но Никита Иванович исполнял свои обязанности с удовольствием. И среди тех, с кем Панин близко сошелся по возвращении из Стокгольма, была мать его воспитанника, великая княгиня Екатерина Алексеевна.

Впервые они познакомились много лет назад, когда юная немецкая принцесса Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербская еще только начинала осваиваться с новой ролью супруги наследника российского престола, великого князя Петра Федоровича, племянника императрицы. Потом, когда Панин был отослан в Стокгольм, они переписывались, но редко, в основном при посредничестве канцлера Бестужева и их общего друга статского советника В.Е.

Адодурова, обучавшего Екатерину русскому языку. Теперь они общались почти ежедневно, их отношения постепенно крепились, превращаясь в дружбу. Екатерина была особенно заинтересована в добрых отношениях с Никитой Ивановичем. Ее положение при дворе казалось на редкость шатким. Императрица была ею недовольна, а муж открыто пренебрегал. Чуткие придворные, мгновенно улавливавшие малейшие изменения в отношениях, между членами императорской семьи, старались пореже попадаться на глаза великой княгине. В такой обстановке дружба с Паниным была для Екатерины, тяжело переживавшей свою полуизоляцию, не просто отдушиной, она приобретала большой политический смысл.

При дворе Никита Иванович быстро стал человеком значительным. В толпе придворных, допускавшихся на дворцовые приемы - куртаги, он явно выделялся даже внешне - Панина называли "самым сановитым вельможей империи". Этому способствовала и его манера поведения. Он всегда был сдержан, ходил неторопливо, быть может, из-за склонности к полноте, говорил тоже неторопливо, в нос. Никита Иванович обладал редкой способностью располагать к себе людей, поэтому у него было много друзей и мало врагов. Он слыл искусным дипломатом и весьма образованным человеком. Панин долго жил в Европе и хорошо знал европейскую культуру, а таких людей в России в то время было немного, и их ценили.

Панин принадлежал к числу тех просвещенных русских деятелей, которые считали себя духовными наследниками Петра Великого и продолжателями начатого им дела. В этом он не был одинок. Спустя четверть века после смерти Петра I его царствование успело приобрести романтический ореол, а сам император превратился едва ли не в образцового государя. Впоследствии Екатерина, уловив это общественное настроение, будет его старательно эксплуатировать. Она заведет себе табакерку с портретом Петра, из Франции выпишет Фальконе для создания знаменитого "Медного всадника", а окружающим будет говорить, что, прежде чем принять какое-нибудь решение, она спрашивает себя, как бы на ее месте поступил великий Петр.

Правда, уже в царствование Екатерины II сквозь мощный хор официального славословия будут пробиваться критические нотки. Историк И.Н. Болтин усомнится, прав ли был царь, когда уничтожил старинные русские обычаи и традиции и насаждал вместо них чужеземные - онемеченные русские становились иностранцами в своем отечестве. А. Н. Радищев откажет Петру в величии, ибо истинно великим, по его мнению, можно назвать лишь того государя, который даровал своему народу свободу. Еще более критически к Петру отнесется другой историк - М.М. Щербатов, но Панин был далек от таких мыслей. По его твердому убеждению, история России начиналась с петровских преобразований, а все, что было прежде, - это века непроглядной тьмы и дикого варварства.

На Европу он тоже старался смотреть глазами Петра. Европа - это живительный источник, откуда русские, если они действительно хотят стать цивилизованным народом, должны прилежно черпать знания - технические, политические, этические, философские. Впечатления от стран, где Панин побывал, - Германии, Дании, Швеции - лишь укрепили его в этом мнении. Порядок, чистота, благоустроенность в домах и на улицах, бурно развивающиеся промышленность, ремесла и торговля, расцвет наук и искусств. Конечно, контраст теперь был не так велик, как во времена преобразователя. Петербург считался одной из красивейших европейских столиц, а императорский двор славился своим блеском и великолепием. Отпрыски знатных аристократических фамилий из Англии или Франции, совершая свои образовательные путешествия, непременно желали посетить и Северную Пальмиру. И все же в Европе еще многому можно было поучиться, и Панин не преминул воспользоваться этой возможностью.

Жители Стокгольма нередко могли наблюдать, как посланник Российской империи ходит по мастерским и мануфактурам, подолгу беседует с токарями, кузнецами, ткачами. Панин и сам выучился многим ремеслам, считая, что и такое "не весьма важное любопытство свою пользу и еще немалую пользу приносит". Он присматривался ко всему и интересовался всем - от медицины до истории театра. Панин, например, бывал частым гостем шведского физика Либеркина и восхищался тем, как тот может "тончайшие эксперименты производить искусно". Вообще в Швеции было на что посмотреть. В 1739 году в Стокгольме была основана Академия наук, первым президентом которой стал знаменитый Карл Линней. Его современник, астроном и физик Андерс Цельсий, разработал температурную шкалу, принятую позднее большинством стран мира. Здесь же творил выдающийся ученый и философ Эмануэль Сведенборг. Из Швеции Панин вернулся человеком, обладавшим обширными познаниями и с вполне сформировавшимся мировоззрением, что не могло не располагать к нему Екатерину.

Они часто беседовали за картами или за обеденным столом, обсуждали труды Тацита, Вольтера и Монтескье, к которым оба были равнодушны. Говорили о текущих событиях и о делах минувших и, конечно же, о том, что волновало всех, - о неотвратимости перемен в России.

В последние годы царствования Елизаветы Петровны Российская империя была похожа на военный корабль, на котором в разгар боя смертельно ранен капитан, а команда выходит из повиновения. Тяжелобольная императрица совершенно отошла от дел, государственная власть оказалась в руках фаворитов и просто случайных людей. Вожди придворных партий ожесточенно бились между собой, считая своим долгом утопить любое, даже самое разумное начинание противника. Механизм государственного управления постоянно давал сбой. Местные власти годами забывали собирать подати, а собственные карманы набивали за счет лихоимства и хищений. На "реприманды" правительствующего Сената давно перестали обращать внимание. Фактически страной правила непомерно разросшаяся и всемогущая бюрократия, погрязшая в коррупции и уверенная в своей безнаказанности.

В 1757 году канцлер Бестужев-Рюмин из ведомых ему одному соображений втянул Россию в Семилетнюю войну. Русские солдаты дрались храбро и крепко били пруссаков, но их жертвы оказывались напрасными. Елизавета Петровна в любой момент могла отдать богу душу, а наследник престола великий князь Петр Федорович слыл фанатичным пруссофилом. Поэтому главнокомандующие русской армией старались по возможности не обижать прусского короля.

В 1757 году фельдмаршал С. Д. Апраксин разбил прусские войска у Грос-Егерсдорфа и мог беспрепятственно идти на Берлин, но вдруг, ко всеобщему изумлению, отступил в Курляндию. Его отдали под суд и заменили генералом В.В. Фермором. Последний успешно сразился с врагом под Цорндорфом и, во избежание дальнейших побед, благоразумно попросился в отставку. Назначенный вместо него фельдмаршал П. С. Салтыков выиграл сражения при Пальциге и Кунерсдорфе и дерзнул даже занять Берлин, но вовремя опомнился и вывел свои войска из города. Его преемник фельдмаршал А. Б. Бутурлин был стар, мудр и знал, что не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Поэтому под его командованием армия занималась в основном безобидными маневрами.

На ведение этой странной войны требовались немалые деньги, а государственные финансы и без того находились на грани краха. И неудивительно, если почти вся государственная торговля и таможи были отданы в руки откупщиков. Один из современников Панина, наблюдая положение дел в России, пришел к парадоксальному выводу: "Русское государство имеет перед другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самим Богом - иначе невозможно объяснить себе, каким образом оно может существовать".

О том, как исправить положение, думали многие. Размышлял об этом и Панин. С давних пор так повелось, что профессиональные дипломаты редко расстаются с внешнеполитической деятельностью, чтобы заняться политикой внутренней, а тем более играть в ней заметную роль. Обыкновенно случается наоборот. Крупный политический или государственный деятель на закате своей карьеры часто бывает вынужден отправиться за границу, чтобы представлять свое отечество в столице какого-нибудь небольшого и тихого государства. Он хотя и лишается власти и влияния у себя на родине, но доживает свой век, занимая почетную должность, не связанную с обременительными обязанностями. Панин, сумей он сделать так, чтобы к его мнению по государственным делам прислушивались при дворе, стал бы, несомненно, редким исключением.

Хороший дипломат - это человек, обладающий глубокими познаниями и широким кругозором. По роду службы он обязан изучать не только политические, но и экономические, социальные, культурные и иные проблемы тех стран, где работает. Если он переключается на внутривнутриполитическую деятельность, то имеет перед другими по крайней мере одно преимущество - он способен компетентно, а не понаслышке использовать зарубежный опыт, зная его сильные и слабые стороны, для решений проблем своей страны. Панин тоже стремился сопоставлять и делать выводы. К тому же некоторые европейские политические теории, в особенности французские, оказали на него заметное влияние.

Мудрый Монтескье, рассуждал Панин, называет Россию государством деспотическим. Мнение это, увы, справедливо. Более того, именно в деспотизме коренится основная причина государственных бед. Но в век разума терпеть такое положение дальше невозможно. Первое, что необходимо сделать, - это установить в стране власть закона. Пусть каждый подданный империи вне зависимости от его богатства или сословной принадлежности твердо знает свои права и обязанности. И никто, даже монарх, не будет вправе переступить через закон. Далее, необходимо преобразовать систему государственного управления и подчинить ее идее законности. Затем надо обратить внимание на увеличение внутреннего богатства страны, развитие коммерции, промышленности, земледелия.

Возможности обширного и еще слабо заселенного государства неисчерпаемы. Но для того, чтобы их использовать, нужна твердая рука правительства, способная направить, поддержать, оградить от внешнего вмешательства и предостеречь от ошибок. В помощи нуждались все: и дворянство, разоряющееся от праздности и косности, и бессильное купечество, опутанное цепями бессмысленных запретов и ограничений, и крестьянство, изнемогающее под гнетом жестоких и корыстолюбивых помещиков. Поэтому главные усилия правительство должно направить на дела внутренние.

Некоторые меры необходимо было принимать безотлагательно. Прежде всего это касалось торговли как внешней, так и внутренней. Следовало позаботиться о ее скорейшем развитии, поощрять купцов, строить дороги, осваивать речные пути, создавать банки. В торговле с другими странами надо было начать с установления защитительных таможенных тарифов, стимулировать вывоз, а также ограничить ввоз, прежде всего предметов роскоши. Панин считал необходимым заинтересовать в предпринимательской деятельности и дворянство.

В вопросе об освобождении крестьян, уже волновавшем умы русских политиков, Никита Иванович занимал умеренные позиции. С одной стороны, передовая общественная мысль осуждала крепостное право, и теоретически с этим нельзя было не соглашаться. Но, с другой стороны, ликвидировать крепостное рабство было в тогдашних условиях практически невозможно - любое правительство, решившееся на такой шаг, было бы немедленно сметено. Что, по мнению Панина, можно и следовало незамедлительно сделать, так это смягчить жестокость крепостничества. Государство должно активно регулировать

отношения между помещиком и его крестьянами. Необходимо было ужесточить наказания помещикам, злоупотребляющим своей властью, запретить продажу крестьян поодиночке, ограничить размеры барщины и оброка.

Что же касается политики иностранной, считал Панин, то это лишь средство для достижения других, более важных целей государства. От внешней политики требуется обеспечить благоприятные условия для внутреннего развития страны. Петр I наверняка думал так же. И хотя ему пришлось много воевать, делал он это не из любви к воинской доблести, а потому, что должен был уничтожить сильного и опасного врага. Труды царя-преобразователя не пропали даром. Россия теперь достаточно сильна, чтобы защитить себя от любой опасности, но вмешиваться в чужие дела, отстаивать чужие интересы и брать на себя лишние обязательства - это для нее непозволительная роскошь. Следовательно, во внешней политике надо руководствоваться двумя главными правилами, а именно: избегай войн, в особенности наступательных, и по возможности не вмешиваться в споры между другими государствами

Трудно сказать, насколько глубоким было влияние идей Панина на будущую императрицу, но вот что показательно. После его возвращения в Петербург в дневниках Екатерины впервые появляются размышления о политических вопросах.

Когда Панин развивал перед Екатериной свои взгляды он вряд ли преследовал какие-либо политические цели. Для него Екатерина была всего лишь одиночкой и обиженной немецкой принцессой, усердно вчитывающейся в сочинения французских "князей философии" в надежде хотя бы духовно возвыситься над своими оскорбителями. Она была достойна помощи, сочувствия, и только. Никаких прав на императорскую корону у Екатерины не было. Официальным наследником престола был ее муж, великий князь Петр Федорович. Этим правом он обладал и по крови, так как был внуком Петра Великого. У него унаследовать корону мог лишь его сын, Павел. Был жив еще один потенциальный претендент - царевич Иоанн Антонович, внук царя Ивана V, много лет назад заточенный Елизаветой в Шлиссельбургскую крепость. С точки зрения обычая, традиций, просто здравого смысла в этой череде претендентов на престол ангальт-цербской принцессе не было места. Екатерина думала иначе.

За годы, проведенные в России, она многому научилась. Она хорошо знала двор, тайные пружины государственной власти и в совершенстве овладела искусством придворной интриги. Ее ничуть не шокировали распущенные нравы елизаветинского двора, более того, в этом отношении она не считала нужным отличаться от окружающих. Первым ее внимание привлек молодой придворный Сергей Салтыков. Потом был польский дипломат граф Станислав Понятовский... Екатерина была неплохой актрисой и умела произвести нужное впечатление. Она старательно изучала сильные и слабые стороны окружавших ее людей, и нередко ей удавалось ловко использовать их для достижения своих целей. Екатерина хорошо понимала свое незавидное положение и все же не переставала мечтать о власти. Не только мечтать, но и всерьез готовиться к тому, чтобы стать самодержавной властительницей огромной империи. Она верила в свою звезду. В самом деле, история, в том числе и русская, изобилует примерами самых неожиданных поворотов в судьбах монархов. Рано или поздно ей удастся сделать тот последний шаг, который приведет ее к заветной цели.

Панин не мог одобрять честолюбивых грез великой княгини. Но обстоятельства сложились так, что он вынужден был переменить свое мнение. В декабре 1761 года Елизавета скончалась и на российский престол взошел император Петр III.

От нового царствования не ждали ничего хорошего. Будущий монарх успел прославиться своими шутовскими выходками, частыми попойками, полной неспособностью заниматься государственными делами и, что самое оскорбительное, пренебрежением ко всему русскому. Царствования Петра III

боялись все, в том числе и Шуваловы, хотя наследник престола явно благоволил к ним. Но были они людьми деятельными и не привыкли подчиняться обстоятельствам. И вот незадолго до кончины Елизаветы Иван Шувалов встретился с Паниным и завел неожиданный разговор.

- Иные клонятся, - начал он, - выслать из России великого князя Петра с супругой, сделать правление именем сына их, Павла Петровича. Другие хотят выслать лишь отца, а оставить мать и сына. Но все единодушно думают, что Петр не способен.

- Все оные проекты суть способы к междоусобной гибели, - отвечал Панин, - в один критический час того нельзя без мятежа и бедственных последствий переменить, что двадцать лет всеми клятвами утверждено.

Согласиться на это едва замаскированное предложение участвовать в заговоре Панин не рискнул. Шуваловым он не доверял. Но, коль скоро граф Иван решил на такой разговор, стало быть, он чувствует за собой силу и у него достаточно единомышленников. По здоровом размышлении Панин пересказал этот разговор Екатерине и предложил ей другой, более безопасный и, что самое главное, законный путь. Если больной императрице предложить, чтобы Петр был выслан из России, а наследником объявить его сына, то, вполне возможно, она на это согласится. В последнее время Елизавета была очень недовольна своим племянником. Идея эта, однако, так и осталась без последствий, а по смерти императрицы стали оправдываться самые худшие опасения.

Тотчас по восшествии на престол Петр III вызвал из-за границы своего обожаемого дядю принца Георга Голштинского, генерала прусской армии. В России дядя был произведен в генерал-фельдмаршалы и полковники лейб-гвардии Конного полка и получил внушительное жалованье - 48 тысяч рублей в год. Скоро приехал еще один принц - Петр Август Фридрих Голштейн-Бекский. Он тоже стал фельдмаршалом, а заодно и петербургским генерал-губернатором. Из ссылки был вызволен опальный граф Бурхард Миних. На важную должность генерал-фельдцейхмейстера, то есть командующего артиллерией, был назначен генерал-поручик А.Н. Вильбоа. Генерал-адъютантом стал барон Карл Унгерн-Штернберг. Эти люди вошли в ближайшее окружение нового императора.

Еще в день смерти Елизаветы, 25 декабря, Петр III отправил к прусскому королю Фридриху II своего адъютанта с предложением заключить мир. Вскоре в Петербург явился прусский посланник Генрих Леопольд фон Гольц. Его мнение Петр III ценил столь высоко, что Гольц фактически стал распоряжаться всей внешней политикой страны.

Окружив себя близкими сердцу людьми, Петр III начал править Россией. Прежде всего была уничтожена гвардейская элита - лейб-компания. Вместо нее император приказал ввести в столицу голштинские войска. Прочие гвардейские полки было велено переодеть в новую форму по образцу прусской. Православным священникам Петр III приказал сбрить бороды и носить платье наподобие протестантских пасторов. При дворе ходили слухи, что император намерен переменить православие на лютеранство. Потом Петр III затеял авантюру, особенно возмутившую армию. Он задумал начать войну с Данией, претендовавшей на его наследственное владение - герцогство Голштинское. Огромной империи ему было мало, и русским солдатам вновь предстояло проливать кровь, на сей раз за крохотный клочок далекой немецкой земли.

Петра III редко видели трезвым, а чаще всего - за уставленным рюмками столом в компании иностранных офицеров да итальянских актрис. Император постоянно курил и заставлял это делать окружающих, но не потому, что получал от этого удовольствие. Просто курение было в моде у единственных "настоящих героев" - голштинцев.

В стране росло недовольство. Сначала оно охватывало лишь двор и гвардию, потом стало распространяться в народе. Оскорбленные русские люди

возмущались, ругали императора, шептались по углам. Поначалу этим дело и ограничивалось. Подчиняться иноземцам уже привыкли. Еще со времен Петра I на Руси завелись чиновники-немцы, генералы-немцы, помещики-немцы. Потом страной правили Миних, Остерман, Бирон. Теперь царствует император-немец. Правда, прежде иноземцы никогда еще не распоряжались страной столь нагло и бесцеремонно. Терпения русским людям не занимать, но и ему приходит конец. Спустя пять месяцев после воцарения Петра III против него был составлен заговор.

2

Заговорщик

Трудно судить, кто был инициатором заговора, но известно, что Екатерина и Панин были среди его организаторов с самого начала. У императрицы имелись все основания добиваться свержения мужа. По слухам, Петр III собирался с ней развестись и жениться на своей любовнице Елизавете Воронцовой. В этом случае судьба Екатерины была бы незавидной.

Лично Панину, похоже, ничто не угрожало. Император относился к нему с уважением, наградил орденом св. Андрея Первозванного, а однажды прислал генерал-прокурора А.П. Мельгунова объявить, что государь жалует Панина в генералы от инфантерии. Никита Иванович позволил себе дерзость. "Если мне не удастся уклониться от этой чести, которой я не достоин, - отвечал он, - то я немедленно удаляюсь в Швецию". Петру III об этих словах, разумеется, тут же донесли. "Я всегда думал, что Панин умный человек, - удивился император, - но с этих пор я так думать не буду". Тем не менее в Панине он окончательно не разочаровался и вскоре пожаловал его в действительные тайные советники.

Панин примкнул к заговору не потому, что опасался за собственное положение при дворе. Он боялся за Павла. Император открыто отрицал свое отцовство, а придворные сплетники отмечали удивительное сходство черт Павла и Сергея Салтыкова, уехавшего посланником в Париж. Над мальчиком сгущались тучи. Кто мог и должен был защитить его? Только Панин. Цесаревича доверила ему еще покойная императрица, и, чтобы выполнить свой долг, Никита Иванович готов был идти на любой риск.

Заговорщики действовали быстро и осмотрительно. Панину удалось привлечь к делу двух очень нужных и влиятельных людей - гетмана Малороссии графа Кирилу Григорьевича Разумовского и генерала М.Н. Волконского, у Екатерины было много друзей и почитателей среди гвардейских офицеров, меж которых особенно усердными помощниками стали пять братьев Орловых. С одним из них, Григорием, императрицу соединяли узы сердечной привязанности, поэтому братья возлагали на переворот большие надежды. Орловы хотели по устранении Петра III возвести на престол Екатерину. Панин предлагал объявить императором Павла, а мать его сделать правительницей до его совершеннолетия. Как ни выигрывала Екатерина в сравнении со своим мужем, но ее восшествие на престол нельзя было назвать иначе, чем узурпацией. Панину очень не хотелось собственными руками творить беззаконие в таких масштабах.

О том, как договорились заговорщики, мнения современников расходятся. Согласно одной версии, Панин был вынужден уступить давлению Орловых и их сторонников, получив, впрочем, заверения Екатерины, что после совершеннолетия Павла она возьмет сына в соправители. Согласно другой версии, Никиту Ивановича просто обманули. В последний момент Алексей Орлов и

Екатерина договорились, что она будет провозглашена не императрицей-регентшей, как было задумано, а самодержицей, с оговоркой о соправлении Павла после его совершеннолетия. Первая версия кажется убедительнее. Иначе трудно объяснить те доверительные, пожалуй, даже дружеские отношения, которые установились между Паниным и Екатериной в последующие годы.

К концу июня для переворота все было готово. В гвардии среди соумышленников насчитывалось сорок офицеров и несколько тысяч солдат. В университетской типографии, над которой начальствовал гетман Разумовский, тайно печатался манифест о свержении Петра III. В столице было затишье, что очень способствовало окончанию приготовлений заговорщиков. Император со своими любимцами пьянствовал в Ораниенбауме. Екатерина жила в Петергофе, куда Петр III должен был приехать в день своего тезоименитства - 29 июня. Здесь-то и решено было его захватить. Пользуясь отсутствием императора, Панин вместе с несколькими офицерами успел осмотреть помещения Петергофского дворца, чтобы не упустить никакой мелочи. Предусмотрено было, кажется, все. Существовала лишь одна опасность - кто-нибудь из заговорщиков мог по беспечности или с умыслом сказать неосторожное слово. Остерегаться надо было и самому Панину: среди людей, состоявших при великом князе Павле, появился новый человек - Семен Порошин, адъютант и доверенное лицо императора.

27 июня вечером Никита Иванович отправился в гости к княгине Екатерине Романовне Дашковой, женщине, которая впоследствии будет признана одной из наиболее интересных деятельниц отечественной истории. 19-летняя Дашкова была в числе немногих своих современниц, у которых чтение французских книжек и неуемная природная энергия возбудили раннюю тягу к политическим интригам. Еще в юности Дашкова подружилась с великой княгиней Екатериной Алексеевной и после воцарения Петра III загорелась идеей организовать переворот в пользу своей августейшей подруги. Эту мысль она и внушала своим друзьям в том числе Панину

О том, что сближало Никиту Ивановича и Дашкову, мнения расходятся. Знавшие Панина объясняли его привязанность к княгине по-разному. Одни утверждали, что Никита Иванович был некогда близок с ее матерью, известной в свое время красавицей. Другие считали его поклонником самой княгини. Эту версию, впрочем, Екатерина Романовна в своих записках настойчиво отрицала. Дашкова действительно была недурна собой, умна, образованна, но ум ее, как писала позднее императрица, был "испорчен чудовищным тщеславием и сварливым характером". Несмотря на это, Панин всегда относился к княгине Екатерине Романовне чрезвычайно заботливо и прощал ей многочисленные эксцентричные выходки.

Итак, 27 числа, вечером, действительный тайный советник и камергер Панин коротал время у своей юной любимицы. Княгиня чувствовала себя одиноко. Муж ее по делам государственной службы отправился в далекую Турцию. При дворе Екатерина Романовна старалась не появляться, неприятно ей было смотреть на творившиеся там мерзости. За разговором не заметили, как протекло время. Час был уже поздний, в доме все стихло. Вдруг Никита Иванович услышал громкий стук в парадную дверь, голоса лакеев и чью-то громкую брань. Хозяйка и гость тревожно переглянулись. Было слышно, как кто-то торопливо поднялся по лестнице и, стуча каблуками, быстро шел, почти бежал по коридору. Дверь в гостиную с силой распахнулась. На пороге стоял капитан артиллерии Григорий Орлов.

Тяжело дыша, он оглядел комнату и, увидев Панина, произнес: "Пассек арестован". Никита Иванович почувствовал, как кольнуло сердце. Значит, беспокоился он не напрасно. Капитан Пассек был одним из участников заговора. Рано или поздно что-то должно было случиться. Он украдкой взглянул на

Дашкову. Та стояла неподвижно, прижав руки к груди, и с тревогой глядела на Орлова. Стараясь казаться спокойным, Панин спросил:

- Господин капитан, известно ли Вам, за что арестован этот офицер? Быть может, это всего лишь следствие какого-то беспорядка по службе?

- Точно не знаю, Ваше превосходительство, - Орлов все еще не мог отдышаться, - но при нынешних обстоятельствах... я счел своим долгом предупредить.

- Разумно. - Панин на мгновение задумался. - Григорий Григорьевич, возвращайтесь в полк, попробуйте узнать, что случилось, и немедленно обратно. А я тем временем подумаю, как нам быть. И будьте осторожны: в городе полно согладатаев.

Орлов не заставил себя долго ждать. Через полчаса он вбежал в гостиную и сообщил, что капитан Преображенского полка Пассек арестован за государственное преступление - укрывательство бунтовщиков. Теперь сомнений не оставалось, заговор мог быть раскрыт в любую минуту. Действовать надо было быстро и расчетливо. За бесшабашным удалцем Орловым стояла грозная сила - гвардейские полки, детище Петра Великого. И от него, Панина, зависело теперь, верно ли будет нанесен решающий удар.

Планы приходилось менять на ходу. Решили, что Орлов немедленно пошлет своего брата Алексея в Петергоф за императрицей. По дороге Алексей предупредит офицеров своего полка, чтобы к утру они были наготове. Григорий тем временем оповестит остальных участников заговора. К пяти часам утра императрица должна приехать в казармы Кавалергардского полка, принять от него присягу, объехать полки Измайловский, Семеновский и Преображенский и вместе с ними отправиться к Казанскому собору. Туда же приедет и Панин с наследником престола. Везти мальчика к матери в Петергоф было опасно. Петр III мог перехватить его по дороге. Главное теперь заключалось в том, чтобы не выдать себя раньше времени, не возбудить подозрений у многочисленных шпионов, шнырявших по городу.

Во дворец Панин вернулся около полуночи. Тихо, стараясь никого не разбудить, прошел в покои великого князя. Возле учительской наткнулся на заспанного лакея и, не дослушав сбивчивых оправданий, приказал: "Если кто спрашивать станет - буди немедленно".

Цесаревич спал. Панин тихонько разделся и лег в постель. Сон не шел, да он и не надеялся уснуть. В эти часы, минуты происходили события, от которых зависели судьбы очень многих. Что ждет его? Слава, награды или топор палача? Что ждет Екатерину? Триумф или монастырская келья? И что принесет завтрашний день маленькому наследнику престола?

Пробило пять часов. Панин прислушался, с улицы не доносилось ни звука. По плану Екатерина должна уже быть в городе. Но если ее схватили по дороге, тогда придется действовать самому, назад пути нет. Был бы здесь брат, Петр, на него можно было бы положиться во всем. Увы, Петр теперь далеко, вместе с армией в Пруссии. В случае неудачи надо попытаться скрыться, бежать, но куда? За границу, в Швецию? Там Панин знал каждый камень, но нет судьбы горше, чем стать изгнанником.

Пробило шесть. Панин встал с постели, подошел к окну. Площадь перед дворцом была совершенно пустынна. Хуже всего - неизвестность. Если бы знать, успела ли императрица приехать в город, как встретили ее солдаты? Быть может, он сейчас теряет драгоценные минуты. Еще полчаса не будет известий, решил Панин, начну действовать сам. Прежде всего надо связаться с гвардией, послать надежного человека к преображенцам. В конце концов можно обойтись и без императрицы. Главная фигура в этой игре не она, а восьмилетний цесаревич. Он - законный наследник престола, в глазах народа лишь он вправе

претендовать на корону. Томительно медленно шли минуты. Никите Ивановичу показалось, что со стороны Невы доносится какой-то шум. Он прислушался. Нет, все тихо, просто почудилось.

За спиной скрипнула дверь. Панин вздрогнул от неожиданности и обернулся. В проеме показалась заспанная физиономия лакея: "Ваше превосходительство, - прошептал он испуганно, - к Вам господин офицер, кажись, Орловым назвались, требует немедленно разбудить". Панин тяжело вздохнул, перекрестился. Вот и началось. Он подошел к постели великого князя. Мальчик спал беспокойно, что-то шептал, хмурился во сне. Панин тихонько положил ему руку на лоб, погладил по волосам. "Вставайте, Ваше высочество, нынче нам предстоит трудный день".

Около восьми утра Панин с цесаревичем подъехали к Казанскому собору. Карету пришлось остановить: площадь перед храмом была вся заполнена народом. За рядами гвардейцев, окружавших собор, теснились солдаты армейских полков и петербургские обыватели, разбуженные ранним шумом и желавшие поглазеть на необычайные события. На фонарные столбы и на деревья карабкались бойкие петербургские мальчишки. Толпа гудела взволнованно и радостно. "Ура государыне императрице!" - выкрикнул кто-то. "Ура-а-а!" - подхватили сотни голосов.

На ступенях собора Панин заметил Григория Орлова. Тот стоял подбоченясь, гордо озирая площадь, как полководец, только что одержавший блестящую победу. Увидев Панина, он нарочито громко крикнул: "Ура матушке-императрице Екатерине Второй!" - и чуть тише добавил: "Кто помянет о регентстве - заколю своими руками".

После торопливого молебна Екатерина в сопровождении гвардии отправилась в Зимний дворец. Наскоро собранные члены Сената и Синода, испуганные и растерянные, спешно приносили присягу новой самодержице, а из дворца уже летели гонцы с известием о государственном перевороте. Пока дела шли неплохо, но о победе говорить было рано - Петр III все еще оставался на свободе.

После долгих совещаний решили идти на Ораниенбаум, где находился император. В распоряжении Петра Ш был отряд голштинцев около пяти тысяч человек. Вояки они неважные, да будь их и больше - вряд ли они устояли бы против гвардейских полков. В поход выступили на следующий день, в субботу утром. Готовились к схватке, но кровопролития не произошло. Петр III, бежавший в Петергоф, отказался от борьбы и подписал отречение от престола. Бывшего императора вместе с его любовницей Елизаветой Воронцовой поместили в одном из павильонов Петергофского дворца. Усталые, голодные гвардейцы бродили по парку, отпуская в адрес Петра III затейливые ругательства. Где-то достали вино, и началась всеобщая попойка. Разгулявшаяся гвардия явно собиралась учинить над своим бывшим императором расправу. Панин насилу собрал батальон надежных солдат, чтобы окружить павильон. На Петра Ш тяжело было смотреть. Он сидел бессильный и безвольный, постоянно плакал. Улучив минуту, бросился к Панину и, лоя руку для поцелуя, зашептал: "Об одном прошу - оставьте Лизавету со мной, именем господи милосердного заклинаю!" Панин обещал доложить императрице и поспешил уйти. В тот же день Петра III под escortом надежных солдат отвезли в Ропшу, а его любовницу по приказу Екатерины посадили в дормез и отправили в Москву.

Спустя несколько дней курьер доставил из Ропши сбивчивое сообщение, посланное Алексеем Орловым. Нетвердой рукой явно пьяный Орлов писал о том, что бывший император скончался по невыясненной причине.

При дворе события 28 июня восприняли спокойно. Одни знали о готовящемся перевороте, другие догадывались, а третьи просто чувствовали, что какие-то изменения неизбежны. Петербуржцы встретили весть о свержении Петра III с

радостным оживлением, которое, впрочем, продолжалось недолго. Жизнь быстро возвратилась в свою прежнюю накатанную колею. Если кому и прибавилось забот, так это иностранным дипломатам, в их службе начиналась самая трудная пора. Смена монарха - событие чрезвычайное, оно может привести к серьезным изменениям в политике государства. Как поведет себя новая императрица, с какими мыслями взошла она на российский престол? Послы европейских держав, торопя курьеров, отправляли депешу за депешей, сообщали последние слухи, строили предположения, запрашивали новые инструкции.

Из донесения австрийского посла в Петербурге Флоремунда Клавдия графа Мерси д'Аржанто государственному канцлеру графу Кауницу

(Шифровано). Что касается до настоящего времени, то, во-первых, более чем вероятно, что характер новой Государыни, составленный из бурных страстей и странных идей, сделает ее царствование, как в хорошем так и дурном, весьма оживленным и деятельным. Во-вторых, так как Панин был главным орудием к возведению на престол новой Государыни и через то достиг неперемного права руководить ею в делах правления, то он, конечно, сумеет искусно согласовать сохранение собственного кредита со страстями Императрицы. Этот министр чрезвычайно своенравен и искусен в предприятиях, выгодных для его конечной цели.

Если у Панина и были какие-то конечные цели, то в первые недели после переворота он думал о них меньше всего. Забот оказалось столько, что только успевай поворачиваться. Екатерина то и дело посылала за ним, давала все новые поручения, требовала писать мнения и записки. Панин сидел на заседаниях Сената и выполнял роль связующего звена между сенаторами и императрицей, он должен был вести переговоры с голштинскими родственниками бывшего императора и утрясать их многочисленные претензии, ему надо было организовать отправку обратно в Германию голштинских "героев" и еще бог знает сколько других более мелких дел. Одновременно он выдерживал натиск иностранных дипломатов, пытавшихся выяснить, что же происходит в России. Екатерине очень нужна была его помощь. У нее не было ни опыта, ни практических знаний, необходимых для решения текущих вопросов государственного управления, и Панин добросовестно делал все, что от него требовалось.

В первую очередь надо было "успокоить умы", обезопаситься от тех, кто мог быть недоволен переворотом. Хотя и в столице, и в провинции сохранялось спокойствие, меры предосторожности казались нелишними. Гвардию, дабы у нее не появилось соблазна повторить удачное предприятие, купили щедрыми подарками. Гвардейским офицерам и тем, кто хоть как-то был причастен к заговору, Екатерина раздала пятнадцать тысяч душ крепостных да 186 тысяч рублей. Самые богатые награды получили братья Орловы. Трое из них - Григорий, Алексей и Федор - получили по восемьсот душ каждый. Потом все пятеро были возведены в графское достоинство, к которому было приложено село Ильинское Оболенского уезда с тремя тысячами душ да еще 50 тысяч рублей. Григорий Орлов стал камергером, генерал-адъютантом и кавалером ордена св. Александра Невского. Никиту Панина императрица тоже наградила, хотя и скромнее. Ему была назначена ежегодная пенсия в 5 тысяч рублей.

Умиротворив гвардию, надо было подумать и о тех, у кого было достаточно денег и авторитета, чтобы снова ее взволновать. Русская аристократия к тому времени уже набила себе руку на организации государственных переворотов. Петр I, как известно, пришел к власти, свергнув свою сестру Софью. Его жена, Екатерина, получила престол благодаря Меншикову и гвардии. Императрицу Анну возвел на трон Верховный тайный совет. Елизавета тоже получила власть в результате переворота.

Теперь перед новой российской самодержицей стояла непростая задача.

Надо было заручиться поддержкой влиятельных людей и при этом, не дай бог, не обидеть кого-нибудь.

В этом деле Екатерина проявила изобретательность. Всех вельмож, кого удалось собрать утром 28 июня для принесения присяги, она сделала членами Сената, а учреждение это обременила множеством разнообразных дел. Теперь виднейшие представители родовитого российского дворянства отдавали все душевные силы бесконечным спорам о цене на хлеб или о том, где взять лес для строительства новых кораблей. Можно было надеяться, что думать о новых заговорах у них не останется времени.

3

Реформатор

Когда первые суматошные дни миновали, пришло время заняться делами основополагающими. Екатерину привлекала прежде всего деятельность законодательная. О том, чтобы ввести в России гуманные и просвещенные законы, она размышляла давно. Еще в манифесте от 6 июля она объявляла: "Наиторжественнейше обещаем Нашим императорским словом узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного Нашего отечества в своей силе и при надлежащих границах течение свое имело". Устроить жизнь полудикого народа огромной восточной империи в соответствии с мудрыми предначертаниями европейских мыслителей - задача, достойная того, кто мечтает вписать свое имя в историю рядом с Солоном и Юстинианом.

Позднее, в письме к Вольтеру, Екатерина отмечала: "Я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее семя быстро возрастает". Итак, русские - это "почва", которую надо вспахать реформами, хорошенько удобрить иностранными колонистами (этим императрица тоже скоро займется) и, наконец, засеять идеями западноевропейского просвещения. Дело, конечно, не простое. На беду, русский народ совершенно лишен склонности к "гражданской жизни". Нужны толковые помощники, а лучше Панина, пожалуй, и не придумаешь.

Во-первых, он, как писала тогда Екатерина, "наиболее умелый, образованный и деятельный" из всех придворных вельмож. Во-вторых, он достаточно гибок, способен на компромиссы, и с ним легко найти общий язык. Наконец, Панин честен, и на него вполне можно положиться. К тому времени Екатерина хорошо изучила Панина. Никита Иванович не был корыстолюбив и не мечтал, подобно Орловым, о богатствах, которые щедро рассыпала монаршья десница. Была у него слабость - слыл гурманом, но его вполне удовлетворяли повара великокняжеского двора, считавшиеся лучшими в Петербурге.

Панин не был властолюбив. Даже подчиненные всегда считали его начальником мягким и либеральным. Что в Панине было действительно развито, так это честолюбие политика. Он полагал, и не без оснований, что по своим знаниям, опыту, умению анализировать сложные проблемы, возникающие во внутренних и внешних делах империи, он явно превосходит не только Екатерину, но и большинство людей из ее окружения. Естественно поэтому, что Панин считал себя вправе наставлять императрицу и добиваться реализации своих политических идей, приобретая тем самым репутацию крупного государственного деятеля. Императрицу это вполне устраивало. Пусть ее русский Сялли корпит над бумагами. Слава преобразователя все равно достанется не сочинителю проектов, а тому, кто вдохнет в них жизнь. И вот спустя несколько недель после переворота Панин вместе со своим приятелем Г.Н. Тепловым, служившим

секретарем императрицы, занялся подготовкой обширной программы реформ.

Панин хотел начать с того, что ему казалось самым главным, - с реорганизации системы государственного управления. Рыба, как известно, гниет с головы, а в России процесс разложения успел зайти довольно далеко. Но если устранить источники разложения, быть может, удастся не только спасти голову, но и вылечить прочие части государственного организма. В Российской империи, рассуждал Панин, как и во всякой монархии, законодательная власть замыкается на персоне государя. Лишь он вправе изменять существующие законы и устанавливать новые. Ему подчиняется правительство (Сенат), которое управляет государством в соответствии с имеющимися законами и установлениями. К Сенату примыкают коллегии, ведающие государственными делами каждая в своей области.

Такая система, хотя и была создана Петром Великим, увы, далека от совершенства. Вины Петра в этом нет. За свое неспокойное царствование он попросту не успел привести в порядок гражданские установления. Создавая органы государственного управления, Петр взял за образец Швецию. Но, рассуждал Панин, "установления сии и в Швеции тогда оставлены были только на время, после республиканского правления, дабы не произвесть во всем весьма крутой перемены". И эту переходную и несовершенную систему в России не только скопировали, но и попытались совместить с неограниченной монархией, результат оказался плачевным.

Монарх, считал Панин, как бы разумен и просвещен он ни был, не в состоянии устанавливать законы и решать другие дела в одиночку. Он по необходимости будет опираться на помощь приближенных к нему особ. Но существуют ли правила или установления, определяющие, кто и на каком основании оказывается в числе тех, чьи советы выслушивает государь? Таких правил нет. Отсюда и начинаются все беды.

Доступ к монарху далеко не всегда получают люди, того достойные. Фаворит, временщик, просто ловкий и беспринципный человек, пользуясь доверием государя, начинает от его имени объявлять указы и постановления. Расцветают произвол, лихоимство, безнравственность и угодничество. Фаворитам нет дела до интересов государства, для них существуют лишь собственные желания. Государственные дела оказываются заброшенными, казна расхищается, на важные должности назначают не достойных, а тех, кто сумел услужить фавориту. Естественно, что придворные в таких условиях руководствуются принципом: "Была бы милость, всякого на все станется".

Монарх, таким образом, оказывается отделен от своего правительства. Для того чтобы исправить положение, надо закрыть эту брешь, лишить случайных людей возможности влиять на государственные дела. Время от времени такие попытки предпринимались. При особе государя создавались то кабинет, то конференция, но, считал Панин, делу это не помогало, потому что функции этих органов законодательно не были определены и в них заправляли все те же фавориты, получавшие еще большую безнаказанность. Панин предлагал окончательно решить эту проблему и учредить официальный и постоянный орган, который оказывал бы монарху помощь в законодательной деятельности, - Императорский совет.

Идею создания Совета Панин разработал очень подробно. Он даже подготовил манифест об учреждении этого органа. Екатерине оставалось его только подписать. Совет должен был состоять из шести - восьми человек, назначаемых императрицей, - знающих, способных, заслугами и многолетней деятельностью доказавших свое право участвовать в управлении государством. Среди них должны быть статские секретари - по иностранным делам, внутренним делам, военного департамента и морского департамента. Все дела, подлежащие рассмотрению государем, докладываются в Совете соответствующим статским

секретарем, обсуждаются, после чего монарх и определяет окончательное решение.

Свой проект Панин завершил предложением о разделении Сената на департаменты. Всего их предполагалось создать шесть: внутренних дел (ему, в частности, следовало поручить подготовку проекта нового Уложения), апелляционных дел, коммерческих дел и т.д. Мера эта была не менее насущна, чем учреждение Совета. Обычно сенаторы в обсуждаемые вопросы не вникали. Для исполнения своих обязанностей они считали вполне достаточным в надлежащие дни появляться в присутствии. Сенатор, с горечью писал Панин, "приезжает на заседание как гость на обед, который не знает не только вкуса кушанья, но и блюд, коими его будут потчевать". Если заставить сенаторов сидеть не всех вместе, а по пять человек в каждом департаменте, им будет труднее отмалчиваться и придется внимательнее относиться к своим обязанностям. В любом случае при таком разделении труда рассмотрение дел пойдет куда быстрее.

После того как Императорский совет будет создан, Панин полагал реорганизовать коллегии. С точки зрения выполнения своих задач эти учреждения мало чем отличались от Сената. Плотная завеса таинственности скрывала от посторонних глаз творящиеся в коллегиях чудовищные безобразия. Процветали же те, кто "по своим видам, невежеству и рабству составляют государственный секрет из того, что в нации благоустроенной должно быть известно всем и каждому, как-то: количество доходов, причины налогов и пр.". А затем, после преобразования органов государственного управления, Никита Иванович рассчитывал заняться тем, что привлекало его более всего, - развитием промышленности и коммерции.

Поначалу проект Совета императрице понравился. Она подписала манифест о его учреждении, наметила будущих членов, а вскоре последовал указ и о разделении Сената на департаменты. Правда, на всякий случай Екатерина раздала проект некоторым своим ближайшим советникам, дабы узнать их замечания. И тут дело застопорилось. Почему? Об этом историки спорят до сих пор. Дело об Императорском совете, похоже, превратилось в одну из "вечных" исторических загадок.

О том, каков был действительный замысел Панина и почему его проект был в конце концов отклонен, высказывались различные мнения. Чаще всего утверждали, что Панин хотел втихую ограничить власть монарха и ввести в России нечто вроде аристократической формы правления. Родоначальником этой точки зрения был генерал-фельдцейхмейстер Вильбоа, написавший в своих замечаниях на проект, что "Императорский совет слишком приблизит подданного к государю, и у подданного может явиться желание поделить власть с государем".

Отталкиваясь от этого мнения, историки обратили внимание на два неясных места в панинском проекте. Во-первых, в нем указывалось, что членов Совета назначает государь. Но кто имеет право их смещать? У Панина этот вопрос был обойден молчанием. Выходит, должность члена Совета становится пожизненной. "Всякое новое указание, акт, постановление, манифест, грамоты, патенты, которые государь сам подписывает, - говорилось в проекте, - должны быть контрастированы тем статским секретарем, по департаменту которого то дело производилось". Необходимо это было, по мысли Панина, для того, чтобы существовала ясность, какому департаменту данный документ принадлежит. А как быть, если статский секретарь отказывается поставить свою подпись? Будет ли документ без этой подписи иметь силу? И что делать государю, который не вправе сместить строптивного секретаря? Получалось, что самодержавная воля наталкивается на непреодолимое препятствие.

О том, зачем Панину понадобилось подавать проект с подвохом, мнения

историков особенно противоречивы. Одни считают, что обер-гофмейстер хотел отомстить Екатерине за свою неудачную попытку посадить на трон Павла. Другие полагают, что Панин был в восторге от шведской системы государственного управления и хотел создать в России нечто подобное. По поводу последнего мнения русский историк Н. Д. Чечулин в свое время справедливо отмечал, что, коль скоро Панин имел огромный опыт использования недостатков шведской системы правления, было бы странно подозревать его в желании насадить это зло у себя на родине. Вообще говоря, выяснять мотивы поступков политика, тем более жившего два столетия назад, - дело архисложное и неблагодарное. Выявление скрытых мотивов приводит к тому, что данный политик может предстать не в лучшем свете. Попробуйте заявить кому-либо из ныне живущих политических деятелей, что он руководствуется не благородными идеалами, которые провозглашает, а какими-то иными побуждениями. С политиком, жившим столетия назад, такой проблемы не возникает, правда, появляются сложности иного порядка. Существует опасность слишком "рационального" истолкования действий исторического персонажа, когда ему приписываются последовательность и целеустремленность, которых на самом деле не было. Конкретный поступок мог быть не продуманной политической акцией, а плодом случайного стечения обстоятельств, неожиданной идеи. Часто возникает соблазн подогнать исторического деятеля под общепризнанную схему и вообще перенести на события прошлого представления сегодняшнего дня. Так, в тот период существовали политические группировки либералов и консерваторов. Значит, непременно определяется, к какому лагерю принадлежит данный политик... И после этого мотивы его поступков без труда выводятся из политического ярлыка. Панина, скажем, иногда называют "дворянским либералом". В принципе это верно, хотя вовсе не означает, что, работая над своим проектом, Никита Иванович руководствовался именно идеями политического либерализма, а не желанием насолить кому-то из своих недругов.

Обыкновенно, когда анализируют панинский проект Императорского совета, исходят из предпосылки, что борьба партий и группировок производна от политических взглядов. Например, верхушка дворянства хотела ограничить власть монарха. Панин, выражая ее интересы, предложил создать Совет. Преданные трону люди разглядели подвох, и проект был отвергнут. На практике, однако, когда речь идет о борьбе за власть, причинно-следственные связи часто бывают иными.

Нередко люди примыкают к той или иной группировке не потому, что разделяют ее политические установки. Наоборот, они выдвигают политические лозунги для того, чтобы оправдать свою принадлежность к группировке, обосновать ее право на власть и заодно отказать в этом праве конкурирующим группам. В центр такого конфликта, по-видимому, попал и панинский проект. Причина для критики состояла не в том, что он угрожал власти монарха. Причиной был тот факт, что идея исходила от соперничающей придворной партии. Рассуждения же об ограничении монархии были лишь идеологической маскировкой этого обстоятельства. Собственно панинское объяснение мотивов его предложения обыкновенно игнорируется. Между тем оно, хотя и лишено таинственного ореола, вполне достойно внимания.

Панин выступал против фаворитизма. То, что это явление принесло России в XVIII веке немало зла, бесспорно. Мог ли Совет ограничить власть фаворитов? В значительной мере мог. Екатерина, например, планировала ввести в Совет своего фаворита Григория Орлова. И в случае создания этого учреждения, и без него Орлов имел возможность нашептывать императрице свои государственные идеи наедине. Но пока Совет не создан, фавориту достаточно, улучив благоприятный момент, добиться согласия Екатерины на какое-либо свое предложение, и оно приобретало силу закона. В случае, если бы Совет

состоялся, такое нашептывание во многом теряло бы смысл. Ибо, прежде чем объявить свое решение, императрица должна была бы выслушать на Совете различные мнения, в ходе обсуждения стало бы ясно, кто автор новой идеи, со всеми вытекающими отсюда последствиями и т.д.

Ограничивал бы панинский Совет власть монарха? Юридически нет. Раз императрица имела право назначать его членов, подразумевалось, что она могла их и смещать. Во всяком случае, если бы Екатерина заподозрила иное, карьера Панина на этом проекте бы и закончилась. Подпись статс-секретаря также вряд ли можно считать серьезной угрозой для власти монарха. Например, императорские рескрипты русским посланникам за границей обычно подписывались еще и канцлером или вице-канцлером. Но если такой контрассигнатуры не было, это отнюдь не означало, что документ терял свою силу. Однако фактически Совет все же налагал бы ограничения на самодержавную власть. Точнее сказать, он затруднил бы принятие кулуарных, необдуманных и ошибочных решений. Монарху пришлось бы крепко подумать, прежде чем отдать распоряжение, выгодное лишь кому-то из его любимцев. Именно этого Панин, если верить его обоснованию проекта, и добивался. В принципе на это даже в те времена вряд ли можно было что-либо возразить. Поэтому противники Панина и избрали тактику приписывания ему коварного и тайного умысла. Их аргументы, быть может, сыграли какую-то роль и заставили Екатерину насторожиться. Однако вряд ли они имели решающее значение. Дело в том, что Панин никогда не скрывал от императрицы своего отношения к самодержавной власти.

Много позднее Екатерина вспоминала, что Никита Иванович любил повторять фразу: "Короли, короли - это необходимое зло, без него обойтись нельзя". Панин прекрасно видел недостатки монархической формы правления и отдельных коронованных особ, но, по-видимому, рассматривал монархию как необходимое государству объединяющее и упорядочивающее начало, как центр власти, способной подняться выше интересов отдельных лиц, групп и сословий. Когда императрица начинала жаловаться, что дела идут не так, как хотелось бы, Панин обыкновенно говорил: "На что ж вы жалуетесь? Если бы на свете все было совершенство или способно к совершенству, тогда бы вас совсем не нужно было". Однако почему Екатерина все же отклонила панинский проект?

По-видимому, ближе всех к истине подошел С. М. Соловьев. По его мнению, ошибка Панина состояла в том, что он не учел самолюбия императрицы. Никита Иванович предложил ей учредить Совет в качестве меры против "случайных людей". По существу, это было равнозначно тому, как если бы Панин заявил императрице, что она слишком слаба и не в состоянии освободиться от влияния своих фаворитов. Огласить манифест значило публично это признать. Тщеславие не позволило Екатерине решиться на такой шаг, и она надорвала свою подпись на манифесте. Забегая вперед, скажем, что Совет в конце концов был создан, правда, не в той форме, которую предлагал Панин. Когда в 1768 году началась русско-турецкая война, обстоятельства потребовали, чтобы управление государством осуществлялось более четко и оперативно. Екатерине волей-неволей пришлось учредить Совет - сначала как временный, а с января 1769 года как постоянный государственный орган. О том, кого "посадить" в Совет, императрица предварительно проконсультировалась с Паниным. Насколько можно судить, Никита Иванович отнесся к этому нововведению уже без прежнего энтузиазма. Почему? Может быть, оттого, что идея его оказалась сильно исковерканной.

Совет энергично принялся за дело и работал довольно регулярно, обсуждая самые разнообразные вопросы. Учреждение это, созданное Екатериной по крайней мере отчасти по настоянию Панина, пережило и императрицу, и ее преемника. В 1810 году Александр I преобразовал его в Государственный совет, и этот орган просуществовал вплоть до 1917 года. Выходит, что он был нужен и, стало быть,

идея Панина оказалась верна.

Между тем, пока Екатерина мучилась, быть или не быть Императорскому совету, при дворе стали появляться новые лица. Возвращались из ссылки опальные елизаветинские вельможи, люди пожившие, умудренные опытом те, на кого можно было опереться. Первым в столице появился князь Яков Петрович Шаховской, бывший генерал-прокурор. Шаховской, как приехал, сразу же пошел во дворец, но не в парадные комнаты, а на половину великого князя, к Панину. Встретились - и обнялись. С князем Яковом они были старые приятели, когда-то вместе служили в конной гвардии. А через несколько дней в Петербург приехал граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, знаменитый некогда канцлер, много лет управлявший государством от имени Елизаветы.

Панин знал Бестужева еще в те времена, когда тот был деятельным и ловким царедворцем, властным и высокомерным. Теперь граф сильно сдал. Он казался совсем дряхлым стариком, руки его заметно дрожали, ходил он тяжело, с трудом переставляя ноги. И только умные внимательные глаза на неподвижном морщинистом лице говорили о том, что силы старика еще не оставили.

Екатерина встретила Бестужева с великими почестями. Сразу же по приезде он был в придворной карете доставлен в Летний дворец, где императрица наложила на него орден св. Андрея Первозванного и пожаловала чин генерал-фельдмаршала да 20 тысяч рублей ежегодной пенсии. Потом его сиятельство отвезли в дом, специально для него приготовленный, а от двора определили стол, погреб и экипаж.

В августе в столицу приехал еще один человек, которого Панин ждал с особым нетерпением. Из Пруссии вместе с армией вернулся наконец его брат - генерал Петр Панин. У Никиты Ивановича было немало друзей и единомышленников, но, пожалуй, ни с кем он не был так близок и откровенен, как с братом. На первый взгляд братья Панины были совершенно несхожи и по характеру, и по склонностям, и по жизненному опыту. Никита Иванович - профессиональный дипломат, мягкий, осторожный, любезный и приветливый со всеми. Петр Иванович, всю жизнь прошедший на военной службе, был прямолинеен, резок, порою груб и имел склонность откровенно высказывать свое мнение, даже тогда, когда это могло не понравиться лицам весьма влиятельным.

На службу Петр Панин был определен еще подростком, в 14 лет. К обязанностям своим он относился ревностно, но характер у него оказался сложный, во всяком случае, скорому продвижению по службе он явно не способствовал. Как-то раз его отец решил походатайствовать, чтобы сына скорее произвели в капралы. Узнав об этом, Петр

Панин совершил поступок, для человека его времени и положения необычайный. Он написал отцу, что такая протекция "ввергает его в стыд и презрение подчиненных его чину", поскольку он еще слишком молод и мало знает, чтобы учить тех, у кого самому следовало бы поучиться. Потом Панин участвовал в Крымских походах, в сражениях со шведами в 1741-1743 годах и к началу Семилетней войны дослужился до чина генерал-майора.

В Пруссии Петр Панин сразу оказался в гуще событий. Он участвовал во всех крупнейших битвах, отличился в сражениях при Цорндорфе, Пальциге и Кунерсдорфе, получил контузию и закончил войну в должности генерал-губернатора Восточной Пруссии, имея чин полного генерала и репутацию храброго полководца и искусного тактика. По возвращении в Петербург Петр Панин был встречен Екатериной весьма милостиво и назначен сенатором.

Слух о том, что Никита Иванович готовит проект Императорского совета, уже распространился, и при дворе с интересом обсуждали, кто будет удостоен чести заседать в этом новом учреждении. В председатели многие прочили Бестужева. Опыта и ловкости ему было не занимать, смущал только возраст. Графу уже минуло 68 лет. В такие годы, да еще при слабом здоровье, самое

время с почетом отойти от государственных забот и, отрешившись от мирской суеты, помыслить о божественном. Но Бестужев складывать оружия не собирался, тем более что Екатерина действительно планировала его не только поставить во главе Совета, но и поручить дела иностранные. У старого графа в этой области был огромный опыт, служить по дипломатической части он начал еще при Петре I, в 1713 году. Раз он втянул Россию в Семилетнюю войну, ему и распутывать многочисленные проблемы, порожденные этой войной, вернее сказать, не самой войной, а тем способом выхода из нее, который избрал Петр III.

Борьба с Пруссией была хотя и затяжной, но в целом вполне успешной. Фридрих II стоял уже на краю пропасти. Его могло спасти только чудо, и оно свершилось. Петр III, взойдя на престол, разом перечеркнул все то, что было добыто в этой войне. Он не только заключил с Фридрихом мир и союз, но и отдал приказ корпусу генерала З.Г. Чернышева соединиться с прусскими войсками и начать боевые действия против своего недавнего союзника - Австрии! Бессмысленные и непредсказуемые поступки Петра III спутали все карты.

Австрия была разочарована и крайне раздосадована. Австрийцы воевали ради того, чтобы отнять у Фридриха Силезию. Добыча, казалось, была уже в руках, но теперь, без помощи России, получить лакомый кусок было невозможно. Франция также вела боевые действия против Фридриха, но после того, как Петр III вышел из войны, ее давняя вражда к России возобновилась. Англия, прежде помогавшая Пруссии, выжидала, как будут разворачиваться события. В самом сложном положении оказался, конечно, сам Фридрих II. Его судьба целиком зависела от того, что предпримет русская императрица. Если Екатерина предпочтет продолжать войну, ему уже не на что будет надеяться. Прусский король это хорошо понимал. Узнав о воцарении Екатерины II, он так перепугался, что приказал ночью тайно перевезти государственную казну из Берлина в Магдебург на случай, если придется бежать. Пруссия была истощена и совершенно разорена. Королю нужен был мир во что бы то ни стало, и в первую очередь мир с русской императрицей.

Положение в Европе было неясным, неопределившимся. Его прежние формы были разрушены войной, но оно еще не приобрело новых очертаний. Для России это означало, что наступил тот редкий благоприятный момент, когда можно было безопасно совершать смелые и резкие изменения во внешней политике, избавляться от обременительных обязательств, примиряться с прежними врагами, вступать в новые выгодные союзы. Россия была достаточно сильна для того, чтобы позволить себе выбирать. Правда, делать выбор надо было очень расчетливо и осторожно. Приходилось учитывать не только сложные отношения с великими европейскими державами, но и настроения беспокойных соседей России. На севере неослабного внимания требовала Швеция. На западе существовала другая давняя проблема - польская.

Минули те времена, когда России надо было отстаивать свою независимость в борьбе с воинственными польскими феодалами. В то время, пока русские люди упорно и настойчиво возводили величественный храм могущественной державы, Польша все глубже погружалась в болото анархии. Шляхетская вольница, ни во что не ставившая короля, все свои силы отдавала внутренним распрям. До тех пор, пока Польша не попадала под влияние враждебной державы, она была неопасна, но здесь, как и в Швеции, ловко действовали французские агенты.

Наконец, на юге России противостоял старинный и все еще сильный противник - Турция. Причины для конфликтов с Османской империей было достаточно. Турция отрезала Россию от Черного моря, еще в древности называвшегося Русским. Из-за Турции Россия должна была терпеть соседство воинственных кочевников - крымцев.

Крымское ханство, по образному выражению историка В.А. Бильбасова, было

остатком некогда страшного ордынского змия, с которым русскому народу пришлось вступить в смертельную схватку. Первая его голова была отсечена на Куликовом поле. Вторую поразил Иван Грозный, покорив Казань. Оставалась третья, уже обессиленная, но еще способная жалить. Крымцы совершали кровавые набеги на южнорусские города, выжигали целые села, уничтожали посевы и скот, уводили тысячи пленников. При помощи крымцев Порта вызывала волнения среди мусульманских народов, живших на территории Российской империи. Рано или поздно с турками предстояло вступить в открытую борьбу. Впрочем, всех проблем не перечисть.

Решать их надо было не откладывая, но с чего начать? Каковы главные цели, которые надлежит положить в основу внешней политики государства? Прежде на этот вопрос отвечали без затруднений. После смерти Петра I внешняя политика России практически неизменно строилась по единой схеме. В Петербурге постоянно домогались дружбы с Австрией, считая ее "естественной" союзницей в борьбе с Турцией. Стремление к этому союзу было так велико, что часто превращалось в самоцель, заслоня иные, не менее значимые интересы государства.

Австрия в те годы конфликтовала чуть ли не со всей Европой. Поэтому Россия, как ее верная союзница, регулярно обнаруживала в числе своих врагов и Францию, и Пруссию, а нередко еще и Англию. Если Россия и извлекала какую-то выгоду от дружбы с Веной, то весьма умеренную. Во всяком случае, этот выигрыш с лихвой перекрывался бедами, которые приносили постоянные происки противников России в Стокгольме, Варшаве и Константинополе. После воцарения Елизаветы Петровны внешнюю политику страны взял в свои руки канцлер Бестужев-Рюмин. Он тоже был приверженцем дружбы с Австрией, но, в отличие от своих предшественников, не забывал, что кроме союзнических обязательств у России есть еще и собственные интересы. Итогом его дипломатии стало то, что страна оказалась вовлечена в общеевропейскую войну. Теперь война для России кончилась. Можно было создавать новую внешнеполитическую систему. Но действовать следовало крайне осмотрительно, ибо успех на много лет вперед зависел от того, насколько удачными окажутся первые шаги. Самым острым был вопрос о Пруссии. Панин советовал мира не нарушать. Войну с Фридрихом начали якобы потому, что прусский король стал слишком силен и опасен для соседей. Коли так, то цель войны - ослабление Пруссии - достигнута и незачем снова проливать кровь русских солдат. Императрица с этими доводами согласилась, и мир подтвердили. Но теперь приехал граф Бестужев, и Екатерина решила довериться ему. "Батюшка Алексей Петрович! - писала она старику. - Пожалуй, помогай советами". И Бестужев взялся помогать.

Старый граф зачастил ко двору. Он часто и подолгу беседовал с императрицей, а окружающим давал понять, что Екатерина теперь и шагу не ступит, не посоветовавшись прежде с ним. Положение в государстве он оценивал довольно скептически. Государственная повозка, по его словам, завязла весьма глубоко, и он еще не знает, можно ли ее вытащить и каким образом. Особенно плохи дела в политике иностранной. Почему, например, не была возобновлена война с Пруссией? Ее следовало вести до окончательной победы, сохраняя союз с Австрией и по возможности домогаясь дружбы с Англией. Так делалось, когда он, Бестужев, был канцлером. Следовательно, такая политическая система опробована и надежна, а любой другой путь для государства вреден и опасен.

Коса нашла на камень. На регулярных конференциях, созывавшихся императрицей, Панин и Бестужев все чаще расходились во мнениях. В этом не было бы большой беды, если бы старик говорил только от своего имени. Но скоро у него обнаружился единомышленник - Григорий Орлов. Новоиспеченный камергер благосклонно внимал речам Бестужева, иногда ему поддакивая. К

счастью, Екатерина не придавала мнению Орлова большого значения. Императрица дорожила им не меньше, чем прежде, но только не как политиком. Сколько ни пыталась она приобщить графа Григория к государственным делам, он неизменно начинал скучать, лениться и в конце концов сбегал, чтобы предаваться занятиям более приятным. Чем он действительно мог увлечься основательно и всерьез, так это псовой охотой. К тому же время от времени он позволял себе такие выходки, которые заставляли сильно сомневаться в его способностях как политика.

Однажды на куртаге во дворце Орлов принялся в присутствии Екатерины рассуждать о своей популярности в гвардии. Воображение его распаялось все более, и вдруг он, к изумлению собравшихся, заявил: "Мне бы хватило и месяца, чтобы устроить новый переворот". Императрица побледнела, потрясенные слушатели молчали. Не растерялся только гетман Разумовский. "Такое возможно, - задумчиво ответил он, - но мы бы повесили тебя, мой друг, за неделю до этого".

О том, что объединило Орлова и Бестужева, можно строить разные предположения. Скорее всего, Григорий понимал, что его положение при дворе, власть и богатство целиком зависят от личного расположения Екатерины. Он был всего лишь фаворит, и уже в те времена это слово приобрело негативный оттенок. Чтобы упрочить свои позиции, ему желательно было завязать дружбу с кем-либо из влиятельных государственных деятелей, стать для них полезным и нужным. Панин отпадал, ибо в принципе был против того, чтобы фавориты вмешивались в серьезные дела. Следовательно, оставался Бестужев. Старику же это было очень кстати, так как позволяло ему применить старую испытанную тактику опоры на фаворита. Поодиночке они были Панину не страшны, но вместе уже представляли определенную силу. Теперь Екатерина изо дня в день выслушивала критику панинской программы, а заодно и его личных качеств уже с двух сторон.

На отношении к Панину при дворе сказывались еще и поступки его брата. Генерал по обыкновению не стеснялся говорить то, что думал, а единомыслие братьев было хорошо известно. Некоторые документы, например доклад о Новой Сербии, они даже готовили вместе. Известен, в частности, такой случай.

Однажды Екатерина принесла в Сенат сочиненные ею новые правила торговли солью. Когда документ этот был прочитан, сенаторы повскакивали с мест и принялись бурно выражать восторг по поводу услышанного. Сидеть остался один генерал Панин. Императрица удивилась:

- Вы, я вижу, противного с нами мнения?

- Так, государыня, но рассуждать мне после сделанного Вами постановления уже непристойно.

- Нет, это только предположение. Взгляните, бумага не подписана мною, говорите свободно, я Вас о том прошу.

- Когда так, позвольте снова выслушать.

Все уселись на свои места, и Екатерина начала читать во второй раз.

Панин безжалостно громил каждую статью. Императрица сохраняла хладнокровие, соглашалась и вымарывала все, что оказывалось неверным. Когда генерал, наконец, выговорился, Екатерина отвела его к окну, долго беседовала с ним о чем-то, а потом пригласила к своему столу отобедать.

Пример великодушия и терпимости, достойный того, чтобы попасть в историю. Но можно представить, чего это стоило Екатерине с ее самолюбием. Такого она не забывала.

При дворе за перепалкой между Никитой Паниным и графом Бестужевым следили с неослабевающим интересом, и трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы в Петербурге не появился еще один престарелый елизаветинский вельможа - граф Герман Карл Кейзерлинг. Выходец из Курляндии,

Кейзерлинг большую часть своей жизни провел на дипломатической службе. Долгое время он был послом в Вене, а Петр III велел ему перебраться в Варшаву, но с заездом в Петербург. Кейзерлинг не торопился и добрался до столицы уже после переворота. При дворе он был принят ласково. Екатерина не без оснований считала его человеком неглупым и знающим. Прежде Кейзерлинг был весьма дружен с Бестужевым, поэтому Панин от его приезда ничего доброго не ждал, но случилось иначе.

При первой же беседе с императрицей Кейзерлинг заявил, что слишком стар, чтобы лукавить, а поэтому будет говорить только правду. Правда же, по его убеждению, заключалась в том, что нынешняя война для Российской империи крайне невыгодна. Вообще Россия может с полным равнодушием относиться к тому, какая из двух воюющих держав, Австрия или Пруссия, удержит за собой Силезию. Тратя деньги и проливая кровь ради решения таких споров, Россия без какой-либо пользы для себя будет трудиться во имя интересов иностранных держав. Панин совершенно прав, утверждал Кейзерлинг, когда с подозрением относится к союзу с Австрией. Многолетний опыт службы в Вене позволяет ему говорить об этом с полной уверенностью. Поэтому его не покидает надежда со временем излечить графа Бестужева от странной приверженности к австрийскому двору. После таких внушений Екатерина совершенно растерялась и не знала, кого слушать. В конце концов решила положиться на мнение большинства и созвала конференцию.

То, что заседание станет бурным, было ясно заранее, но такого накала страстей императрица, пожалуй, не ожидала. Спорили запальчиво и зло, иной раз забывая о присутствии государыни. Когда настало время подводить итоги, выяснилось, что Бестужев остался в одиночестве. Никто из участников заседания, даже Орлов, его не поддержал.

Слухи о том, что Бестужев проиграл важную битву, быстро распространились при дворе. На старика это подействовало угнетающе. Он сказался больным и несколько дней не появлялся в свете, но замыслов своих не оставил и пользовался всякой возможностью, чтобы обругать своих недругов.

Панин должен был бы торжествовать победу, но схватка на конференции вызвала у него сложные чувства. Постоянные споры и столкновения с Бестужевым казались ему цепочкой бессмысленных недоразумений. Он привык относиться к старику с уважением хотя бы потому, что его прежние заслуги перед престолом и отечеством были велики и бесспорны. Удачным началом своей дипломатической службы Панин тоже был обязан Бестужеву. Надо было попытаться положить конец этой нелепой и затянувшейся вражде. В сущности, цель у них одна - благо отечества, несогласие лишь в средствах. Правда, оставалось непонятным, почему Бестужев так упорно нападает на все панинские начинания. Что это - просто заблуждение, понятная для старика приверженность к прежним "лучшим" временам? Или, о чем не хотелось и думать, графу попросту необходимо иметь свое особое мнение в противовес точке зрения противника? Неважно, что защищать, лишь бы одержать верх, а заодно прослыть самостоятельным мыслящим политиком?

Из донесения графа. Мерси д'Аржанто государственному канцлеру графу Кауницу

Продолжая мое сегодняшнее донесение, я дошел до разговора, который имел несколько дней тому назад о настоящем положении здешних дел с графом Бестужевым... Бывший канцлер сказал между прочим, что он лично всегда был предан всепресветлейшему эрцгерцогскому дому и весьма желал бы видеть прежнее тесное согласие между обоими императорскими дворами восстановленным... Но при этом он не хочет скрыть от меня искренность своего убеждения, что наш двор более нуждается в здешнем, чем последний в нашем. Россия сама по себе настолько крепкое государство, что может обойтись без

всякой иноземной помощи... Что же касается до прусского могущества, то он, граф Бестужев, признает, что... для России, по-видимому, не могут произойти от сего особенно вредные последствия... Его неосторожные и бесцеремонные речи... он... искал несколько умерить заявлением, что он говорил не как министр, а лишь поведал мне в доверительной откровенности частные свои мысли, которые, как он уверял меня, он никогда не развивал на конференциях...

"Частных мыслей" графа Никита Иванович не знал, а потому твердо решил с ним примириться, во всяком случае, сделать к этому первый шаг. Случай скоро представился.

Граф Бестужев давно просил Екатерину издать манифест о его оправдании. Старик желал "оставить по себе честное имя", а заодно и получить козырь в борьбе со своими явными и скрытыми недоброжелателями. Но огласить такой манифест было непросто. Оправдать Бестужева значило осудить того, кто подверг его опале. Если бы старого графа сослал Петр III, вопрос решился бы без затруднений. Но Бестужева осудила Елизавета, а упрекать ее в несправедливости было рискованно, это могло вызвать сильное недовольство. Покойная императрица оставила добрую память, к тому же еще были живы многие влиятельные "елизаветинцы".

Екатерина не знала, как быть с манифестом, и все время откладывала это дело. Впрочем, если бы она и решилась такую бумагу подписать, найти человека, который мог бы составить столь щекотливый документ, тоже было нелегко.

Написание манифестов, указов и прочих государственных документов, подлежащих оглашению, почиталось делом весьма сложным и ответственным. В известном смысле манифесту следовало быть маленьким шедевром, произведением искусства. Ему полагалось быть ясным, чтобы всяк, прочитавший или услышавший его, понял, о чем идет речь. Ему надлежало быть убедительным, чтобы любой читатель неизбежно приходил к мысли о том, что оглашение манифеста было совершенно необходимо, а содержащееся в нем решение является единственно правильным. Наконец, манифест должен был быть, насколько это позволял канцелярский слог, стилистически изящным.

Мастеров в написании государственных документов было мало, и они ценились очень высоко, в особенности Екатериной, которая сама по-русски писала не вполне грамотно. В предшествовавшее царствование непревзойденным виртуозом в написании указов считался Дмитрий Волков, секретарь и ближайшее доверенное лицо Петра III. Особенно он прославился благодаря такому случаю.

Петр III очень любил ночные похождения. Единственное, что мешало ему предаваться любимому делу, так это гнев Елизаветы Воронцовой. И вот однажды император, желая скрыть свое очередное развлечение, призвал Волкова и в присутствии Елизаветы объявил, что намерен провести всю ночь со своим секретарем в занятиях важными государственными делами. После этого он запер Волкова в пустую комнату вместе с огромным свирепым псом, приказал написать к утру какой-нибудь важный указ и отправился развлекаться. Волков долго ломал голову, как быть, и, наконец, вспомнил, что третьего дня канцлер Воронцов толковал с императором об освобождении дворян от обязательной службы. Недолго думая, Волков взялся за перо и сочинил Манифест о вольности дворянской. Вернувшись поутру, Петр III манифест одобрил и подписал. Так российское дворянство, призванное служить государству волею Петра Великого, было освобождено от этой обязанности благодаря случайной фантазии тайного секретаря Волкова.

Канцелярское искусство помогло Волкову избежать падения после отречения Петра III. Екатерина, памятуя о способностях тайного секретаря, оставила его на службе и лишь удалила из столицы, определив вице-губернатором в Оренбург.

Теперь среди выдающихся мастеров пера числились трое - Григорий Теплов, Иван Елагин, оба секретари императрицы, и сам Никита Иванович. Теплов и Панин были авторами большинства государственных документов первых месяцев нового царствования. Но поручить Теплову дело Бестужева было нельзя. Старый граф его буквально ненавидел, подозревая, что именно Теплов написал тот донос, который стал причиной всех бестужевских несчастий. Дело, следовательно, можно было поручить либо Елагину, человеку весьма знающему и большому фантазеру, время от времени впадающему в мистицизм, либо, наконец, Панину. Правда, приказать Никите Ивановичу заняться таким в сущности малозначащим вопросом Екатерина не решалась. Его можно было попросить, но Панин вызвался сам.

Над манифестом пришлось изрядно потрудиться. Бестужев был осужден за попытку организации государственного переворота во время тяжелой болезни Елизаветы. Вопреки ожиданиям графа, Елизавета быстро поправилась, узнала о его интригах и в гневе сослала его в деревню, причем в указе он был назван "бездельником, клятвонарушителем, изменником Отечеству, состарившимся в злодеяниях". Панину пришлось крепко поломать голову, прежде чем он добился необходимой обтекаемости фраз. Выходило, что все несчастья произошли с Бестужевым исключительно из-за коварства и подлогов недоброжелателей, а Елизавета Петровна, государыня прозорливая, просвещенная, милосердная и правосудная, была, увы, введена в заблуждение. Это и неудивительно, ибо лишь господь ведаёт о человеческих помышлениях, но никто из смертных не в силах проникнуть в них. Екатерине манифест понравился. Панин свое дело сделал, оставалось ждать, как к этому отнесется Бестужев. Впрочем, с приближением осени все политические дела отходили на второй план. Двор собирался в Москву для совершения коронации ее императорского величества.

Екатерина ехала в первопрестольную по необходимости. Москву она не любила: слишком много церквей и нравы грубы. Иное дело Петербург: здесь и обхождение деликатнее, и чужестранцев больше, а у них русский человек всегда может перенять что-нибудь полезное. Иностранцев в столице действительно было много. Из приблизительно стотысячного населения города они составляли не менее седьмой части. Петербург, как, впрочем, и многие другие европейские столицы, медленно, но неуклонно превращался в город-космополит. Не только иноземцы делали его непохожим на остальную Россию. Сами коренные обитатели города, точнее сказать, его "просвещенная публика" совершенно европеизировалась.

Среди образованных людей считалось признаком хорошего тона говорить только по-французски, пусть даже плохо, но все же не на родном языке. При дворе это было нормой. Англичанка Марта Вильмот, долго жившая в России, вспоминала такой случай. Ее соотечественница вышла замуж за русского и, собираясь в Россию, выразила желание изучить язык этой страны. "Он будет тебе совершенно бесполезен, - возразил супруг, - разве только для того, чтобы говорить с прислугой".

Историки нередко упрекали Екатерину II за то, что она так и не научилась хорошо говорить по-русски. Но современники не видели в этом ничего зазорного. Столбовые русские дворяне зачастую понимали речь своего народа с трудом. Над фельдмаршалом П. А. Румянцевым, природным русским, приятели смеялись, что он на родном языке говорит, "как немец". Грамматика большинству людей того времени была неведома. Твердо следовали только одному правилу - как выговаривается, так и пишется. Пренебрежение языком своего народа доходило до абсурда. Из уст русского человека, издевался А. Сумароков, нередко можно было услышать такую, например, фразу: "Я в дистракции и в дезеспере, аманта моя сделала мне инфиделите, и я а ку сюр против риваля своего реванжироваться".

Таковыми были столичные нравы, и Екатерине они ничуть не претили. Императрица часто говорила о своей любви к России и русскому, но то была странная любовь. Надо способствовать умножению населения страны, убеждал ее Панин. Прекрасно, соглашалась Екатерина, будем ввозить подданных из-за границы. И в 1762 году она собственноручно написала манифест о переселении иностранных колонистов.

Недостатка в желающих отправиться в варварскую Московию не было. Еще бы, если о колонистах русская императрица проявляла самую трогательную заботу. В места поселения их привозили за казенный счет, выдавали им деньги на обзаведение и строили дома "о четырех светлицах и кухне". На строительство сгоняли, естественно русских мужиков. Колонистов освободили от воинской повинности, а местным властям запретили вмешиваться во внутренние дела их поселений.

Правда, вскоре новые подданные причинили императрице немалую досаду. Выяснилось, что многие пустующие земли, где предполагалось их разместить, в действительности давно уже заняты и обрабатываются местными жителями. Как быть? Сенат, которому Екатерина повелела решить этот вопрос, понимал его сложность и медлил с ответом. К счастью для обиженных переселенцев, в дело вмешался Григорий Орлов, которому поручено было их опекать. Пусть тамошние жители, решил он, собственную землю выкупают, а кто не сможет - у тех отнимать.

Колонисты богатели, и в этом не было ничего удивительного, если учесть, что их селили на самых лучших, плодородных землях, а участки, получаемые ими бесплатно, в 20-30 раз превосходили наделы живших по соседству русских крестьян. Что действительно достойно удивления, так это то, что потомки этих переселенцев никакой благодарности к императрице не испытывали. Когда много позже в Крыму было решено поставить памятник Екатерине II, колонисты отказались вносить на него пожертвования и демонстративно отсутствовали на открытии. Зато в 1901 году на их деньги в Москве на Божедомке был поставлен памятник германскому канцлеру Бисмарку.

Но в 1762 году москвичи еще не дошли до такой жизни. Прежняя столица во многом сохраняла свои древние обычаи и свое особое московское очарование. Кремль, не испрокаженный еще позднейшими архитектурными упражнениями, представлял во всем своем суровом величии. Московская знать, конечно, тоже не чуралась плодов европейской цивилизации. В Благородном клубе, предшественнике Благородного собрания, изъяснялись по-французски, кушали устриц, "гомаров" и руанские "конфеты". В доме князя Долгорукова на Тверской был открыт первый кофейный дом. И все же в Москве жили и думали иначе, чем в Петербурге.

В первопрестольной обосновалось родовитое дворянство, не умевшее или не желавшее служить при дворе. Всякое правительственное нововведение оно воспринимало скептически и крепко держалось старины. Даже приобщаясь к европейской кухне, москвичи не забывали о своей. В знатных домах непременно держали поваров, умевших по старинным рецептам готовить уставные блюда боярских пиров - кулебяки, пироги колобовые и подовые, сборные щи, лапшу, свинину во всевозможных видах и т. д.

В Петербурге был свой центр образованности - Академия наук. В Москве эту роль, даже после открытия университета, долгое время играла Славяно-греко-латинская академия. Знание философии, древних языков и, конечно же, русского языка здесь давалось несравненно более глубокое, чем в университете. Из стен этого учебного заведения вышло немало талантливых деятелей, причем не только церковных. Один из современников утверждал даже, что в России, вплоть до Карамзина, языковые и литературные традиции поддерживали именно Славяно-греко-латинская академия и другие духовные

училища.

Московский университет, содержащийся в то время на доходы от продажи водки, был плоть от плоти Академии наук, но во многих отношениях от нее отличался. Петербургская академия целиком находилась в руках иностранцев, и только Ломоносов пытался противостоять засилью таубергов и шумахеров. В университете тоже было много шумахеров, но вели они себя тише и не дерзали, например, осуществлять цензуру печати. Поэтому в Москве литераторам писалось легче и жилось вольготнее. В университете зарождалось будущее русской литературы, здесь в то время учились Державин, Карамзин, Богданович, Фонвизин. Вообще Москва по сравнению с холодным, казенным Петербургом была яркой, многоликой, самобытной и упорно сопротивлялась всем попыткам правительства переделать ее по иноземным образцам. Может быть, поэтому Екатерина и не любила этот город.

В Москву Никита Иванович вместе со своим воспитанником отправился 27 августа. Ехали не торопясь - дорога была плоха, непрерывно лили дожди, к тому же и поезд цесаревича был велик - 27 экипажей да под них 257 лошадей. В дороге великий князь неожиданно заболел, начался лихорадочный припадок. Пришлось остановиться. Боялись опоздать к торжественному въезду императрицы в город, но, слава богу, успели вовремя.

Москва давно готовилась к прибытию двора. Улицы богато украшены зелеными ветками, балконы увешаны яркими разноцветными тканями. Екатерина въехала в город в открытой карете в сопровождении свиты и конвоя конной гвардии. Принаряженные москвичи сбегались поглазеть на шествие императорского кортежа. Громко и торжественно гудели, перекликаясь, колокола, заглушаемые лишь грохотом пушечных салютов. Екатерина осталась довольна приемом.

Вся следующая неделя была занята приготовлениями к коронации. Панин в общей суете участия не принимал, он безвыходно оставался в Кремле при цесаревиче. Мальчик не оправился до конца от болезни и был довольно слаб. О том, что происходит при дворе, Панин узнавал в основном по слухам. Рассказывали, например, что за четыре дня до коронации граф Бестужев предложил Сенату просить Екатерину принять титул "матери отечества". Императрица эту честь отклонила.

Коронация произошла 22 сентября, в воскресенье. Екатерина в императорской мантии, поддерживаемой шестью камергерами, под звон колоколов Ивана Великого проследовала в Успенский собор. Начался древний, величественный обряд венчания на царство. Старинные одеяния архиереев, сверкающие золотым и серебряным шитьем наряды вельмож соперничали яркостью и великолепием с убранством главного кремлевского собора. Граф К. Г. Разумовский и генерал-адмирал князь А.М. Голицын поднесли императрице золотую подушечку, на которой покоилась усыпанная бриллиантами корона, и Екатерина под гром пушек возложила ее на себя. Потом новгородским митрополитом Димитрием говорилось речь. Был он уже в преклонных летах, но голос его звучал уверенно и твердо: "Красуйся, царствующий град, и удивляйся, глаголя: откуда мне сие, яко прииде мати отечества ко мне?" Вечером того же дня в Кремле был устроен торжественный обед, на который были приглашены и иностранные министры.

Из донесения графа Мерси д'Аржанто государственному канцлеру графу Кауницу (Шифровано). Прежде всего мне надлежит упомянуть о недавно совершившемся здесь торжественном акте коронации, как о предмете, который русский народ считает священнейшим и непоколебимейшим подтверждением высочайшего значения и верховной власти своих государей, и посредством которого ныне царствующая Государыня, вместе со своими министрами, постаралась немедля утвердить престол, на который недавно вступила... Со

времени первых проявлений недовольства, высказанных вскоре по кончине прежнего царя, в Петербурге, среди гвардейских полков, беспокойное настроение не только непрерывно продолжалось, но и распространилось до здешней древней столицы России. Большая часть нации казалась раз навсегда нерасположенной к иностранному происхождению новой Государыни. Русский народ при въезде упомянутой Государыни выразил лишь общее любопытство, обыкновенно вызываемое каждым новым общественным зрелищем. Вне сего не было никакой возможности побудить публику к выражению малейшей радости или удовольствия, и радостные восклицания некоторого числа деньгами подкупленных людей дали мне тем яснее понять, что недовольные действительно составляют большинство. Между этими последними даже находилось несколько таких, возгласы которых были направлены на молодого великого князя, и они называли его своим императором.

Что бы ни думали иностранные дипломаты, Екатерина была польщена приемом. Сразу после коронации начались торжества. 23 сентября были устроены народные гулянья. На Ивановской площади под окнами Грановитой палаты били фонтаны красного и белого вина, всем желающим раздавали жареное мясо и прочую снедь. Императрица собственноручно бросала из окна золотые и серебряные монеты. Следующий день был посвящен представлению дворянства. Балы, маскарады, обеды, куртаги, фейерверки и театральные представления следовали один за другим. Екатерина не скупилась, великолепии и многолюдство придворных маскарадов поражало воображение даже видавших виды москвичей. Торжества растянулись на всю осень и начало зимы. Так подошел к концу богатый событиями 1762 год.

4

Король, которого мы делали

Весной 1763 года придворная борьба приняла новый неожиданный оборот. Бестужев и Орловы придумали простой и надежный способ надолго оттеснить от трона любых соперников, в первую очередь Панина. Для этого Екатерине надо было выйти замуж за Григория Орлова. Бестужеву удалось уговорить на эту авантюру императрицу и для облегчения дела даже выхлопотать у австрийского посланника для Григория Орлова титул князя Священной Римской империи.

Проект вызвал сильную оппозицию. Стремительным возвышением Орловых многие и без того были недовольны. Бестужев хотел заручиться помощью старика Алексея Григорьевича Разумовского. Ходили слухи, что граф Алексей Григорьевич в свое время тайно вступил в морганатический брак с императрицей Елизаветой Петровной. Если бы удалось найти документ, удостоверяющий это событие, на него можно было бы сослаться как на прецедент. За документом пошли к самому Разумовскому. Он выслушал просьбу, достал из шкатулки какую-то бумагу, со слезами на глазах бросил ее в огонь и заявил, что такого документа никогда не существовало.

Канцлер Воронцов, когда его попросили поддержать бестужевский проект, немедленно отправился к императрице и попытался объяснить ей всю пагубность задуманного шага. Панин, узнав о проекте, говорит, произнес такую фразу: "Императрица может делать все, что захочет, но госпожа Орлова не может быть императрицей". Слухи о предстоящем замужестве Екатерины распространялись, вызывая все большее недовольство. Начались волнения в гвардии. По подозрению в заговоре был арестован камер-юнкер ф. Хитрово. При расследовании дела выяснилось, что некоторые офицеры намеревались, в случае развития брачного

предприятия, свергнуть с престола невесту и убить жениха. Дело дошло до того, что иностранные дипломаты в Петербурге со дня на день ждали государственного переворота.

Такое неустойчивое, неопределенное положение сохранялось все лето 1763 года. Императрица колебалась, не зная, кого слушать, на кого опереться. В конце концов она поняла, что бестужевская затея чревата крупными неприятностями, и сочла за лучшее от нее отказаться. Самому Бестужеву роль неудачливой свахи авторитета, разумеется, не прибавила. Развязка наступила осенью.

Утром 6 октября 1763 года в Петербург прискакал курьер из Варшавы от графа Кейзерлинга. Он доносил, что на днях в Дрездене скончался саксонский курфюрст и польский король Август III. Екатерина тотчас велела созвать конференцию. Во внутренних покоях императрицы собрались наиболее влиятельные люди государства - граф Бестужев-Рюмин, сенатор И.И. Неплюев, обер-гофмейстер Никита Панин, граф Григорий Орлов, вице-канцлер князь А.М. Голицын и тайный советник А.В. Олсуфьев. Обсуждали вопрос: что необходимо предпринять для обеспечения русских интересов в Польше? Претензий к Речи Посполитой в Петербурге было много, от малых до значительных.

Польша упорно отказывалась признать за русскими царями императорский титул, отчего официальных отношений между двумя государствами фактически не было. Россия поддерживала отношения лишь с польским королем как саксонским курфюрстом. В Речи Посполитой православное население насильственно принуждалось к унии, а тех, кто сопротивлялся, католические священники подвергали жестоким гонениям. Тем самым, в частности, нарушались условия "Вечного мира", заключенного между двумя странами еще в 1686 году. Польские магнаты укрывали у себя беглых преступников и, опять же в нарушение трактата, отказывались выдавать их русским властям. Остро стояла пограничная проблема. Владения двух государств не были разграничены, поэтому польские феодалы втихую захватывали и заселяли русские земли. Когда в 1753 году граница была обследована, выяснилось, что к Польше незаконно отошло 988 кв. верст земли. Русское правительство неоднократно предлагало решить пограничный вопрос, но всякий раз безрезультатно.

Что беспокоило больше всего, так это опасность усиления в Польше враждебного России иностранного влияния, прежде всего французского. Случись такое, говорил Панин, "мы потеряем треть своих сил и выгод". Недружественная Польша, естественно, тяготела бы к союзу с другими потенциальными противниками России - Турцией и Швецией. Возникновение такой коалиции могло иметь очень тяжелые последствия - Россия оказалась бы блокирована цепью враждебных государств, поддерживаемых ведущей европейской державой, Францией, и, возможно, еще и Австрией. Такого допустить было нельзя.

С точки зрения влияния на внутренние дела Польши избрание короля имело ключевое значение. Если бы на польский престол был возведен человек, обязанный короной России и, следовательно, благодарный ей и зависимый от нее, многие проблемы можно было бы решить без труда. Поэтому конференция в первую очередь занялась обсуждением кандидатов на "опорожненный польский престол".

Граф Бестужев завел речь о курфюрсте саксонском Христиане Фридрихе, сыне усопшего короля. Этот человек, слабовольный и болезненный, мало подходил на роль монарха в такой буйной стране, как Польша. Но у него было два преимущества. Во-первых, он пользовался поддержкой Австрии, и, во-вторых, его супруга Мария Антония была на редкость хитра, энергична и очень хотела стать королевой. У курфюрста было два брата - Ксаверий и Карл, которые тоже намеревались баллотироваться в короли. Первый, генерал французской службы, заручился поддержкой в Версале. Второй покровителей за

границей не имел, но у него были влиятельные сторонники в Польше.

Среди природных поляков, или, как их тогда называли по имени древнего княжеского рода, Пястов, тоже было немало желающих украсить себя королевскими регалиями. От этой чести не отказался бы, например, престарелый коронный гетман граф Ян Браницкий. Но, понимая, что шансов на успех у него мало, граф объединился со сторонниками саксонских принцев при условии, что в случае неудачи последних они станут помогать ему, Браницкому. О Короне мечтали богачи Потоцкие и знаменитый князь Карл Радзивилл, воевода виленский, один из богатейших Польских магнатов. У князя тоже были свои недостатки. Для монарха, впрочем, несущественные. Он был человек необразованный, запойный пьяница и большой самодур. Наконец, в Польше действовала еще одна, пожалуй, наиболее влиятельная партия, созданная князьями Чарторыйскими.

Во главе фамилии Чарторыйских стояли два брата - Михаил, великий канцлер литовский, и Август, воевода русский. Первый слыл человеком тонкого ума, разносторонних способностей и большим знатоком польского государственного устройства. Второй был известен в основном как хозяин обширных поместий, владелец десятков тысяч крепостных и отец молодого и честолюбивого князя Адама, тоже мечтавшего о короне. У Чарторыйских было множество родственников, занимавших в государстве важные должности, и среди них литовский стольник граф Станислав Понятовский, давний знакомый Екатерины.

Обсудив претендентов, конференция, созванная императрицей, пришла к выводу, что саксонские принцы интереса для России не представляют. Искать следует среди Пястов. Окончательное решение вынесено не было, но Екатерина уже сделала свой выбор. Ее кандидатом был Станислав Понятовский. Чем руководствовалась императрица? Понятовский мог опереться на поддержку Чарторыйских, и это, бесспорно, облегчало задачу русской дипломатии. Партия Чарторыйских была самой сплоченной, а ее руководители - наиболее способными организаторами. Но у Екатерины имя графа Понятовского должно было вызывать особые эмоции. С одной стороны, она, быть может, хотела отблагодарить его за то недолгое счастье, которое он ей когда-то подарил. С другой стороны, Понятовский, человек с романтическим складом ума, все еще продолжал питать к Екатерине прежние чувства и, как рассчитывала императрица, готов был пожертвовать многим, чтобы ей угодить.

Организовать избрание своего кандидата было непросто. Побудить шляхтича сделать нужный выбор можно было либо при помощи известной суммы денег, либо применив грубую военную силу. Иностранные державы, и без того часто вмешивавшиеся в польские дела, во время выборов короля становились особенно активны. В конечном счете исход борьбы определялся двумя обстоятельствами: победитель должен был пользоваться поддержкой сильной партии внутри страны и иметь неограниченный кредит у заинтересованной соседней державы. Учитывая важность момента, конференция решила послать в Варшаву к старику Кейзерлингу молодого и энергичного помощника - князя Николая Васильевича Репнина. Когда обсуждение подходило уже к концу, произошел еще один небольшой эпизод, которому в то время не придали особого значения. Императрица велела позвать вице-президента Военной коллегии графа З.Г. Чернышева, который и прочел заготовленный им секретный план отторжения от Польши пограничных земель.

План Чернышева был прост. Границы между двумя государствами, полагал граф, разумно проводить по рекам. Река - это естественный оборонительный рубеж, для защиты которого требуются небольшие силы. Река - это транспортная артерия, необходимая для развития коммерции и, следовательно, увеличения благосостояния государства. Исходя из этого, русско-польскую границу также целесообразно провести по рекам, а именно по Западной Двине и Днепру.

Соединить их следует линией, начинающейся у местечка Ула и оканчивающейся близ Рогачева на Днепре. В результате к России отойдут польская часть Лифляндии и города Динабург (Даугавпилс), Полоцк, Витебск, Орша, Могилев и Мстиславль. Если затем соединить Двину и Днепр каналом, то Россия получит прямой и весьма удобный водный путь от Риги до Киева. Поводом для отторжения территорий, по мнению графа, могла стать смерть польского короля. Неизбежная при этом неразбериха облегчит дело. Конференция выслушала план со вниманием и, как сказали бы современные канцеляристы, приняла его к сведению.

Панин занимался польскими делами еще с мая 1763 года. Теперь, после смерти короля, эта проблема стала во внешней политике государства едва ли не определяющей. На ближайшее время отношения России с другими державами во многом зависели от того, какую позицию они займут по польскому вопросу. Быть может, поэтому Екатерина решила на время сосредоточить все иностранные дела в руках Панина. 27 октября Никита Иванович получил бумагу такого содержания: Указ нашему тайному действительному советнику Никите Панину

По теперешним не безтрудным обстоятельствам рассудили мы за благо во время отсутствия нашего канцлера препоручить вам исправление и производство всех по иностранной коллегии дел; чего ради и повелеваем вам, до возвращения канцлера, присутствовать в оной коллегии старшим членом, поколику дозволяют вам другие ваши должности.

Екатерина

Поначалу и Екатерина, и Панин смотрели на это назначение как на временное - покуда не минуют чрезвычайные обстоятельства и не сыщется достойная замена. Никита Иванович даже после назначения в коллегию еще долго продолжал заниматься внутривластными делами, например помогал императрице организовывать комиссию для рассмотрения коммерции. Но, вопреки его желанию, дипломатическая деятельность затянулась на многие годы. Со временем Панин привык к новой должности, как привыкли и в других европейских столицах отождествлять дипломатию России с его именем.

Взяв в свои руки внешнюю политику, Никита Иванович быстро стал ее не только формальным, но и фактическим руководителем. Дипломатия во все времена почиталась делом первостепенной важности для государства, поэтому монархи всегда стремились по мере сил и способностей лично заниматься иностранными делами. Екатерина, разумеется, не была исключением. Она регулярно читала дипломатическую переписку, часто беседовала с иностранными послами и находила время для того, чтобы вникать даже в сравнительно мелкие вопросы. Своих дипломатов императрица тщательно контролировала, но не более того. Разработка внешней политики - изучение положения, обдумывание дальнейших шагов, подготовка детальных инструкций для русских представителей за границей - все это было сосредоточено в руках Панина.

Из донесения графа Мерси д'Аржанто государственному канцлеру графу Кауницу

Я на днях имел случай говорить с г. Паниным и в приличных, хотя и в общих выражениях, возобновил ему уверения в дружественном образе мыслей моего высочайшего двора относительно здешнего, прибавив, что мои всемиловитвейшие повелители вменяют себе в истинное удовольствие действовать в настоящих польских делах вместе с русской Государыней. Вышеупомянутый министр отвечал мне столь же, по-видимому, дружественными словами, но с ясностью присовокупил, что наш высочайший двор не должен вменить здешнему в вину, если последний, в отношении польских дел, распространит свои мероприятия несколько далее, чем прочие державы, ибо для значения, влияния на общемировые дела и существенного интереса России весьма важно видеть на

польском престоле короля, преданного этому государству...

(Шифровано). Кредит единственного благомыслящего графа Бестужева упал и едва ли восстановится. Быть может, усилия его и увенчались бы успехом, если бы граф Орлов, на которого он так рассчитывал, оказал бы ему лучшую и более ловкую помощь. Но последний, хотя и благонамерен, но до того неспособен, что не может быть ни в чем употреблен с пользой...

К этому можно добавить, что, когда вскоре граф Мерси перебрался из Петербурга в Варшаву, Бестужев вступил с ним в тайную переписку. Это стало известно Екатерине и ускорило отставку Бестужева.

Взявшись за решение вопроса о вакантном польском престоле, Панин хорошо представлял, что следует предпринимать. В Швеции он, по существу, решал сходную задачу - лавируя между противоборствующими политическими силами, добивался усиления союзников России. Но теперь его возможности были несравненно шире. Правда, и задача была сложнее, требовалось не только умело направлять развитие событий в самой Польше, но и постоянно учитывать противоречивые и изменчивые интересы других держав.

Главным противником России в польском вопросе была Франция, впрочем, не только в польском. Интересы двух стран сталкивались и в Швеции, и в Турции. Эти государства традиционно играли роль противовеса, который Франция создавала своим когда явным, когда потенциальным соперникам - Австрии и Пруссии. Поэтому любое усиление влияния России в Варшаве, Стокгольме или Константинополе неизбежно означало ослабление там влияния Франции. Впрочем, сам факт возникновения на востоке Европы обширной державы, быстро набравшей силы, вызывал в Версале самые мрачные опасения. Поэтому французские политики считали своим долгом всемерно и повсеместно противодействовать России.

Французский король Людовик XV, отправляя ко двору Екатерины своего посланника барона Бретейля, наставлял его: "Цель моей политики относительно России состоит в удалении ее, по возможности, от европейских дел... Вы должны поддерживать все партии, которые непременно образуются при этом дворе. Только при господстве внутренних смут Россия будет иметь менее средств вдаваться в виды, которые могут внушить ей другие державы. Наше влияние в настоящую минуту может быть полезно в том отношении, что даст благоприятный оборот всем польским делам и переменит тон, с каким петербургский двор обращается к этой республике. Будущее влияние должно воспрепятствовать России принимать участие в войне против меня, против моих союзников и особенно противиться моим видам в случае королевских выборов в Польше".

Но ко времени "опорожнения" польского престола настроение Людовика XV изменилось. Франция все еще не могла оправиться после Семилетней войны, казна была совершенно пуста. Противоборство же с Россией в Польше обещало быть предприятием трудным и дорогостоящим. Король хорошо помнил, как в 1734 году он безуспешно пытался утвердить на польском престоле, вопреки мнению России, своего тестя Станислава Лещинского. К тому же при Людовике XV у французской дипломатии была одна любопытная особенность. Король совершенно не доверял своим министрам и помимо официальных представителей за границей содержал там еще и тайных, с которыми вел секретную переписку. Причем политика, составлявшая "секрет короля", и политика официальная часто имели между собой мало общего. В конце концов его величество окончательно запутался в двойной дипломатии и, когда возник вопрос о польском престоле, просто махнул на него рукой.

Русский посланник в Париже князь Д.А. Голицын верно уловил суть происходящего и доносил Екатерине, что Франция "будет интригами своими перечить всем намерениям вашего величества; но... чувствуя, как мало ей надежды пересилить их, она теперь, не более как для одного виду, несколько,

может быть, и поспорит, а наконец с радостью согласится на все, что ваше величество ни пожелаете, дабы показать, что она имеет в Польше большое влияние и без ее согласия ничто в Европе не делается".

Другой страной, от которой в польском вопросе следовало ожидать неприятностей, была Австрия. Австрийский канцлер граф Кауниц уже говорил русскому послу, что в Вене предпочли бы видеть на польском престоле одного из саксонских принцев. Впрочем, австрийцы на этом не настаивали, и, даже когда стало ясно, что Екатерина намерена сделать королем Понятовского, между двумя странами поддерживались внешне вполне дружественные отношения. Кауниц и императрица-королева Мария Терезия были согласны на любого короля, лишь бы не произошло изменений в государственном устройстве Польши.

Третьим источником опасности была Турция. Во внешней политике этой страны тоже были свои особенности. При дворе султана к европейским монархам относились если не с презрением, то по крайней мере довольно скептически. Блистательная Порты, например, никогда не опускалась до того, чтобы держать при европейских дворах своих посланников. Информацию о событиях в мире в Константинополе получали в основном от иностранных информаторов. Правда, презренные гяуры ухитрялись одни, и те же факты истолковывать совершенно по-разному, чем нередко приводили слуг султана в некоторое замешательство. Что касается событий в Восточной Европе, в том числе Польше и России, то основным источником сведений для Порты был крымский хан.

В 1763 году в Крыму правил хан Крым-Гирей I. Среди своих подданных хан слыл человеком решительным и мужественным воином. Он организовывал кровавые набеги на молдавские и южнорусские села и даже грозился "повесить свою плеть на столице русских, Петербурге, и заставить их вновь платить дань, как это было при его отцах и дедах". После смерти польского короля хан слал в Константинополь донесения, в которых требовал не доверять русским, задумавшим, как он полагал, посадить в Польше своего короля, чтобы потом захватить эту страну.

Резидентом России в Константинополе был в ту пору замечательный дипломат Алексей Михайлович Обресков. Ему удалось довольно быстро развеять опасения турецких вельмож и доказать, что интересы России и Порты в польских делах явно совпадают, а если чего и следует опасаться, так это происков коварных австрийцев. Внушения Обрескова возымели действие, и султану донесли о происходящем следующим образом: "У поляков издавна так повелось, что, когда умирает их король, у них происходят распри и усобицы; а чтобы со стороны Высокой Державы оказывалась какая-либо им помощь или делалось какое-либо вмешательство, этого не бывало прежде. Поэтому следует... предоставить означенное дело решить им самим между собой".

Султан принял сей вывод благосклонно и послал крымскому хану соответствующий указ.

Из других государств, способных повлиять на положение дел в Польше, оставались Англия и Пруссия. Политика Англии опасений не вызывала. Англичане очень хотели заключить с Россией торговый трактат, и, пока продолжались переговоры по этому вопросу, в Лондоне старались не раздражать русских понапрасну. Что касается прусского короля Фридриха II, то он в еще большей степени был заинтересован в дружбе с Екатериной.

После Семилетней войны Пруссия оказалась в Европе в полном одиночестве, как принято сегодня говорить, в изоляции. Фридрих II панически боялся новой войны. Чтобы укрепить свои позиции на случай войны, а если удастся, то и предотвратить ее, королю была очень нужна дружба с Россией. "Я прекрасно понимаю, - признавал король, - что для меня никакая система не может быть так выгодна, как союз с Россией, так как никто не осмелится тогда затронуть меня". Фридрих уже давно заискивал перед Екатериной, всеми средствами

доказывая ей свои добрые намерения. Своего посла в Петербурге, графа Сольмса, он наставлял: "Вы можете уверить гр. Панина, что его Государыня всегда найдет во мне полнейшую взаимность чувств самой искренней дружбы; что я всегда буду готов действовать согласно с ней в делах Польши".

Для России дружба с Пруссией тоже давала определенный выигрыш. У Фридриха была в Польше обширная агентура, при содействии которой сделать Понятовского королем можно было и быстрее, и с меньшими затратами. Пруссия, кстати, была еще хороша и как пугало против Австрии. Беспокоило Панина лишь то, что Фридрих в то время вел секретные переговоры с Турцией о заключении союза против австрийцев. Прусскому королю такой союз был очень нужен, но интересам России он никак не соответствовал. В случае его подписания зависимость Фридриха II от русского двора существенно ослабла бы. Поэтому в Петербурге, узнав о переговорах, немедленно приняли меры. Русским представителям в Берлине и Константинополе было предписано всеми средствами противодействовать достижению соглашения между Пруссией и Турцией. Одновременно о переговорах сообщили австрийскому посланнику, дабы в Вене о своих интересах тоже позаботились. В целом международная обстановка целям России в Польше благоприятствовала. Серьезного противодействия, по крайней мере на первых порах, ни с какой стороны не ожидалось. Фридрих II был для России хотя и не очень надежным, но заинтересованным союзником. Решение поставленной задачи определялось теперь прежде всего тем, как будут развиваться события в самой Польше.

Процедура избрания монарха в Речи Посполитой была делом долгим и чреватым неожиданными осложнениями. По смерти предыдущего короля власть в государстве временно брал на себя гнезненский архиепископ - глава католической церкви, или примас Польши. Потом созывался так называемый конвокационный сейм, решавший вопросы государственного управления. За ним - элекционный сейм, депутаты которого заслушивали иностранных послов и тех, кто представлял лиц, баллотировавшихся в короли. Этот сейм составлял также договор с будущим королем об условиях принятия им власти и, наконец, осуществлял его избрание. Процедуру завершал коронационный сейм, где примас возлагал корону на победившего претендента, а тот принимал присягу и подтверждал прежние права сословий.

Делегаты, или послы, на общегосударственный сейм выбирались на воеводских сеймиках, которых в Польше в те времена было около семидесяти. Сеймики давали своим представителям подробные указы о том, как действовать. В работе сейма принимал также участие Сенат, состоявший из католических епископов, воевод и других влиятельных сановников. Положение осложнялось тем, что каждый из послов на сейме обладал так называемым правом свободного запрета - "либерум вето". Это означало, что несогласие даже одного посла с каким-либо решением сейма делало и все прочие решения недействительными. Кроме того, существовало правило, по которому сейм заседал в течение шести недель. Для продления этого срока требовалось единогласное решение всех послов. В таких условиях достаточно было заручиться поддержкой одного посла, чтобы развалить всю работу сейма. Как это ни удивительно, половина сеймов все-таки успешно завершала свою работу.

Еще одним обстоятельством, усиливающим анархию и в без того хаотическом государственном устройстве Польши, было право конфедерации. Шляхтичи могли на законном основании объединиться в союз - конфедерацию, для того чтобы добиваться какой-либо политической цели. Использовать они могли практически любые средства, в том числе и вооруженную борьбу, причем вне зависимости. От того, одобряют эту борьбу государственные власти или нет. Конфедерация была, по существу, узаконенным правом на гражданскую войну. В такой обстановке добиться избрания на королевский престол нужного кандидата было непросто.

Правда, первые события, казалось, планам России благоприятствовали.

Князь Репнин, приехав в Варшаву, сообщил важную новость - 6 декабря от оспы скончался новый саксонский курфюрст. Одним претендентом на престол стало меньше. Принцы Ксаверий и Карл, взвесив свои возможности, пришли к выводу, что баллотироваться в короли им не по карману. Главным соперником избранника императрицы стал коронный гетман граф Браницкий. Объединившись с Радзивиллом и Потоцкими, он начал энергично бороться за голоса избирателей.

Прежде всего Браницкий принялся разгонять сеймики, состав которых не соответствовал его целям. Делать это ему было нетрудно, поскольку граф содержал две тысячи человек собственного наемного войска и фактически командовал коронными, то есть государственными, войсками. К тому же в Польше находились многочисленные саксонские отряды, оставленные якобы для охраны имущества усопшего короля. Новый курфюрст издал указ распустить эти войска, после чего большая их часть тут же поступила на службу к Браницкому и Потоцким. Князь Радзивилл, не стесняясь, совершал вооруженные нападения на своих противников.

Чарторыйские с удовольствием приняли предложение России о сотрудничестве и теперь настойчиво требовали войск, чтобы уравновесить силы противника. Но в Петербурге не торопились, ограничиваясь лишь денежными дотациями. Надо было дожидаться благоприятного момента. Чем больше бесчинствовала партия Браницкого, чем чаще она совершала насилия и нарушала законы, тем сильнее становилось недовольство ею со стороны поляков.

Деньги, помноженные на энергию сторонников Понятовского, делали свое дело. На воеводских сеймиках Чарторыйские приобретали перевес. Тогда противники решили сосредоточить усилия на выборах послов от польской Пруссии, где у Радзивилла были огромные поместья. Сеймик должен был собраться в Грауденце (Грудзендз). Между тем близ этого города были расквартированы два батальона русских солдат, в основном инвалидов, охранявшие старые склады, оставшиеся еще со времен Семилетней войны.

Перед началом выборов генерал-майор Хомутов, командир отряда, вывел своих ветеранов из города, чтобы не смущать благородное собрание. Браницкий тут же окружил город своим 7-тысячным войском. Хомутову это не понравилось, и он посоветовал гетману не озорничать. Браницкий не послушался. Тогда инвалиды вернулись в Грауденц. После недолгих препирательств магнаты сочли за благо распустить сейм, который так и не принял никакого решения.

Дополнительные два отряда все же пришлось ввести. Ко времени конвокационного сейма они подошли к Варшаве. Узнав об этом, "колобродный Радзивилл", как называл его Панин, вместе с гетманом Браницким поспешно бежал. Чарторыйские полностью контролировали положение.

Первым делом сейм признал императорский титул русских государей и от имени республики выразил благодарность Екатерине II за оказанную помощь. Затем было принято решение, что королем в Польше может быть только поляк и католик, а чужестранных принцев предлагать на это место запрещалось. Наконец, коронным гетманом вместо сбежавшего Браницкого был избран князь Август Чарторыйский. Дело шло к благоприятной развязке, и, следовательно, пора было задуматься о дальнейших действиях.

С точки зрения Панина, избрание Понятовского было не самоцелью русской политики в Польше, но лишь средством для решения более широкой задачи. Короли не вечны, а "друзья"-магнаты послушны лишь до тех пор, пока получают щедрые субсидии. России нужен в этой стране другой, более надежный союзник. Им могли стать единоверцы-православные, которые к тому же были еще и русскими (В XVIII веке русским называли не только великороссов, но и белорусов и украинцев).

В обширной Речи Посполитой собственно поляки и католики жили на

сравнительно небольшой территории. Некоторые воеводства, например Волынское, Подольское или Черниговское, были населены почти сплошь православным крестьянством и шляхтой, лишь кое-где ополячившейся. Существовало даже воеводство, так и называвшееся - Русским - и включавшее земли Львовскую, Холмскую и Галицкую - прежнюю Червоную Русь. Эти территории отходили к Польше в разное время либо в результате захватов, либо благодаря унии с Великим княжеством Литовским.

Православные и католики сосуществовали в польском государстве сравнительно мирно до тех пор, пока в XVI веке в Европе в ответ на реформацию не поднялась волна Католической реакции. К концу столетия эта волна докатилась до Польши и вызвала здесь серьезные последствия. Подавив реформацию, католические фанатики взялись за искоренение "русской веры". Это привело ко многим кровавым событиям и сыграло не последнюю роль в том, что в середине XVII века Украина восстала против Польши и объединилась с Россией.

В Речи Посполитой православное крестьянство подвергалось тяжелому гнету и, естественно, смотрело на единоверную Россию как на свою заступницу. Все основания для недовольства были и у православного дворянства, ибо на него фактически не распространялись те многочисленные права и вольности, которыми пользовалась шляхта католическая. Поэтому Панин считал, что, если наделить православных хотя бы ограниченными политическими правами, в Польше возникнет влиятельная и дружественная России сила, способная противодействовать любым враждебным начинаниям. Но в таком случае отпадет необходимость поддерживать в этой стране политическую анархию, ибо чем сильнее союзник, тем он полезнее. Поэтому Панин считал, что следующим шагом должно стать упорядочение государственного устройства Польской республики, и в частности ликвидация печально знаменитого "либерум вето".

Между тем события в Польше развивались, как и было задумано. После того как сейм постановил выдвигать в кандидаты только природных поляков, иностранные послы - французский, австрийский, испанский и саксонский - в знак протеста покинули Варшаву. Коронационный сейм собрался в удивительно спокойной обстановке. 26 августа 1764 года стольник литовский граф Станислав Понятовский единогласно был избран королем. Теперь он стал обладателем длинного и высокопарного титула: Пресветлейший и державнейший князь государь Станислав Август, Божией милостью Король Польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Самогитский, Мозоветский, Волынский, Подольский, Подляшский, Ливонский и иных.

Получив сообщение об этом событии, Екатерина написала Панину записку: "Никита Иванович! Поздравляю Вас с королем, которого мы делали. Сей случай наивяще умножает к Вам мою доверенность, понеже я вижу, сколь безошибочны были все Вами взятые меры; о чем я не хотела обойти показать Вам мое удовольствие. У меня так чрезвычайно спина болит, что я никак не в состоянии долго перо держать, и для того, сказав причину, извольте вместо меня на сей раз написать к графу Кейзерлингу и к князю Репнину мое удовольствие за их труды и радение... Если у меня не рюматизм в спине, то умираю: боюсь, чтоб не камень был; только то, что после бани первый раз мне легче было, несколько обнадеживает, что простуда..."

Потом императрица взяла подготовленное Паниным поздравительное письмо новому королю и подписала его. Письмо начиналось словами: "Государь брат мой! Единогласие, возводящее Вас на трон, доказывает как свободу выбора вашего народа, так и добродетели, привлечшие его".

У Панина были все основания быть довольным. Россия добилась избрания на польский престол своего кандидата, причем так, что и в Польше сохранялось спокойствие, и прочие европейские державы восприняли это событие как должное. Начинала складываться его, Панина, внешнеполитическая система.

Северная система

По складу характера Панин был человеком основательным, привыкшим действовать целенаправленно и методично. Поэтому свою внешнюю политику он постарался свести в единую, продуманную систему. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что к середине XVIII столетия политическая мысль обогатилась множеством новых идей и понятий, с которыми Панин был неплохо знаком.

В 1625 году во Франции был опубликован объемистый трактат, называвшийся "О праве войны и мира". Принадлежал он перу знаменитого впоследствии голландского правоведа и политика Гуго Гроция. Революцию, которую это сочинение произвело в политической науке, нередко сравнивают с переворотом в мышлении естествоиспытателей, вызванным работами Декарта. Гроций, подобрав для большей убедительности огромное количество высказываний древних и средневековых авторов, доказывал, в частности, что государство не божественного, а земного происхождения и есть результат договора между людьми.

С легкой руки Гроция понятие общественного договора и сопутствующие ему идеи естественного состояния, законов разума и т. д. быстро получили распространение и нашли множество приверженцев. В Англии Томас Гоббс, а затем Джон Локк рассуждали о пределах и назначении государственной власти, о роли морали и права в политике. Во Франции идеи Локка начали проповедовать Вольтер и развивать Монтескье, поэтому они быстро распространились в континентальной Европе. Так, "государство", потеснив "суверена" и даже самого господ бога, легло в основу политического мышления, а служение государству было провозглашено основной целью дипломатии.

На протяжении XVII - XVIII веков многочисленные политические писатели усиленно разрабатывали теорию взаимодействия государств, появлялись новые понятия, например "сила" и "равновесие сил", возникали бесчисленные проекты союзов государств для установления в Европе такого равновесия. Государствоцентризм и концепция баланса сил широко используются в буржуазной политической науке и поныне, но уже тогда, в XVIII веке, стали появляться теории, построенные на иных принципах.

Пока французские моралисты рассуждали о естественных природных законах и разуме, призванном их отыскивать, размышляли о типах государственного устройства, на Британских островах подошли к политическим проблемам с другой точки зрения. Конечно, человечество едино в своем стремлении следовать закону разума на пути к прогрессу и благоденствию. Но, с другой стороны, человечество все же разделено на народы, различающиеся и языком, и обычаями, и национальным характером. По-видимому, рассуждал, например, английский политик Болинброк, бог заложил в человеческую природу неискоренимое стремление к образованию отдельных национальных общностей. Поэтому кроме общего закона разума должны существовать и особые законы, которыми предпочитают руководствоваться отдельные народы.

Англичане, например, отличаются от других европейцев тем, что у них своя оригинальная конституция и своя национальная английская церковь. Это - выражение особого британского национального духа. У англичан есть и особые внешнеполитические интересы, к примеру стремление к преобладанию на море и приобретению колоний. Выходит, что в основе политики лежит интерес не

государственный, ибо государство производно от народного духа, а национальный.

Во Франции идею "народного суверенитета" обосновывал Жан-Жак Руссо, в Германии вопросом о культурном своеобразии народов, в первую очередь немцев, занимался И. Гердер. Буржуазия западноевропейских государств боролась с династической политикой монархов и, объявляя себя "нацией", выдвигала собственных идеологов. Иным было положение в России.

К середине XVIII столетия в России не успел сформироваться капиталистический класс, способный, подобно своим западноевропейским собратьям по сословию, выдвинуть национальные лозунги. Иначе развивалось русское Национальное самосознание и с культурно-исторической точки зрения. После того как в 1453 году под ударами нечестивых пал Константинополь, Московская Русь оказалась единственным государством, где правил православный монарх. Прочие единоверные народы оказались под игом бусурман. Россия, окруженная со всех сторон иноверцами - латинянами, мусульманами и язычниками, вела тяжелую борьбу за существование. Эти исторические обстоятельства не могли не наложить отпечатка на самосознание народа. Основа национального мировоззрения - это осознание народом своей самобытности, тех черт, которые отличают его от других народов. Но для Московской Руси ее самой очевидной и политически значимой особенностью было православие. Поэтому русское национальное самосознание, по крайней мере по форме, долгое время носило религиозную окраску.

Реформы Петра I круто изменили положение. Великий преобразователь настойчиво объяснял своим подданным, что их самобытность никуда не годится и что наперед должно во всем походить на иноземцев, предпочтительно голландцев, немцев и англичан. К тому же Петр I, довольно равнодушно относившийся к религии, существенно принизил роль православия. Но если на народных массах эти идеологические новшества существенно не отразились, то правящие классы оказались в полной растерянности. В середине XVIII века в умах петербургского общества причудливо смешивались старомосковские православные традиции, стихийное народное чувство национального достоинства и космополитические идеи, навеянные западноевропейской литературой и переходящие в вульгарное чужебесие.

Екатерина II быстро сообразила, что отсутствие национальной идеологии не на пользу России, и попыталась исправить положение. Она много писала и говорила о величии русского народа и намеревалась разрабатывать с этой точки зрения отечественную историю. Делала это императрица не потому, что прониклась к России особыми чувствами. Если бы судьба забросила ее не в Петербург, а, скажем, в Константинополь или Пекин, она с не меньшим усердием доказывала бы величие турецкого или китайского народов. Просто Екатерина понимала, что чувства национальной гордости и национального единства - великая сила, и пыталась использовать эту силу в своих интересах. Впрочем, при жизни императрицы такие усилия практических результатов не дали и приводили лишь к еще большему смущению умов да анекдотичным случаям. Однажды обер-шталмейстер Л.А. Нарышкин, человек развязный и несдержанный на язык, задал Екатерине такой вопрос: "Государыня, в течение моего детства и юности о русских говорили, как о самом последнем из народов; их называли медведями и даже свиньями; за последнее же время, и совершенно справедливо, их ставят выше всех известных народов. И вот я желал бы, чтобы ваше величество соблаговолили сказать мне, когда же, по вашему мнению, мы стояли наравне с ними?" Екатерина смешалась и поспешила переменить тему разговора.

Естественно, что в таких условиях внешняя политика России могла быть либо государственной, либо династической. У Екатерины хватило ума отказаться от последнего направления, тем более что престол она фактически захватила

силой и о ее причастности к династии Романовых можно было рассуждать лишь со множеством оговорок. Поэтому в иностранных делах она исходила из идеи государства и в этом находила полную поддержку своего министра.

Никита Иванович Панин как политик считал своим долгом защищать интересы своего государства и честь императрицы как главы государства. На своих соотечественников он смотрел вполне трезво и со знанием дела рассуждал о сравнительных достоинствах и недостатках русского народа. Панин мог отметить добродушие, честность

морских мужиков-лоцманов и с удовольствием пересказать заявление некой шведской дамы, утверждавшей, что русским нет равных в "полях цетерских". И в то же время в разговорах с воспитанником он позволял себе такие высказывания.

Однажды, когда за столом зашла речь о шведском городе Торнео, великий князь спросил Панина:

- Каков этот город?

- Дурен, - отвечал обер-гофмейстер.

- Хуже нашего Клину или лучше? - не унимался Павел.

- Уже нашего-то Клину, конечно, лучше, - сказал Панин. - Нам, батюшка, нельзя еще о чем бы то ни было рассуждать в сравнении с собою. Можно рассуждать так, что это там дурно, это хорошо, отнюдь к тому не применяя, что у нас есть. В таком сравнении мы верно всегда потеряем.

Для почитателя петровских преобразований точка зрения вполне естественная - народы различаются между собой не каким-то национальным духом, а степенью приобщенности к западноевропейской цивилизации. Политик также имеет дело не с народами, а с государствами, которые действуют в соответствии с имеющейся у них силой, вступают в союзы, стараются разрушить враждебные коалиции, применяя где интригу, а где нужно - военную силу. Словом, политик, выступающий от имени своего государства, подобен шахматисту, стремящемуся переиграть своего противника. С этой точки зрения Панин рассматривал и внешнюю политику России.

В основу его деятельности легла идея создания Северного союза, то есть объединения государств севера Европы в противовес коалиции южных держав - Франции, Австрии и Испании. Эта идея, вытекавшая из теории равновесия сил, не была придумана самим Паниным. Еще до того, как он встал во главе русской дипломатии, сходные предложения выдвигали английские политики. В России первым о Северном союзе заговорил барон Корф. Панин эти идеи оценил, взял на вооружение, и с тех пор понятие Северный союз, или Северная система, связывалось главным образом с его именем. Термин "политическая система" в то время употреблялся как синоним общему направлению внешней политики государства, в рамках которого оно предпринимает систематические усилия.

Северную систему нельзя назвать внешнеполитической программой. Это было именно общее, основное направление деятельности в политике иностранной. Никакого развернутого плана ее проведения не существовало, хотя отдельные мысли по этому вопросу часто встречаются в дипломатической переписке того времени. Панин имел некоторую склонность к политическому теоретизированию, но все же был в первую очередь практик и сочинением обширных внешнеполитических проектов никогда не увлекался. Историки часто судят о Северной системе по донесениям иностранных дипломатов, главным образом по переписке между Фридрихом II и графом Сольмсом. Однако доверять иностранцам, в особенности Фридриху, в таких вопросах можно далеко не всегда. Для того чтобы узнать, каковы были действительные цели и мотивы внешней политики России, переписка между русскими дипломатами как источник куда надежнее.

Если исходить из документов, принадлежавших перу самого Панина, то ход его рассуждений представляется следующим. Главная задача русской дипломатии

на ближайшие годы - это поддержание "дружбы и доброго согласия" с соседями, то есть обеспечение мира и сохранение самостоятельности внешней политики страны, иначе говоря, соблюдение государственного интереса. Чтобы сохранить мир на севере Европы, вблизи русских границ, необходимо обеспечить на континенте равновесие сил. Для этого профранцузской коалиции надо противопоставить союз северных держав - России, Пруссии, Англии, Дании, Швеции и Польши. Такой союз вовсе не обязательно оформлять каким-либо особым актом о его создании. Он должен быть не формальным, а фактическим, поэтому достаточно просто связать его участников системой взаимодополняющих соглашений. России Северный союз нужен не сам по себе, а как средство достижения ее внешнеполитических целей. Поэтому России следует занять в союзе главенствующее положение, быть в состоянии извлекать из него выгоду, сведя к минимуму собственные обязательства. В частности, союз должен помочь русской дипломатии решить ее непосредственные задачи в Польше, Швеции и Турции. Пользуясь словами самого Панина, необходимо было "вывести Россию из постоянной зависимости и поставить ее способом общего Северного союза на такой степени, чтоб она, как в общих делах знатную часть руководства иметь, так особливо на севере тишину и покой ненарушимо сохранять могла".

В идеале Северный союз должен был выглядеть приблизительно так. Пруссия берет на себя обязательство помогать России в польских и турецких делах в обмен на помощь против Австрии. Англия обязуется содействовать русской дипломатии в Швеции и Турции, получая за это помощь в случае столкновения с Францией или Испанией. Такое сочетание обязательств Панина вполне бы устроило, поскольку затрагиваемые интересы России были остры и насущны, а вероятность войны, допустим, между Пруссией и Австрией была не велика, тем более что Фридрих II всеми средствами стремился этого избежать.

С Данией можно было договориться на основе взаимных уступок. В обмен на помощь в шведских делах датчане получили бы выгодное им решение голштинского вопроса. Дания как участник Северного союза была ценна и сама по себе, поскольку в ее руках находились проливы - ключ к Балтийскому морю. Польшу можно было привлечь в союз после того, как в этой стране укрепится прорусская партия. В этом случае Польша была бы полезна России как союзница на случай столкновения с Турцией или Австрией. Наконец, от Швеции требовалось только одно - чтобы стокгольмские политики, неусыпно опекаемые своими северными союзниками, отказались от своих великодержавных поползновений.

Представление о том, что может дать Северный союз, сложилось у Панина не сразу. Кроме того, в Петербурге хорошо понимали, что в полной мере осуществить желаемое вряд ли возможно. И все же идея Северного союза имела одно очень важное и бесспорное достоинство. Благодаря ей внешняя политика России приобретала последовательность, были ясно видны задачи и средства их достижения, а действия, предпринимаемые в отдельных странах, увязывались в единое целое, в систему.

Первый серьезный шаг в создании Северного союза был сделан в 1764 году заключением союзного договора между Россией и Пруссией. Фридрих II начал домогаться такого договора сразу же после вступления на престол Екатерины II. В Петербурге к его просьбам относились благосклонно, хотя Панин сознательно откладывал заключение соглашения, стараясь добиться от короля больших уступок. Наконец, когда России потребовалось более деятельное участие Пруссии в польских делах, договор был подписан.

В несекретной части договора говорилось, что стороны гарантируют владения друг друга и в случае нападений на одну из них другая окажет ей помощь вспомогательным корпусом. С точки зрения интересов России главное содержание договора заключалось в секретных статьях. В них постановлялось,

что, если Россия подвергнется нападению со стороны Турции, а Пруссия - "за рекой Везер", то есть с Запада, корпус заменяется субсидией в 400 тысяч рублей ежегодно в течение всей войны. Стороны договорились действовать заодно в Швеции, а в Польше - не допускать изменений конституции страны и покровительствовать диссидентам (так в те времена называли некаатоликов). Как ни брыкался Фридрих, как ни ругал он Северную систему, но вынужден был впрячься в русскую колесницу. С интересами короля в Петербурге мало считались. Впрочем, вопрос о том, как относились к Фридриху при дворе Екатерины, заслуживает особого внимания.

В исторической литературе, особенно зарубежной, часто высказывается мнение, что прусский король чуть ли не диктовал свои условия России и вся внешняя политика страны строилась так, чтобы угодить его желаниям и учесть многочисленные советы, которые он щедро рассыпал в письмах Екатерине и инструкциях своему посланнику в Петербурге. Особенно старательно в пруссофилы записывают Панина, главным образом потому, что русско-прусский союз был важной частью Северной системы. Если Панин за союз с Фридрихом, стало быть, он находится под его влиянием, а может быть, даже подкуплен королем.

Что касается подкупа, то, несмотря на все усилия, ни одного факта, доказывающего это, найти так и не удалось. Более того, все современники Панина, в том числе и его откровенные недоброжелатели, единодушно признавали его абсолютную честность и бескорыстность. Знал это и Фридрих II, во всяком случае его посланник в Петербурге характеризовал ему Панина такими словами: "Он не станет торговать своими чувствами, в чем все находящиеся при здешнем дворе иностранные министры твердо уверены".

Ни пенсий, ни жалований Панин никогда не получал ни от одного иноземного монарха. Хотя практика выдачи крупных сумм иностранным политикам была в те времена широко распространена и считалась одним из обычных средств дипломатии. Были такие случаи и в России, в том числе и в царствование Екатерины. Так, например, фельдмаршал Миних с гордостью заявлял, что "имел честь служить на жаловании Великобритании".

Еще меньше оснований заподозрить Панина в пруссофильстве по убеждению. Надо сказать, что иностранные дипломаты, имевшие дело с русскими политиками, очень часто объясняли их поступки влиянием кого-либо из своих коллег. Если, допустим, иноземный посланник не мог добиться от Панина того, чего хотел, то можно было проще всего оправдаться перед собственным правительством, сославшись на интриги представителя другой, враждебной державы. Поэтому Панина зачисляли не только в пруссофилы. Английский посланник в Петербурге лорд Бакингам, например, сначала утверждал, что "Панин совершенно в руках французов", но потом пришел к выводу, что Никиту Ивановича переманили на свою сторону австрийцы. Легенда о преобладании в Петербурге прусского влияния была сочинена самим Фридрихом II и рассказана в его исторических трактатах. Выдумку эту подхватили почитатели короля, и со временем она прочно обосновалась в зарубежной исторической литературе. Интересно, что при дворе Екатерины на положение дел смотрели с прямо противоположной точки зрения. Панин искренне считал, что не Пруссия влияет на Россию, а, наоборот, в Петербурге вынуждают Фридриха делать то, что выгодно России. В письме одному из русских дипломатов Панин, например, отмечал: "Мы имеем удовольствие видеть, что его прусское величество, буде не без внутренней зависти, по крайней мере со всею наружной искренностью и податливостью, содействовал везде успеху дел наших".

Панин даже не считал Пруссию способной серьезно навредить России, хотя за внешне трогательной дружбой двух монархов скрывалась еле заметная, но упорная борьба. Русская дипломатия в случае необходимости предпринимала

шаги, которые наносили Фридриху II чувствительный ущерб. Разумеется, и прусское величество, если только мог, под рукой вредил России. Лично Фридриха II ни Екатерина, ни Панин не любили. Императрица попросту называла его "иродом". Хотя случалось, что при дворе императрицы у прусского короля находились усердные помощники. Обнаружились они и в польских делах.

После избрания Станислава Августа в Петербург прибыл с официальным извещением об этом событии граф Северин Ржевуский, близкий друг нового короля. Сначала граф выхлопотал у Екатерины 100 тысяч червонцев для своего монарха на обзаведение, а потом приступил к делу, ради которого собственно и приехал в Россию. Он подал Панину записку, в которой от имени польской республики испрашивалось согласие императрицы на изменение конституции страны. Согласно существующим законам, любой из депутатов сейма был вправе сделать недействительными все его постановления. Теперь предлагалось, что каждый депутат будет иметь право отвергать не все решения сразу, но лишь какое-то одно, так чтобы действенность остальных не затрагивалась.

Панин нашел это предложение вполне разумным. Дела в Польше шли на лад, поэтому ничто не мешало помочь полякам покончить с анархией. Идея Ржевуского предусматривала первый шаг в этом направлении. Панин обнадежил графа - убедить Екатерину будет не трудно, но Ржевуский сам допустил оплошность. Прежде чем передать записку Никите Ивановичу, Ржевуский показал ее графу Сольмсу, и тот немедленно сообщил новость Фридриху II.

Король пришел в крайнее беспокойство. Улучшение положения дел в Польше, даже незначительное, его совершенно не устраивало. Он требовал от Сольмса, чтобы тот переубедил Панина, но Никита Иванович оставался глух ко всем уговорам. Императрица явно разделяла его мнение, но тут случилось неожиданное.

Из донесения королевско-прусского посланника при русском дворе Виктора Фридриха графа фон Сольмс-Зонневальде королю Фридриху II

Хотя с последней почтой я и доносил, что Ее Величество русская Императрица думает согласиться на изменение польской конституции с целью придать более действительности решениям всеобщих сеймов, что гр. Панин просил меня предупредить о том Ваше Величество и что он объявил это гр. Ржевускому, но сегодня я могу, однако, сообщить Вашему Величеству, что Ее Величество Императрица изменила свое мнение по этому предмету и, не желая слышать о каких бы то ни было изменениях, требует, чтобы в Польше дела оставались в том виде, в каком они были. Этот случай очень огорчает гр. Панина. Независимо от утраты славы, которую он думал себе снискать, доставив полякам во время своего управления министерством эту выгоду, его печалит, и более чем он высказывает, внезапная перемена во взглядах Ее Величества Императрицы... Он приписывает такую перемену в Государыне внушением г. Орлова, который выслушивает графа Бестужева.

"Перемена в государыне" прусского короля очень порадовала. Для русской же дипломатии это была серьезная ошибка, последствия которой еще предстояло испытать.

Менее успешно, чем с Пруссией, но все же продвигались дела в отношениях с другими странами, в первую очередь с Данией. В Копенгагене в то время правил престарелый распутник король Фредрик V. Последние годы жизни король посвятил замаливанию грехов и совершенно отошел от дел. Поэтому власть в государстве оказалась в руках многочисленной и корыстолюбивой аристократии. Когда Петр Ш задумал начать поход против Дании, аристократы перепугались и призвали на пост военного министра графа Сен-Жермена, француза по происхождению и большого знатока прусской военной системы. Поход Русских против Дании так и не состоялся, а Сен-Жермен вызвал своей деятельностью большое неудовольствие. Аристократы пришли к выводу, что, во-первых,

пруская система для Дании не подходит и, во-вторых, что француз не может занимать столь важный пост, ибо это свидетельствует о чрезмерной зависимости страны от Франции. Противники Сен-Жермена начали действовать, и в декабре 1763 года датское правительство само предложило России заключить союзный договор, точнее, возобновить прежний трактат 1746 года.

Отчасти такому повороту событий невольно способствовал Бестужев. Еще в октябре 1763 года старый граф, должно быть, надеясь спутать Панину карты, встретился с датским посланником в Петербурге и заявил ему, что русская императрица намерена восстановить в Швеции самодержавие. Эта сенсационная новость, означавшая радикальное изменение во внешней политике России, была немедленно сообщена в Копенгаген. Датский министр иностранных дел А. П. Бернсторф забеспокоился, ибо, по его мнению, абсолютная монархия в Швеции приводит к "продолжительным и кровавым войнам". Когда же, наконец, в декабре Корф изложил Бернсторфу истинные намерения русского правительства, тот вздохнул с облегчением и, не откладывая, предложил закрепить единомыслие двух стран в договоре.

Переговоры продолжались недолго и оказались сравнительно легкими. Панин без труда настоял на том, чтобы в секретных статьях договора Дания обязалась помогать России против Турции и противодействовать французскому влиянию в Швеции. Вопрос о Голштинии оставался пока не решенным, что и давало Панину возможность оказывать на копенгагенский двор чувствительное давление, благо поводов к тому было предостаточно.

Договор был подписан в феврале 1765 года, но уже в августе в Петербурге узнали, что датское правительство тайно и в противоречие с договором переслало в распоряжение французского посланника в Швеции 25 тысяч экю. Сумма была невелика, однако столь вопиющее двоедушие нельзя было оставлять безнаказанным. Панин потребовал от датского правительства отправить в Швецию вдвое большую сумму для того, чтобы компенсировать ущерб, нанесенный первой субсидией. В Копенгагене поспешно согласились, и русский посланник в Стокгольме пополнил свой бюджет 50 тысячами экю. Более того, датский представитель в Швеции, придерживавшийся профранцузских взглядов, был отозван и заменен человеком, более устраивавшим Петербург.

В 1766 году сдвинулось наконец и голштинское дело. В июле в Копенгаген прибыли новый русский посланник - генерал-майор М. М. Философов и при нем действительный тайный советник Каспар Сальдерн, представлявший Голштинию. Приехали они с многочисленной и блестящей свитой, поселились в великолепном дворце и всем своим поведением убедительно демонстрировали богатство и мощь посланной их державы.

К тому времени Фредрик V умер, трон перешел к его сыну - крайне легкомысленному и едва ли не слабоумному Кристиану VII. Дела при дворе делались главным образом за счет интриг и подкупа. В этих условиях Сальдерн получил прекрасную возможность проявить свои способности. Это был человек неглупый, деятельный и весьма ловкий. Еще при Петре III он приехал из Голштинии в Россию, был принят на службу в Коллегию иностранных дел и впоследствии сумел добиться расположения Панина. Нельзя сказать, чтобы Никита Иванович был падок на лесть, но, должно быть, Сальдерн был в этом деле большим искусником. Во всяком случае, в письмах к Панину он называл его своим отцом и покровителем и утверждал, что испытывает невыразимую радость при виде одной только панинской подписи. Позднее Никита Иванович пожалеет о своей доверчивости, но в то время Сальдерн вполне заслуживал его одобрения. В Копенгагене он действовал умело и тонко.

Уже в апреле 1767 года соглашение о Голштинии было подписано. Екатерина II от имени своего сына Павла как герцога гольштейн-готторпского уступала датскому королю принадлежавшую Павлу часть герцогства в обмен на территории,

не граничившие с Данией, - герцогство Ольденбургское и графство Дельменгортское. Эти земли впоследствии предполагалось передать родственникам великого князя. Соглашение было подписано в 1767 году, однако вступить в силу оно должно было лишь после того, как Павел, достигнув совершеннолетия, формально его подтвердит. По соглашению Дания должна была также уплатить долги правительства Голштинии, одновременно Сальдерн выхлопотал для русских судов особые льготы в датских гаванях. В последующие годы русско-датские отношения оставались более или менее равными и дружественными. Во многом это было заслугой Философова и Сальдерна, которые, принимая живейшее участие в местных интригах, успешно нейтрализовали происки врагов союза с Россией.

Если в отношениях с Пруссией русской дипломатии важна была твердость, а с Данией - ловкость, то, имея дело с Англией, требовалось прежде всего терпение.

В октябре 1762 года в Россию приехал новый английский посланник - лорд Бакингом. Прежнего отозвали по просьбе русского правительства, поскольку он был слишком дружен с Петром III. Перед Бакингом была поставлена задача - договориться с Россией о возобновлении союзного договора 1742 года и торгового договора 1734 года. Нельзя сказать, чтобы в Лондоне рассчитывали на скорый и легкий успех, но полагали, что возобновить эти весьма выгодные для Англии соглашения в конце концов удастся. Особенно сильно англичане были заинтересованы в торговом договоре. Соглашение 1734 года давало британским купцам весомые льготы. И хотя по истечении срока его действия льготы не были отменены, в Лондоне считали необходимым закрепить такое положение новым официальным соглашением. Идея Северного союза англичан тоже привлекала, и его создание представлялось делом для британской короны полезным.

В Петербурге Бакингом был принят подчеркнуто любезно и Екатериной, и ее министрами. Посланника заверили в самых дружеских чувствах, испытываемых императрицей к туманному Альбиону и его славному королю. Лорда заверили, что Россия заинтересована в установлении с Англией теснейших отношений, и это было истинной правдой. Но скоро выяснилось, что такие отношения в Петербурге и Лондоне представляют совершенно по-разному.

Когда Бакингому был передан русский контрпроект союзного договора, посланник с негодованием обнаружил, что "все предполагаемые изменения клонятся единственно к выгодам России". В русском проекте, например, предусматривалось, что в случае войны России с Турцией англичане будут выплачивать своему союзнику субсидию. В обмен Россия соглашалась помочь Англии защищаться от Испании и Португалии, если таковые на нее покусятся. В проекте предлагалось, что стороны будут нести равные расходы по устранению в Швеции французского влияния и т. д. Ко всему Бакингому было заявлено, что торговое соглашение может быть заключено только после союзного.

Желание русских дипломатов извлечь из предполагаемого соглашения выгоду для своей страны возмутило лорда до глубины души. В Лондоне его негодование вполне разделяли. И хотя переговоры продолжались, толку от этого было немного. Английские политики были не прочь сотрудничать с Россией и составить на севере Европы "знатный союз", но только главную роль в этом союзе они хотели отвести не Российской империи, а Британской.

Впрочем, вне зависимости от хода переговоров в Петербурге сотрудничество между двумя странами укреплялось в силу обстоятельств. Когда в Швеции обострилась борьба придворных партий, туда спешно был отправлен английский посланник. Он получил указание "относиться самым дружественным образом к русскому министру..., советоваться с ним обо всяком важном деле и шаг за шагом действовать заодно с ним". Посланнику были выделены и деньги, необходимые для поддержки антифранцузских настроений, хотя Панин считал, что

сумма могла бы быть несколько больше".

В начале 1765 года на смену Бакингеми в Петербург был прислан новый английский посланник сэра Джордж Маккартни, или, как его называли в России, кавалер Макартней. Для столь ответственного поста кавалер был еще очень молод - ему не исполнилось и 28 лет. Правда, и этому времени он уже успел стать членом палаты общин британского парламента и приобрести репутацию деятельного политика. При отъезде к месту службы Макартней получил указание - главное внимание обратить на заключение торгового трактата. В Лондоне хорошо понимали, что сделать это будет непросто, поэтому, дабы облегчить молодому посланнику первые шаги на новом поприще, его уполномочили заявить, что английский представитель в Польше будет впредь поддерживать интересы России в этой стране всем своим влиянием.

Макартней очень старался, хотя задача, которую он перед собой поставил, оказалась слишком сложной. С одной стороны, ему очень хотелось показать своему правительству, что оно не ошиблось, оказав ему доверие. А для этого надо было постоянно сообщать об успехах в порученном деле. С другой стороны, Макартней, будучи человеком молодым и самолюбивым, близко к сердцу принимал малейшие изменения в отношении к нему при петербургском дворе. Но степень уважения, которой пользуется иностранный дипломат, зависит не столько от его личных качеств, сколько от состояния отношений с представляемой им страной. Поэтому Макартней оказался меж двух огней, ему одновременно хотелось угодить и русскому, и английскому правительствам.

Поначалу Панин пошел навстречу своему молодому коллеге и не стал требовать, чтобы союзный договор был подписан прежде торгового. Для России острой необходимости в союзе не было. В Швеции посланники двух стран и без того трудились рука об руку. В Польше дела шли успешно, и потребность в английской помощи практически отпала. По вопросу о субсидии в случае войны с Турцией было ясно, что Англия ни за что не уступит, а без этого пункта союзный договор для России особого интереса не представлял. Переговоры целиком сосредоточились на торговом трактате.

Макартней понимал, что решение вопроса во многом зависит лично от Панина, поэтому старался иметь дело только с ним. Кавалер откровенно льстил Никите Ивановичу и вообще пытался установить с ним самые доверительные и дружеские отношения. Но, на свою беду, Макартней не знал, что развитие отечественной коммерции - задушевная панинская мечта. Если в другом вопросе он и мог бы пойти на уступку ради поддержания между двумя странами дружественных отношений, то подписывать договор, хоть в чем-то ущемляющий интересы российского купечества, было для него делом немислимым.

Больше всего разногласий вызывала статья 4 договора. В русском варианте она содержала такое положение: "Россия по примеру великобританского Акта о мореплавании сохраняет за собой право принимать внутри государства все меры, которые окажутся полезными, для поощрения и развития российского мореплавания".

В самом деле, "Акт о мореплавании" налагал ограничения на участие иностранцев в английской торговле. Британское правительство, как и всякое другое, имело полное право вводить такие ограничения. Так почему же Россия должна была себя этого права лишиться? К тому, чтобы не связывать себе руки в вопросах коммерции какими-либо соглашениями, подталкивали чисто практические соображения.

В первые годы царствования Екатерины II внешняя торговля России продолжала, хотя и медленно, набирать силу. Петербург превратился в один из крупнейших торговых портов в Европе. Развитие мануфактурного производства позволяло России продавать за границу не только сырье, как это было прежде, но и продукцию промышленности, главным образом юфть, пеньку и железо. В

середине столетия промышленные товары составляли до двух третей вывоза. Среди русских купцов появились и свои "воротилы", богатством и размахом торговых операций не уступавшие иностранцам. В Петербурге, например, крупнейшим дельцом был Савва Яковлев, в прошлом осташковский крестьянин, сумевший благодаря своей энергии, находчивости и деловой сметке стать дворянином, поставщиком императорского двора и владельцем множества заводов и мануфактур.

В России издревле не только умели, но и любили торговать. Это была без преувеличения национальная страсть. Иностранцы, приезжавшие в русское государство, неизменно отмечали, с какой охотой этому занятию здесь предаются все - и стар, и млад, и царь, и последний крестьянин. Голландский путешественник, побывавший в России в середине XVII столетия, очень удивлялся тому, как московиты "от самого знатного до самого простого любят купечество, что и есть причина того, что в городе Москве помещается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы в ином целом княжестве".

В середине XVIII века особенно крепким было московское купечество. Оно вело крупную торговлю с Голландией, Англией, Францией, Германией, Италией, Польшей, Персией, Турцией, Средней Азией и Китаем. Москвичи держали в своих руках всю посредническую торговлю между Востоком и Западом. В России стали создаваться торговые компании, располагавшие значительными средствами. Но у русского купечества, даже "капиталистического" московского, была ахиллесова пята - отсутствие собственного флота для заморской торговли.

Чтобы самостоятельно отвезти свой товар за границу, русскому купцу надо было иметь надежный морской корабль и обученную команду. Но Россия стала морской державой совсем недавно, в начале века, благодаря усилиям Петра Великого. Опыта и традиций морского торгового судоходства у нее не было. Если морские суда и строились, то в основном на государственных верфях, и предназначались они для военного флота. Отыскать опытных моряков было очень трудно. Русские купцы редко решались вкладывать деньги в такое непривычное и рискованное предприятие, как снаряжение собственного судна. Надежнее было доставить свой товар в порт и передать его иностранцу-комиссионеру, который и довозил его до места назначения. В результате большая часть русской торговли с Европой обслуживалась иностранными, преимущественно английскими, судами.

Положение надо было исправлять. В Петербурге думали о том, какие меры принять, чтобы помочь развитию отечественного судостроения и судоходства. Естественно, что подписывать в таких условиях договор, затруднявший проведение подобных мер, было попросту неразумно.

В Англии считали, что русский вариант соглашения позволит России изменить порядок своей внешней торговли, не обращая внимания на интересы англичан. Тогда Панин отправил в Лондон письмо, в котором заверил, что интересы английского купечества в любом случае будут учтены. Но этого оказалось мало - в Лондоне не уступали, в Петербурге тоже. Панин в своих записках императрице жаловался, что англичане ведут дела по-торгашески, и называл своих британских коллег лавочниками. Кавалер Макартней тоже не отличался деликатностью и в донесениях в Лондон обвинял русских в высокомерии, тщеславии и невежестве. Но, как замечал еще С.М. Соловьев, "когда иностранный посланник начинал сильно бранить Россию и русских - именно упрекать их в варварстве и невежестве, то это обыкновенно было признаком, что Русский Двор сумел охранить свое достоинство и свои интересы".

У Панина в конце концов лопнуло терпение, и он заявил Макартнею, что, если торговый договор не будет подписан, английские купцы лишатся всех своих привилегий. Кавалер забеспокоился и допустил ошибку, о которой ему очень

скоро пришлось пожалеть. Не дожидаясь ответа своего правительства на угрозу Панина, он подписал договор в русском варианте. Когда в Лондоне об этом узнали, разразился скандал. Макартнею крепко досталось, после чего ему объяснили, что есть лишь одно средство хотя бы отчасти исправить допущенную оплошность. От Панина необходимо добиться особой декларации, повторяющей текст его письма.

Получив такое указание, перепуганный Макартней помчался к Панину и изложил суть дела. Никита Иванович изобразил возмущение. Он заявил, что недоверие к его письму, написанному по поручению императрицы, составляет такое оскорбление, которое он не в силах перенести. Более того, он посоветует государыне впредь вообще ничего не предпринимать в этом деле.

Макартней был в отчаянии. Три дня он ходил к Панину, пытаясь его умилостивить, но тщетно. Посланник решился даже на то, что на придворном маскараде обратился к самой императрице и, по его собственным словам, "чуть не упал перед ней на колени". Но Екатерина тоже была непоколебима. Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая карьера Макартнея, если бы в Лондоне не пришли к нему на выручку и не придумали компромиссное решение - пусть статья 4 договора предусматривает право обеих сторон принимать меры для поощрения мореплавания. Панин согласился, и в июне 1766 года договор был подписан вторично и на сей раз - окончательно. Макартнею, таким образом, удалось исправить одну из своих ошибок, но его злоключения в России на этом не кончились.

Незадолго до подписания договора кавалер влюбился в одну из фрейлин императрицы - юную и обаятельную Анну Хитрову. Английский посланник был молод, не дурен собой, галантен в обращении, и девушка ответила ему взаимностью. Все было бы прекрасно, если бы охваченный страстью Макартней не забыл об осторожности. Первым скандальную новость узнал Григорий Орлов и, разумеется, не замедлил донести ее императрице. Екатерина нашла, что посланник поступил дерзко, и выразила желание впредь не видеть его при дворе.

Макартнею пришлось уехать из Петербурга. Впрочем, эта история на русско-английских отношениях не отразилась. Во-первых, потому, что кавалеру каким-то образом удалось скрыть от начальства свое любовное похождение. Во-вторых, назначенный на его место лорд Каскарт обладал такими добродетелями, которые с лихвой окупали все грехи его предместника. Каскарт пришел в восхищение от правдивости и твердости Панина и всячески старался добиться его расположения. Однажды он вздумал сообщить в Лондон свое мнение о Екатерине, но понял, что собственных слов ему для этого не хватает, и потому поместил в своей депеше отрывок из "Энеиды" Вергилия. Правда, Каскарту, как и его предшественникам, заключить союзный договор не удалось, но дружественные отношения между Россией и Англией сохранялись и приносили пользу. Северная система начинала действовать.

С первым серьезным испытанием политическая система Панина столкнулась в Швеции. Еще в 1763 году русский представитель в Стокгольме И.А. Остерман доносил, что в стране назревают важные события. Оппозиция профранцузской партии "шляп", находившейся у власти, усиливалась с каждым днем. Поскольку в стране непрерывно росла инфляция, а государственной казне хронически не хватало средств, правительство пошло на ряд крутых мер, был, в частности, запрещен выкуп коронных земель крестьянами и домашнее винокурение. Это вызвало сильнейшее недовольство крестьян и горожан.

"Шляпы" проводили ярко выраженную буржуазную политику - щедро субсидировали промышленность и старались как можно больше урезать власть короля. Хотя

покуситься на права знати они не осмеливались. В результате в ряды

оппозиции вливались разночинцы и демократически настроенные деятели, выступавшие за ограничение привилегий аристократии и крупной буржуазии, за упорядочение государственного бюджета и миролюбивую внешнюю политику. С другой стороны, двор, в особенности энергичная королева Луиза Ульрика, готов был начать решительную борьбу за восстановление самодержавия.

Остерман сообщал, что оппозиция требует созыва чрезвычайного сейма, на котором и должна была произойти решающая схватка. Одновременно он отмечал, что Франция, по-видимому, собирается изменить свою тактику в Швеции. Вместо поддержки партии "шляп" французский посланник барон Бретейль собирается истратить свои ливры в пользу короля. Во всяком случае, Луиза Ульрика стала к нему необычайно внимательна.

Поначалу Панин не придавал этой новости особого значения, решив, что французы используют свою обычную провокационную уловку. "Знать, что жребий шведской королеве быть обманутой французскими послами, - писал он Остерману, - в мое время перед сеймом, на котором графу Браге отсекали голову, маркиз д'Аврэнкур (прежний французский посланник в Стокгольме. - Авт.) обещал ей свое вспоможение и, выведав у нее на одном маскараде все ее тогдашние намерения и предприятия против сенаторов, его креатур, предал ее им. Бретейль же гораздо вороватее д'Аврэнкура".

Однако скоро стало ясно, что французская дипломатия оказалась способна извлекать уроки из ошибок прошлого. В Версале поняли, что тратить огромные деньги, пытаясь пересилить Россию, неразумно. Проще восстановить в Швеции сильную власть монарха. И пусть это не даст Франции непосредственного выигрыша, зато в перспективе, учитывая давние антирусские настроения и агрессивность шведской знати, несомненно принесет свои плоды. Положение становилось серьезным. Остерману был направлен рескрипт с подробными инструкциями. Русскому посланнику предписывалось прежде всего противодействовать установлению самодержавия и добиваться строгого соблюдения шведской конституции 1720 года. Особенно важно было отменить постановления о расширении прав Сената, принятые в 1756 году.

Остерману было поручено объяснить всем друзьям России, что императрица от Швеции ничего не желает кроме нейтралитета. В то же время она приветствует внутреннее шведской нации приращение и благосостояние" и готова ему содействовать. В отношении королевской семьи необходимо было, не доводя дело до открытого разрыва, попытаться отстранить монархов, в особенности королеву, от участия в грядущих политических событиях. Очень хорошо было бы попытаться разорвать франко-шведский союзный договор, но в Петербурге полагали, то это вряд ли возможно.

Сейм открылся в январе 1765 года. К этому времени Стокгольме уже находился английский посланник, привезший с собой 13 тысяч фунтов стерлингов и постоянно советовавшийся с Остерманом. Готовился к сейму и прусский представитель. Денег ему король не дал, но у него была особая задача. Поскольку Фридрих II приходился братом Луизе Ульрике, он должен был через своего посланника по-родственному уговорить королеву не вмешиваться в политику. Объединенные усилия скоро дали свои плоды. Господствующие позиции на сейме оказались в руках англо-русской партии.

В августе сейм единогласно принял решение упразднить поправки 1756 года к конституции. Все попытки королевской партии и французского посланника добиться расширения прав монарха оказались тщетными. Основная задача русской дипломатии в Швеции была достигнута, с чем Панин и поздравил императрицу. Но неожиданно сложилась интересная дипломатическая комбинация, дававшая надежду на еще более значительные результаты. Главное, чем союз с Францией привлекал Швецию, - это субсидии. Однако, поскольку денег у французского правительства после Семилетней войны было мало, оно выплачивало субсидии неохотно и

задолжало Швеции 18 миллионов ливров. В Версале на представления из Стокгольма не реагировали и отдавать обещанные деньги не торопились. Шведских политиков это, естественно, сильно обижало. Таким образом, франко-шведский союз дал трещину, которую можно было расширить. Панин считал, что единственный способ разорвать союз - это заменить французские субсидии английскими. В Лондоне к этому предложению отнеслись без понимания. Однако вскоре выяснилось, что, во-первых, в Стокгольме не догадываются о категорическом нежелании Англии давать субсидии и продолжают надеяться на благоприятное решение этой проблемы. Во-вторых, у Англии обнаружился свой особый интерес к шведским делам.

Британская дипломатия, действуя в Швеции, стремилась не только нанести ущерб Франции или укрепить Северный союз и свои связи с Петербургом. Пожалуй, не меньше значение для Англии имел интерес экономический. И хотя позднее английские историки в этом усомнились, настойчивость тогдашней британской дипломатии именно в экономической области говорит сама за себя. Английские купцы давно и безуспешно пытались проникнуть на шведский рынок. Но система таможенных ограничений в этой стране была такова, что для британских товаров путь в Швецию был, по существу, закрыт. В то же время Англия находилась в сильной зависимости от импорта шведского железа. При таких обстоятельствах англичане решили добиться своего окольным путем. Они предложили Швеции заключить не субсидный, а союзный договор, включив в него пункт о предоставлении сторонами друг другу статуса наиболее благоприятствуемой нации в торговле.

В Стокгольме на эту удочку клюнули и, когда Версаль в очередной раз отказался выплатить долг, приступили к переговорам с Англией. Шведское правительство рассчитывало, с одной стороны, использовать переговоры как средство давления на Францию. С другой стороны, оно планировало подписать договор не о союзе, а о дружбе. Тогда у Франции не было бы формальных оснований разорвать свой союзный договор со Швецией. Если бы это удалось, Стокгольм оказался бы в очень выгодном положении и продолжал бы получать французские субсидии, пользуясь выгодами от сотрудничества с Англией. Но шведские политики просчитались.

В Версале, узнав об англо-шведских переговорах, возмутились и решили действовать в отношении Швеции методом грубого давления. Это, в свою очередь, было ошибкой. Если бы Франция пошла на уступки, даже незначительные, англо-шведские переговоры наверняка были бы прерваны. Но, по мере того как французский посланник принимал в отношении шведского правительства все более вызывающий тон, в Стокгольме все сильнее склонялись в пользу договора с Англией.

Дела стали принимать интересный оборот, и Остерман получил из Петербурга указание - всемерно помогать англичанам. После этого переговоры стали продвигаться быстрее, и, наконец, в феврале 1766 года шведское правительство, отбросив последние сомнения, подписало с Англией договор о дружбе. Французский посланник, выждав, когда сейм подойдет к концу, явился к его председателю графу Левенгелю и заявил, что его двор считает "обязательства между Францией и Швецией прекращенными навсегда". Франко-шведский союз был разорван.

Как и в Швеция, панинская внешнеполитическая система вскоре начала приносить плоды и в Польше. После избрания в этой стране нового короля русским послом в Варшаве стал князь Н.В. Репнин, сменивший умершего Кейзерлинга. Репнин был человек умный, решительный и жесткий, а для дипломата, работающего в Польше в те времена, такие качества были, пожалуй, самыми полезными. Первое, что было поручено сделать Репнину после его вступления в должность, - это представить польскому правительству совместную

декларацию России и Пруссии в пользу диссидентов. Хотя в декларации шла речь не только о православных, но и о протестантах, Репнину предписывалось прежде всего поработать о правах своих единоверцев, а протестантов оставить попечению прусского короля.

Декларация вскоре была поддержана Англией и Данией, но дело об уравнении диссидентов в правах продвигалось с огромным трудом. Предоставление православному дворянству всей полноты гражданских прав означало, что оно сможет занимать и правительственные должности, а поделиться столь удобным источником доходов католическая шляхта категорически отказывалась. Борьба разворачивалась под предлогом защиты веры, причем католическое духовенство принялось раздувать откровенный религиозный фанатизм. Особенно старался краковский епископ Солтык. Пятнадцать секретарей писали ему пасторские послания в защиту католичества, которые епископ распространял по стране.

Поначалу Репнин хотел опереться на партию Чарторыйских, но вскоре понял, что с прежними союзниками договориться не удастся. Пока решался вопрос об избрании короля, союз с Россией был Чарторыйским нужен и выгоден. От Кейзерлинга они получали огромные субсидии и русские ордена, при его поддержке они обеспечили себе и своим ставленникам высокие и доходные должности. По требованию Чарторыйских и в помощь им в Польшу были введены отряды русских войск. Теперь магнаты, получив от России все, что хотели, собирались воспользоваться победой на королевских выборах для достижения собственных целей, не считаясь с интересами России, Чарторыйские пытались хитрить, уверяя Репнина в своем расположении к Российской империи и сваливая все неудачи на короля, но русского посла провести было трудно.

Репнин видел, что "друзья" пытаются его обмануть, что король, человек слабый и нерешительный, полностью находится под их влиянием и без совета и поддержки со стороны вряд ли на что-нибудь способен. Оставалось одно - не порывая открыто с Чарторыйскими, составить новую партию в поддержку требований России, что и было сделано.

В марте 1767 года в Польше возникли две диссидентские конфедерации - православная в Слуцке и протестантская в Торне. Из католиков, недовольных королем, составила еще одна конфедерация. Возглавить ее предложили князю Радзивиллу, который после избрания Понятовского королем был изгнан из страны. Радзивилл пришел в восторг от такого предложения и в обмен на возвращение ему всех его имений обещал поддерживать диссидентов, не притеснять их в своих имениях и вести себя достойно, то есть не впадать в загулы, сопровождаемые дикими выходками. В числе новых "друзей" России неожиданно оказался и епископ Солтык, надеявшийся таким образом поднять борьбу против короля. Репнин особенно старательно помогал православной конфедерации, ибо она оказалась довольно слабой. Среди православных попросту трудно было найти достаточно подготовленных людей, способных возглавить движение. И немудрено, если, как доносил Репнин, православные дворяне "в такой бедности, что сами землю пашут".

Так или иначе, но дело постепенно продвигалось. В сентябре 1767 года в Варшаве собрался чрезвычайный сейм, на котором предстояло обсудить предложение России. Настроение депутатов было беспокойным. Солтык, вновь ставший противником России, произнес страстную речь, призывая собравшихся подняться на защиту святой католической веры. Епископ был хорошим проповедником, но плохим политиком. Князь Репнин потерял наконец терпение и велел арестовать Солтыка и нескольких его особенно рьяных приверженцев как "оскорбителей величества". Крайняя мера оказалась эффективной, и депутаты сейма несколько успокоились.

Князь Репнин действовал круто, нагоняя на своих противников страх, за

что и получил прозвище "деспот". Но Репнин был не только исполнительным служакой, но и умным политиком и видел, что в Польше русская дипломатия допускает серьезную ошибку. В одном из своих донесений в Петербург, несмотря на категорические указания Екатерины не допускать реформы польского государственного устройства, он написал Панину: "В настоящее время все то исполню, что ваше сиятельство мне ни повелеваете если желаете., чтобы через *liberum veto* сеймы как и прежде разрывались, то и оно исполню. Сила наша в настоящее время все может; но осмелюсь то представить, что не только тем не утвердим уверенность нации к нам и нашу здесь инфлюенцию, но, против, совсем оные разрушим, оставя рану в сердцах всех резонабельных и достойных людей".

Панин поспешил представить это письмо Екатерине с соответствующими комментариями. На этот раз императрицу удалось убедить в необходимости реформ. Правда, отказаться от "либерум вето" она не согласилась, но на некоторые уступки пошла. "...Для чего бы не дозволить пользоваться соседям некоторым нам индифферентным порядком, который еще и нам иногда может в пользу оборотиться", - написала Екатерина на полях письма. Новые указания были немедленно переданы в Варшаву.

К этому времени сейм закончил свою работу, создав комиссию для рассмотрения вопроса о диссидентах. Согласие Екатерины на уступки подоспело как нельзя вовремя. В феврале 1768 года вновь созванный сейм принял ряд важных решений. По вопросу о диссидентах постановили, что католическая религия остается в Польше господствующей, король и королева должны непременно принадлежать к ней и переход из католичества в другую веру воспрещается. В то же время диссиденты получили свободу совести и богослужения, освобождались от податей в пользу католического духовенства и в гражданских правах вполне уравнивались с католиками.

По вопросу о порядке работы сеймов было решено, что вето одного депутата может быть применено только при обсуждении проблем, признаваемых государственными. Вопросы экономические впредь должны были решаться большинством голосов. Государственное устройство Польши было поставлено под гарантию России. Фридрих II тоже было собрался стать гарантом, но Панин ему в этом категорически отказал. В довершение ко всему 13 февраля 1767 года Польша заключила с Россией оборонительный союз.

Победа русской дипломатии была полной и превосходила самые смелые ожидания. В Польше России удалось добиться того, на что она могла бы рассчитывать разве что после большой и победоносной войны. Панин благодарил Репнина, справедливо утверждая, что лучше, чем он, с этим делом не справился бы никто. Но этот дипломатический триумф таил в себе зерна будущих бед. От Польши потребовали сразу очень многого, почти ничего не дав взамен. Изменения в порядке работы сеймов были слишком мелкими и незначительными, и это вызывало недовольство Чарторыйских и их сторонников. Уравнение диссидентов в гражданских правах с католиками возмущало шляхту, охотно внимавшую страстным проповедям католических священников. Успехи России неизбежно должны были вызвать зависть и интриги со стороны других государств.

Но пока дела шли на удивление хорошо. Даже в Петербурге при дворе страсти несколько улеглись. Умиротворению во многом способствовало то, что враждебная Панину фракция потеряла главного своего заводилу: в апреле 1766 года после тяжелой и продолжительной болезни на 76-м году жизни скончался граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Григорий Орлов остался без наставника, но по привычке продолжал против Панина интриговать, стараясь очернить его в глазах Екатерины. Найти повод для сплетен и клеветы - дело нехитрое, тем более что у Панина тоже были свои хорошо известные слабости.

Из донесения сэра Джорджа Макартнея государственному секретарю его милости герцогу Графтону

[Секретно]. Упомянув в письме от 8-го текущего месяца н. с. о намерении моем подробнее описать вам положение Панина при здешнем дворе, берусь за перо, чтобы уведомить вашу милость, что хотя он еще облечен министерской властью и все дела по-прежнему зависят от него, однако я опасаюсь, что влияние его слабеет; несколько месяцев тому назад он страстно влюбился в графиню Строганову, дочь канцлера Воронцова, даму необычайной красоты и живого ума, развитого путешествиями и украшенного всеми совершенствами образования. Она рассталась с мужем с год тому назад... Я не предполагал, что эта страсть Панина повлечет за собой серьезные последствия, и думал, что по всем вероятностям она будет непродолжительна, а посему до сих пор и не считал нужным говорить о том вашей милости, но теперь страсть эта достигла таких размеров, что я не могу далее обходить ее молчанием, тем более что как сама дама эта, так и друзья ее употребляют самые хитрые уловки для того, чтобы не дать остыть этому чувству... Для Панина вредные последствия, возникающие от этих несчастных отношений, состоят в том, что по его небрежности и рассеянности все дела в застое или подвигаются с более чем русской медлительностью, сам же он начинает терять уважение общества, которому трудно простить человеку его лет, положения и опытности до того нескрываемую и юношескую страсть. Враги его не преминули воспользоваться этим случаем для того, чтобы выставить на вид неприличие и дурной пример такой слабости в министре Ее Величества и воспитателе наследника престола...

Вопреки опасениям Макартнея, императрица отнеслась к этому затяжному роману с пониманием. Более того, в сентябре 1767 года, в годовщину своей коронации, она удостоила Никиту Ивановича и его брата особой милости - пожаловала им графский титул. Вообще императрице было не до мелких сплетен и интриг: она с головой ушла в новое предприятие - Комиссию об уложении. Екатерина делала очередной приступ к законодательной деятельности, и депутаты комиссии, собранные со всей страны, должны были высказаться о существующих законах и средствах их исправления.

6

Дипломатические тонкости

В 1769 году Панин нашел себе нового сотрудника. Это был молодой человек доброго нрава, образованный - обучался в Московском университете, исполнительный и к тому же сочинитель - написал комедию, приводившую в восторг весь Петербург.

Впервые они встретились при необычных обстоятельствах. Молодой литератор был приглашен в Петергоф прочесть свою комедию в присутствии императрицы. Чтение имело большой успех. Панину молодой человек понравился, и он пригласил его к малому двору - познакомить с "первой в наших нравах комедией" великого князя. При следующей встрече Панин имел возможность присмотреться к новой литературной знаменитости повнимательнее. Будущий дипломат вспоминал позднее, что в разговорах с ним граф "старался узнать не только то, какие я имею знания, но и какие мои моральные правила". Более близкое знакомство укрепило Панина в расположении к одаренному молодому человеку, и вскоре он предложил ему перейти на службу в Коллегию иностранных дел. Звали нового сотрудника Денис Иванович Фонвизин.

Со временем Фонвизин стал ближайшим помощником и доверенным лицом

Панина, причем не только по должности. Денис Иванович вполне разделял политические взгляды своего начальника, близко к сердцу принимал его радости и огорчения и, когда фортуна изменила Панину, сохранял верность графу до самой его смерти. Много позднее Фонвизин написал краткий очерк жизни Панина, в котором посвятил Никите Ивановичу немало теплых строк: "Нрав графа Панина достоин был искреннего почтения и непритворной любви. Твердость его доказывала величие души его. В делах, касательных до блага государства, ни обещания, ни угрозы поколебать его были не в силах. Ничто в свете не могло его принудить предложить монархине свое мнение противу внутреннего своего чувства. Коли-ко благ сия твердость даровала отечеству! От коликих зол она его предохранила! Други обожали его, самые враги его ощущали во глубине сердец своих к нему почтение, и от всех соотечественников его дано было ему наименование устного человека..."

Своим новым сотрудником Никита Иванович был очень доволен не только из-за знаний и "моральных правил". Панин высоко ценил людей, умеющих искусно излагать свои мысли на бумаге, и настойчиво поощрял подчиненных к развитию этой способности. Как-то в разговоре с генералом И. Г. Чернышевым он похвастался, что "штиль" бумаг, подготовленных в Коллегии иностранных дел, лучше, чем в любом другом учреждении. Со временем в коллегии сложился своего рода культ изящного слога, которым ее служащие гордились. В результате в дипломатическом ведомстве России никогда не переводились люди, известные не только своими дипломатическими заслугами, но и блестящими талантами в области литературы и искусства.

Одновременно с Фонвизиним в коллегии служил переводчиком И. Ф. Богданович, автор знаменитой в те времена "Душеньки". Общество любомудрия, оставившее заметный след в истории русской культуры, было создано в 1823 году, говоря современным языком, "на базе" Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Выдающийся поэт допушкинской поры К. Н. Батюшков работал секретарем русской дипломатической миссии в Неаполе. А. С. Грибоедов был в равной степени талантлив и как поэт, и как политик. Ф. И. Тютчев проработал на разных дипломатических постах больше двадцати лет. К. Н. Леонтьев, также профессиональный дипломат, при жизни пользовался в основном известностью как писатель, а после смерти был причислен еще и к религиозным мыслителям. Вообще сильными сторонами русского дипломатического ведомства были высокая культура и профессионализм его сотрудников, причем не будет преувеличением сказать, что добрые эти начала в значительной мере закладывались во времена Панина и благодаря его личным усилиям.

Говорят, что испытание властью - самое трудное. Наверное, ни в чем так не проявляется действительный чувственный облик человека, как в его отношении к людям от него зависящим. Поэтому наиболее строгими, но и объективными судьями начальника обыкновенно бывают его подчиненные. Что думал о Панине его секретарь Фонвизин, уже говорилось. Для полноты картины можно привести мнение еще одного человека, работавшего с Никитой Ивановичем, - князя Федора Николаевича Голицына. Спустя много лет после смерти Панина князь написал о нем такие слова: "Он был с большими достоинствами, и что его более всего еще отличало - какая-то благородность во всех его поступках и в обращении ко всякому внимательность, так что его нельзя было не любить и не почитать: он как будто к себе притягивал. Я в жизни моей мало видал вельмож, столь по наружности приятных. Природа его одарила сановностью и всем, что составить может прекрасного мужчину. Все его подчиненные его боготворили".

Когда Панин вступил в должность старшего члена Коллегии иностранных дел, учреждение это было сравнительно небольшим. Числилось в ней около 260 служащих, из которых 25 находились в Москве при тамошних конторе и архиве. Нельзя сказать, чтобы коллегия была образцовым учреждением, но со своими

задачами вполне справлялась, хотя собственно коллегию, то есть руководящий орган этого ведомства, частенько критиковали. Согласно регламенту члены коллегии обязаны были изучать текущие внешнеполитические дела, обсуждать их на заседаниях и сообщать свои выводы и рекомендации руководителю ведомства. На практике это происходило далеко не всегда. В свое время канцлер Бестужев пенял членам коллегии, что они "только и делали, что один за другим вкруговую читали, а никакого предложения или рассуждения не чинили". Поэтому Бестужев завел у себя дома особую канцелярию, в которой все дела и решались. Панин эту традицию сохранил и тоже старался по возможности все делать сам, и все же отношение его к подчиненным было иным.

Как-то во время обеда у великого князя Никита Иванович обронил такую фразу: "Подлинно от самого министра зависит, чтобы дела хорошо шли.., если бы по Иностранной коллегии министр теперь сказал, что дела исправлять не с кем, то бы самого такого выгнать достойно". Панин свои "кадры" знал очень хорошо, ценил и, пожалуй, даже гордился ими. Во всяком случае, сотрудники Иностранной коллегии, по его мнению, были "совсем иные люди, нежели приказные других мест". Панин не стеснялся "весьма хвалить" А. М. Обрескова или говорить о А. С. Стахиве, резиденте в Стокгольме, что прежде он был большой "негодницей", но потом взялся за ум. И теперь "иной обстоятельств собственного дому так не знает, как господин Стахив знает все обстоятельства королевства шведского".

Надо сказать, что в те далекие времена русские дипломатические представители пользовались уважением не только у себя на родине, но и, как теперь принято говорить, в стране пребывания. Например, князь Дмитрий Алексеевич Голицын, много лет служивший послом в Париже и Гааге, был членом академий наук Брюсселя, Стокгольма и Берлина и считался серьезным ученым-естествоиспытателем и экономистом. Он был дружен с Вольтером, Дидро и Гельвецией, участвовал в собраниях физиократов у Мирабо и служил посредником между Екатериной и ее французскими корреспондентами.

Другой Голицын, князь Дмитрий Михайлович, 18 лет служивший послом в Вене, научными изысканиями не прославился, но память о нем сохраняется в австрийской столице до сих пор. Как дипломат Голицын был поставлен в Вене в трудное положение. Поскольку панинская Северная система была отчасти направлена против Австрии, служба Голицына состояла преимущественно из выслушивания упреков со стороны венского двора и передачи тамошним министрам столь же нелестных заявлений. Однако несмотря на все политические неурядицы, к самому послу жители австрийской столицы относились весьма почтительно.

Рассказывают, что у Голицына был дом неподалеку от Вены и князь любил прогуливаться по ближайшей дороге, вдыхая целебный альпийский воздух. Окрестные жители, привыкшие часто видеть русского посла, стали называть дорогу его именем. С тех пор прошло два столетия. Давно нет дома, в котором жил князь, дорога стала городской улицей. Но и по сей день она так и называется - Голицын-штрассе. Находящаяся неподалеку гора тоже долгое время носила название Голицынберг, пока ее не переименовали Вельхельминенберг.

Князя Дмитрия Михайловича, кстати, долго помнили не только в Вене, но и в Москве. Перед смертью он завещал построить в первопрестольной больницу на свои средства. За разработку проекта взялся сам М. Ф. Казаков, и в 1801 году здание, считающееся одним из лучших произведений архитектора, было построено. Более ста лет эта больница на Большой Калужской называлась Голицынской.

Никита Иванович редко ошибался в деловых качествах своих подчиненных, причем не только благодаря своей проницательности. Дипломатов в те времена было мало, а работы у них было много. Посланники, например, писали донесения в Петербург собственноручно, а не перекладывали эту обязанность на

подчиненных, как делалось позднее. А по тому, что и как сообщает посланник, можно было без труда судить, чего он стоит. Во второй половине XVIII столетия в Коллегии иностранных дел служили в основном люди способные, знающие и добросовестные. Причина этого отчасти состояла в том, что от них требовали дело, и "естественный отбор" был довольно строг. Но не меньшее значение имело и то, что Панин очень внимательно, если не сказать заботливо, относился к своему ведомству и его сотрудникам. Не в последнюю очередь благодаря его усилиям Коллегия иностранных дел очень долго сопротивлялась бюрократизации - недугу, поразившему систему государственного управления России вскоре после реформ Петра Великого.

Этот порок одолел внешнеполитическое ведомство лишь в XIX веке. Именно тогда зародилась, например, особая манера подготовки бумаг, с которой впоследствии безуспешно боролся канцлер А. М. Горчаков. Один и тот же документ, прежде чем выйти за стены министерства, подвергался бессмысленной и многократной переделке по мере перехода от подчиненного к начальнику. Причин для такого стиля работы было много. Прежде всего это, конечно, чиновничье стремление снять с себя ответственность - чем больше людей трудится над бумагой, тем меньше каждый из них отвечает за ее содержание. Но была и особая "ведомственная" причина. Министерство иностранных дел становилось все более престижным, привилегированным учреждением, число желающих служить по дипломатической части росло, и штат министерства, даже несмотря на строгие приемные испытания, постоянно и без необходимости расширялся.

Для того чтобы такое обилие дипломатов чем-то занять, проще всего было поручить им переделывать работу друг друга. Дело от этого, разумеется, страдало. Даже одаренные и желающие добросовестно трудиться молодые люди, столкнувшись с такой формой вынужденного безделья, разочаровывались в своей службе и начинали искать иные способы приложения своих сил, в том числе и в области искусства и литературы.

Другой острой проблемой, время от времени волновавшей Иностранную коллегию, как, впрочем, и другие государственные учреждения, было кумовство. Петр I, создавая коллегию, был вынужден даже посвятить этому вопросу особый указ. "К делам иностранным, - повелевал царь, - служителей Коллегии иметь верных и добрых, чтобы не было дыряво, и в том крепко смотреть и отнюдь не определять туда недостойных людей или своих родственников, особенно своих креатур. А ежели кто непотребного в оное место допустит, или, ведая за кем в сем деле вину, а не объявит, то будут наказаны, яко изменники".

Но Петр недаром признан мудрым государем. Для него бумага, даже собственный указ, никогда не заслоняла дела. Поэтому еще при жизни Петра в Иностранной коллегии начали складываться своего рода дипломатические династии. Один из крупнейших петровских дипломатов князь Б. И. Куракин, например, отправляясь с поручением за рубеж, в помощники обыкновенно брал своего сына Александра. Благодаря этому младший Куракин уже в молодые годы досконально изучил все тонкости дипломатической деятельности. В 1722 году он в возрасте 25 лет был назначен на пост посла во Францию. Правда князь Александр Борисович был еще и от природы очень способным человеком. Утверждали, что он знает языки всех стран, в которых когда-либо побывал. А объехал Куракин едва ли не всю Европу.

При Панине такое положение сохранялось, хотя, в случае необходимости, он проявлял строгость, невзирая на родственные и прочие связи. В 1764 году, например, из Лондона был отозван посланник А. Р. Воронцов. Сольмс, узнав об этом, поинтересовался у Панина, чем был вызван такой шаг. Дело в том, объяснил граф, что с одной стороны, он должен был бы поддержать Воронцова "вследствие дружбы своей с его сестрой". Но, с другой стороны, "не может

этого сделать потому, что своими безрассудствами и неуместной вспыльчивостью Воронцов в значительной степени был причиной охлаждения, происшедшего между Россией и Англией; что, не получив никаких инструкций, ни даже простого извещения о смерти польского короля, он уже делал заявления и подавал записки в тоне, гораздо более возвышенном, чем здесь имели намерение принять относительно Англии, и что во всех действиях он обнаружил горячность, совершенно неуместную в министре, который всегда должен поступать рассудительно и кротко".

Из слов Панина можно сделать вывод, что беда Воронцова заключалась не только и не столько в том, что он превысил свои полномочия, сколько в отсутствии качеств, необходимых дипломату. В таком подходе был свой резон, поскольку деятельность дипломата в XVIII веке существенно отличалась от того, чем приходится заниматься его нынешнему коллеге. Соответственно и требования к нему предъявлялись иные.

Прежде всего, посол в иностранной державе был един во многих лицах. Он не только официально представлял свое правительство, но был еще и резидентом разведки своей страны, а заодно и торговым представителем. У посла было множество забот и обязанностей, но и прав тоже немало.

Современный дипломат занят главным образом сбором, в рамках законных средств, информации о стране пребывания. Решения на основе этой информации принимаются в центре. Послу же остается только дожидаться указаний. Дипломат XVIII века мог значительно больше. Он был вправе вербовать себе открытых сторонников и тайных осведомителей, осуществлять подкуп официальных лиц, что вообще было в порядке вещей. Поддерживать связь со своим правительством послу было сложно, и на это уходило много времени - пока курьер доскачет до столицы, вручит депешу, дождется ответа и привезет его обратно. Поэтому дипломатические донесения по сравнению с тем, что писалось в последующие времена, были значительно лаконичнее и содержательнее. Посол, естественно, сообщал на родину не все, что сумел узнать, а только самое важное.

Донесения писались не по заранее установленной форме, а исходя из соображений целесообразности. В одном донесении мог, например, содержаться развернутый анализ положения в стране, а в следующем - лишь запись одной беседы, зато такой, по которой можно было судить о многом. Инструкции, направлявшиеся послам, также носили более общий характер. Панин обыкновенно руководил работой русских дипломатов за границей следующим образом. Он сообщал им задачу, информацию, которой у посла не было и которая могла ему пригодиться при решении задачи, и советовал, как, по его мнению, лучше достичь желаемого. Очень часто Никита Иванович подсказывал дипломатическому представителю аргументы, помогавшие убедить нужного человека или отвести доводы противников. К его советам относились внимательно, поскольку в искусстве полемики Панин был признанным мастером.

Все остальное предоставлялось на усмотрение посланника. Мелочной опеки не было. Более того, в 1764 году императрица разрешила дипломатическим представителям обмениваться между собой информацией не через Петербург, как это делалось прежде, а непосредственно. Что еще было характерно для Панина как руководителя дипломатической службы, так это доброжелательность. Похвала дипломату в конце письма - обычное явление, выговор или выражение недовольства - исключение.

В Петербурге внешнеполитические вопросы при Панине обыкновенно решались по отлаженной, редко нарушавшейся схеме. Начиналось с того, что Никита Иванович получил корреспонденцию из-за границы и внимательно ее изучал. Донесения в Коллегию иностранных дел стекались отовсюду. Кроме депеш от русских посланников посольские курьеры привозили и письма неофициальных представителей - купцов и путешественников, совмещавших удовольствие

странствий со службой отечеству. Иногда с дипломатической почтой, а чаще сложными окольными путями приходили сообщения от агентов тайных. Весь этот поток разнообразных сведений, когда мало интересных, а когда и чрезвычайно важных, надо было изучить, обдумать, отсеять выдумки и пустые слухи и составить из разрозненных фактов картину происходящего.

Разобравшись с бумагами, Никита Иванович отбирал важное, писал на полях свои замечания и предложения и отправлял все это императрице. Изредка, если вопрос был сложным, к документам прилагался пространный доклад с обоснованием предлагаемых мер. Екатерина бумаги просматривала и тут же "апробировала", то есть утверждала. Обычно краткой резолюцией - "Быть по сему", но иногда и более многословно: "Я весьма с сим мнением согласна и, прочитав промеморию, почти все те же рефлексии делала". Затем в коллегии составлялись рескрипт для отправки послу или иные официальные документы, которые императрица тем же порядком утверждала. Бывали случаи, когда Панин "для выиграния времени" вторично бумаги на утверждение императрице вообще не посылал.

Собственное мнение по иностранным делам Екатерина высказывала редко. Если и вносила поправки в документы, то лишь по мелочам, сопровождая их адресованными Панину оговорками типа: "Если вы сие не апробуете, то раздерите сей билет". Даже когда императрица сама вела дипломатическую переписку или переговоры, делалось это по согласованию с Паниным и применялось в тех случаях, когда ее непосредственное участие было выгодным с политической точки зрения. Большинство ее "личных" писем иностранным владетельным особам было заготовлено в Коллегии иностранных дел под руководством Никиты Ивановича.

Такая техника ведения внешнеполитических дел сохранялась довольно долго. Особых изменений в нее не внесло даже создание в 1769 году Государственного совета, ибо его рекомендации по собственно политическим вопросам определялись в конечном счете мнением Панина и его предварительной договоренностью с Екатериной.

Единственной сферой деятельности в иностранных делах, которой императрица занималась сама, было то, что теперь принято называть внешнеполитической пропагандой. Екатерина вела обширную переписку с европейскими знаменитостями - Д'Аламбером, Вольтером, Дидро, хозяйками известных "литературных гостиных" - Жоффрэн в Париже и Бьельке в Гамбурге и т. д. Такая переписка была выгодна обеим сторонам. Европейским деятелям льстило внимание могущественной государыни далекой и загадочной северной державы, и переписка с ней, естественно, немало способствовала их авторитету. Екатерина, в свою очередь, также получала возможность прослыть мудрой, просвещенной монархиней, более того, "покровительницей просвещения". К этому делу она относилась очень серьезно, свои письма неоднократно переписывала, обдумывая каждое слово. Екатерине хотелось славы прежде всего для себя. Но одновременно она делала объективно полезное дело - внушала своим корреспондентам доброжелательное отношение к своей империи, развеивала дикие представления о России, бытовавшие тогда в Европе, и, таким образом, создавала благоприятную обстановку для проведения внешнеполитических мероприятий.

Правда, были случаи, когда императрица и ее "министр иностранных дел" расходились во мнениях по существенным вопросам. Но происходило это не потому, что она самостоятельно приходила к каким-то иным выводам. Просто чье-то влияние на Екатерину пересиливало панинское. В таких случаях Никита Иванович часто прибегал к открытому выражению своего недовольства. Он мог, например, подолгу не являться ко двору или, сказавшись больным, демонстративно разъезжать по городу, а все присылаемые бумаги отправлять

обратно с надписью "господину вице-канцлеру". Екатерина, естественно, злилась, но терпела. Только в конце 70-х годов, когда трения между императрицей и ее министром усилились, Панина стали потихоньку отстранять от руководства внешней политикой.

Кстати сказать, курьер у Екатерины для пересылки бумаг Панину был особый. Эту роль выполнял обычно придворный истопник по имени Федор Михайлович. Это был человек честный, усердный и, что немаловажно, худо знавший грамоту. Утечка информации, следовательно, исключалась. Другим его важным достоинством был кафтан с необъятными карманами. Обыкновенно императрица, призвав истопника, загружала в его карманы бумаги и отправляла своего курьера к Панину. Никита Иванович, ознакомившись с почтой, вновь обременял карманы Федота Михайловича, и истопник с гордым сознанием ответственности своей миссии отправлялся назад в покои государыни.

Курьер вряд ли догадывался, какое доверие оказывалось его кафтану. Дело в том, что с 1763 года Панин помимо Коллегии иностранных дел руководил еще и Тайной канцелярией, занимавшейся расследованием наиболее серьезных преступлений, в том числе и вопросами контрразведки. Тайная канцелярия ведала делами, имевшими особое значение для государства и престола. Например, первое крупное расследование, которым Панину пришлось руководить, было связано с делом подпоручика Мировича, пытавшегося освободить царевича Иоанна Антоновича, заключенного в Шлиссельбургскую крепость. Во время схватки с охраной царевич был убит. Мировича позднее предали суду и казнили. Этим событием занимались многие историки, однако некоторые важные обстоятельства, связанные с делом Мировича, до сих пор остаются не выясненными. Естественно, что и деятельность Никиты Ивановича как начальника контрразведки была и остается тайной за семью печатями. Можно назвать немного дел, разрозненные сведения о которых встречаются в документах того времени. Более или менее подробно удастся проследить, пожалуй, лишь одну "детективную историю" с участием Панина. Произошла она в 1776 году и называлась "делом Шампаниоло".

В один из майских дней 1776 года Никита Иванович получил маленькую записку от графа Сольмса. Прусский посланник сообщал, что его секретарь, родом швейцарец, недавно познакомился в Петербурге со своим соотечественником, неким Курантом из Невшателя. Сей Курант рассказывал странные вещи и вообще казался личностью подозрительной. Зная, что граф Сольмс - человек опытный, и зря беспокоить не станет, Панин запиской заинтересовался и попросил Сольмса, чтобы он сам подробно поговорил со швейцарцем. В тот же день прусский посланник явился к Панину с новым сообщением.

Выяснилось, что Курант - живописец, приехавший в Россию в надежде найти здесь применение своим способностям и если повезет, то и сколотить какой-нибудь капитал. В Петербурге Курант долго болтался без дела, начал было отчаиваться, но тут судьба свела его с французом по имени Шампаниоло. И вот француз сделал Куранту неожиданное, странное, но очень заманчивое предложение. Швейцарец должен был отправиться в Польшу и принять участие в каком-то таинственном предприятии, целью которого ему не следовало интересоваться. В награду Шампаниоло обещал ему 40 тысяч рублей и чин подполковника польской службы. Отъезд в Польшу намечался на ближайшие дни.

Выслушав такие новости, Панин насторожился. О Шампаниоло он уже слышал. Этот проходимец прежде состоял на службе французского короля и, по некоторым данным, одновременно служил гетману Браницкому. Несколько лет назад он приехал в Россию и поступил на службу к графу Захару Чернышеву. Потом перебрался в Москву, женился там на какой-то вдове и жил без дела, кормясь за счет своей любовницы, жены советника Банно. Судя по всему, затевалась

какая-то пакость. Этим делом следовало заняться и сообщить обо всем императрице.

Екатерина, прочтя присланные Паниным бумаги, нашла его беспокойство основательным и в ответе написала, что лучше всего Шампаниоло арестовать, а существо дела изыскать допросом. Потом, видимо, крепко подумав, приписала еще один совет: "Нельзя ли, чтоб Курант Шампаниоло напоил пьяного, чтобы изучать ближе, о чем дело идет?" Но Никита Иванович дерзнул пренебречь монаршим советом. Спаивать Шампаниоло он не стал, а поступил иначе.

Прежде всего под благовидным предлогом была задержана выдача паспорта Шампаниоло, чтобы тот еще несколько дней не мог покинуть Россию. Затем Никита Иванович встретился с самим Курантом. О чем они говорили, доподлинно неизвестно, но догадаться об этом нетрудно. Скорее всего, Панин объяснил швейцарцу, что Шампаниоло - личность темная и преступная. Поэтому, связавшись с ним, Курант, такой симпатичный и, разумеется, совершенно честный человек, может, не дай бог, стать соучастником преступления. С другой стороны, небольшая услуга, которую он может оказать России, выведая планы злоумышленников, не только снимет с него всякие подозрения, но и позволит заслужить милость императрицы, щедрость которой хорошо известна. Курант не заставил, себя долго уговаривать. Ему, в сущности, было все равно, кому оказывать услуги и от кого получать деньги, зато оказаться в тюрьме очень не хотелось. Беседа поэтому завершилась дружеским соглашением. Курант обязался принять деятельное участие в предприятии Шампаниоло и сообщать все, что ему удастся узнать, в Петербург. Связь с Паниным швейцарец должен будет поддерживать через русских представителей за границей. Для этого Никита Иванович сообщил ему особое "слово" (что позднее стали называть "паролем"). В завершение беседы Куранту были вручены 300 червонцев в качестве аванса.

16 мая Курант и Шампаниоло, благополучно получив свои паспорта, отправились в Кронштадт. Там они должны были сесть на корабль и отплыть в Любек, а затем отправиться сухим путем в Льеж.

Пока они совершали это долгое путешествие, Панин постарался выяснить, не осталось ли в России соучастников заговора. Поначалу он заподозрил живших в Петербурге французских дипломатов, но подозрения оказались напрасными. Во-первых, потому, что состоявшие при посольстве священник и садовник получали жалованье не только от своего посланника, но еще и из русской казны. Во-вторых, среди дипломатов просто некому было заниматься интригами и составлением заговоров. Самого посланника, маркиза де Жюинье, в Петербурге больше всего интересовала супруга графа Ивана Григорьевича Чернышева. Из дома графа он буквально не выходил. Графиня любила поболтать со своим поклонником на политические темы и все мало-мальски интересное, естественно, передавала мужу. С другой стороны, если требовалось крепко внушить французскому посланнику какую-либо мысль, граф Иван Григорьевич также делал это с помощью жены.

Из сотрудников миссии беспокойство вызывал ее секретарь, шевалье, или, что то же самое, кавалер де Корберон. Кавалера, как и его начальника, в первую очередь занимали особы прекрасного пола, но помимо выбора дамы сердца Корберон с незаурядной прытью завязывал знакомства при дворе и в иных кругах, словом, уследить за ним было непросто. Кавалера следовало унять, но для этого нужен был повод.

20 июня 1776 года было получено, наконец, первое донесение от Куранта. Как и подозревал Панин, заговорщики затеяли печатание фальшивых русских ассигнаций. Именно для этого им и понадобился художник. Куранту было поручено изготовление печатной машины и составление рисунка. Еще швейцарец сообщал, что фальшивые деньги будут пересылаться в Петербург к жене Шампаниоло и ее сообщникам, одного из которых звали Фазер. Художнику удалось

выяснить и имена курьеров, которые должны будут доставить фальшивые деньги в Россию, - Дюкуа и Сен-Симон.

Никита Иванович немедленно навел справки. Выяснилось, что жена Шампаниоло действительно живет в Петербурге в доме лейб-хирурга Рейслена. Барон Фазер оказался отставным подполковником русской службы, болтавшимся без дела в Москве. Там же обнаружилось еще два шампаниоловых сообщника - некие Дюран и барон Розерти, промышлявшие учительством.

Вскоре от Куранта поступили новые сообщения. Заговорщики, как оказалось, фальшивыми ассигнациями ограничиваться не собирались. Планировались также поджог Кронштадта и убийство польского короля. Одновременно задумано было начать в Польше крупную смуту. Намечались и другие акции, но о них Курант ничего толком сообщить не мог, видимо, потому, что и сам Шампаниоло, от которого он получал информацию, многого не знал.

Курант напечатал уже ассигнаций на 250 тысяч и начинал тяготиться своим поручением. Дело пора было кончать. Панин предложил такой план. Швейцарцу поручалось уговорить своих сообщников перевезти типографию из Льежа в Любек, где их можно было захватить. Русскому представителю в Любеке было дано указание заручиться содействием властей этого города. В том, что они окажут необходимую помощь и уж во всяком случае не станут препятствовать аресту злоумышленников, сомневаться не приходилось. Любек вел с Россией обширную и выгодную торговлю.

Для захвата Шампаниоло в Любек необходимо было отправить специальное судно, якобы осуществляющее обычный пассажирский рейс. Чтобы ни у кого не возникли подозрений, Адмиралтейская коллегия поместила в "Петербургской газете" обычное объявление об отправке фрегата, чтобы желающие могли этим судном воспользоваться. По просьбе Панина вице-президент коллегии граф З.Г. Чернышев подобрал среди своих подчиненных умелого и надежного офицера - капитана Селифонтьева. Ему поручалось отправиться в Любек, арестовать Шампаниоло и доставить его в Россию. На всякий случай, если злоумышленникам удастся избежать ареста, Панин проинструктировал русского посла в Варшаве также принять необходимые меры к их поимке.

План был сообщен Екатерине и полностью ею одобрен. Панин уже приступил к его осуществлению, как вдруг неожиданное происшествие чуть не спутало все карты. 28 августа на одном из судов, прибывших в Кронштадт, был задержан курьер Шампаниоло, некий Балле де Сен-Симон. Арестован он был по приказанию вице-адмирала С.К. Грейга, имевшего на то инструкцию императрицы. Но, как служака не только ревностный, но и инициативный, Грейг не ограничился одним арестом. Он учинил французцу допрос, причем прямо предлагал ему рассказать о связях с Шампаниоло.

Узнав об этом, Панин немедленно отправил императрице записку. "В настоящий момент, - убеждал он, - всего нужнее, для сохранения в непроницаемости сей важной тайны, избегать всех тех мер, кои бы о сведении Шампаниолова злодейства ему или которому ни есть из его сообщников могли дать некоторое подозрение чрез какую-либо в здешней публике огласку". Курьера, настаивал Панин, необходимо содержать "в крепком и безымянном аресте" под предлогом контрабанды, по крайней мере до тех пор, пока фрегат не прибудет в Любек. Императрица вняла совету Панина, и Балле де Сен-Симон был надежно изолирован.

Развязка наступила в конце сентября. Капитан Селифонтьев, прибыв в Любек, нашел там только Куранта со всеми "воровскими материалами". Шампаниоло, должно быть, почувствовав неладное, бежал в Гданьск, но был схвачен по дороге. Как только весть об этом пришла в Петербург, Панин приказал арестовать и его жену. При аресте мадам Шампаниоло в ее постели был найден секретарь французского посольства Сен-Поль. Сам Шампаниоло, не

дожидаясь формального допроса, сознался во всем сопровождавшему его офицеру.

Француз попал в тюрьму, где, по слухам, наложил на себя руки. Его жена и Сен-Симон были высланы из России. Курант получил обещанную награду, но оказалось, что он надеялся на большее и потому счел себя обиженным. Вскоре настала очередь и кавалера де Корберона, который, впрочем, буквально напрашивался на неприятности. А произошло вот что.

Некий пьемонтец, граф Робассоми, затеял дуэль, убил своего противника и, чтобы избежать наказания, скрылся в здании французского посольства. Когда к посольству явилась полиция и потребовала выдать преступника, Корберон ответил, что посторонних в здании нет. Этот случай был доложен Панину, и он посоветовал императрице воспользоваться удобным предлогом, чтобы лишить Корберона права приезжать ко двору. Так и было сделано. На кавалера этот запрет подействовал угнетающе. Вскоре его постиг еще один тяжелый удар. Корберон узнал, что придворная дама, благосклонности которой он давно и безуспешно добивался, предпочла ему князя Репнина. Тут кавалер окончательно впал в меланхолию, начал проситься домой и вскоре покинул Петербург.

7.

Трудные времена.

В начале 1768 года международное положение России казалось вполне удовлетворительным. Швеция опасений не вызывала. Вспышки враждебности, появлявшиеся время от времени в Константинополе, удавалось вовремя погасить. Даже в беспокойной Польше дела, похоже, подходили к благоприятному завершению. Репнин, подписав союзный трактат, мог, наконец, вздохнуть с облегчением и отдать Приказ русским войскам покинуть пределы Речи Посполитой.

Правда, мелкие неприятности, требовавшие внимания, все же происходили. В марте 1768 года Репнин сообщил Панину, что в небольшом городке Бар на юге страны образовалась враждебная России конфедерация, организаторы которой призывали с оружием в руках защищать веру и свободу. Впрочем, конфедерация была довольно слабой и сама по себе беспокойства не вызывала. Плохо было то, что рядом проходила граница с Австрией, где конфедераты всегда могли получить убежище, и, что особенно неприятно, бунтовщики жалась к турецкой границе. Преследовать их значило подводить войска к турецким владениям, а это рано или поздно должно было вызвать недовольство в Константинополе. Наконец, неподалеку кочевали крымцы, которые вполне могли пристать к конфедератам.

В марте польский Сенат обратился к Екатерине с просьбой - направить войска на укрощение мятежа. Отвод войск к границе пришлось приостановить, хотя толку от них было немного. Даже небольшие отряды регулярной армии рез труда рассеивали толпы конфедератов, но, разбежавшись в одном месте, они вскоре собирались в другом. По примеру Барской конфедерации мятежи стали возникать и в других местах.

Крупные магнаты тайком снабжали конфедератов деньгами, и, видя сочувствие сильных людей, мятежники ни в чем себе не отказывали. По стране стали распространяться грабежи и насилия. Под знамена конфедерации стекались не только недовольные королем или расширением прав диссидентов, но и просто темные личности. От разгулявшейся шляхты не отставало и католическое

духовенство. Религиозные фанатики саботировали постановления о правах диссидентов, принуждали православных переходить в унию, травили православных священников. Самый популярный из них, игумен Мельхиседек, был схвачен и брошен в тюрьму, откуда ему, впрочем, удалось бежать.

Король совершенно растерялся, ничего не предпринимал, да и не знал, как поступать. Темпераментный князь Репнин рвался в бой и просил Екатерину позволить ему самому встать во главе войск, чтобы подавить мятеж в зародыше. Положение было сложным, но поправимым. Побуйствовав вволю, шляхта в конце концов разошлась бы по домам, если бы от искр, разбрасываемых конфедератами, не начался новый пожар - восстание гайдамаков.

Насилия, чинимые конфедератами, истощили терпение украинских крестьян. То тут, то там стали собираться отряды казаков, чтобы громить панские усадьбы и вешать католических священников. Восстание быстро разрасталось. Откуда-то появились подложные грамоты, якобы присланные Екатериной II и призывавшие подниматься за веру.

В Петербурге таким поворотом событий были сильно раздосадованы. Беспорядки в Польше все усиливались, грозя перерасти в настоящую гражданскую войну. Репнину и командирам русских отрядов был послан указ - решительно пресекать новое возмущение. Все большее беспокойство вызывали сообщения из Турции. Обресков доносил, что в Константинополе зреют воинственные настроения. Их старательно подогревал французский посол, доказывавший, что Россия якобы сознательно не принимает крутых мер против конфедератов, чтобы иметь повод держать в Польше свои войска. В любой момент дела могли принять скверный оборот. В политике Порты нередко происходили резкие, труднопредсказуемые колебания. Для этого достаточно было небольшого толчка, какого-нибудь незначительного события.

В июле 1768 года отряд гайдамаков, гонясь за конфедератами, занял Балту - маленький городок на границе Польши, принадлежавший крымскому хану. Место было торговое, ярмарочное, а потому селились здесь люди разных языков и верований - татары, турки, евреи, украинцы, русские, сербы, греки и т. д. Гайдамаки, придя в Балту, под горячую руку пограбили местных богачей, в том числе турок, и спустя несколько дней отправились своим путем. Видя, что гайдамаки ушли, обиженные позвали подмогу и принялись "мстить", грабя и убивая православных. Узнав об этом, гайдамаки вернулись и задали перцу туркам. В конце концов гайдамаки помирились с мусульманами, вернули им захваченное и снова ушли.

Инцидент на фоне происходивших событий был незначительным и к России никакого отношения не имел. Местный балтский начальник Якуб-ага должен был доложить о нем в Константинополь, и, если бы он сообщил правду, дело было бы оставлено без последствий. Но в Крыму в то время находился французский посланник барон де Тотт. Ему удалось подкупить Якуба, и в результате в Порту пошло сообщение, имевшее мало общего с действительностью.

В Константинополе вести из Балты вызвали сильное волнение. 23 сентября великий визирь пригласил к себе Обрескова и заявил, что русский отряд якобы разграбил не только Балту, ханскую вотчину, но еще и Дубоссары, находившиеся от Балты аж в ста верстах. Визирь потребовал, чтобы русские войска были немедленно выведены из Польши. Обресков пытался объяснить, что он всего лишь дипломат и подобных заверений давать не может. Все, что он в состоянии сделать, - это передать требования Порты в Петербург и сообщить ответ. Но визирь казался неумолимым, Обресков вместе с другими сотрудниками посольства был арестован и брошен в тюрьму. Фактически это означало объявление войны.

Для Петербурга столкновение с Турцией не было неожиданностью. Такую возможность учитывали всегда. Активные действия России в Польше турецкие

политики воспринимали очень болезненно. В течение шести лет Панину удавалось смягчать гнев Порты и противодействовать подстрекательству французов. Однако рано или поздно скрытая дипломатическая борьба должна была вылиться в вооруженный конфликт.

Будущий театр военных действий находился очень далеко от жизненно важных центров Российской империи, но война есть война. К ней надо готовиться серьезно и основательно. Надо собрать армию, снабдить ее всем необходимым, продумать стратегию боевых действий, то есть осуществить тысячу разных мер, принять множество важных решений, чтобы встретить противника во всеоружии. Между тем то, что происходило при дворе в Петербурге, мало походило на подготовку к надвигающимся испытаниям. Польша бурлила, из Константинополя приходили сообщения одно тревожнее другого, а Екатерина тем временем была занята совсем иным делом - она решила привить себе оспу. Начинание было, несомненно, похвальное, в особенности учитывая тот факт, что у императрицы оказалось много подражателей. Но найти для него более неподходящее время было, пожалуй, невозможно.

Организация этого по тем временам небезопасного предприятия была возложена на самого надежного человека - сиречь на графа Панина, Никита Иванович выписал из Англии знаменитого специалиста, доктора Димсдейла, постарался внушить ему мысль об ответственности предстоящей операции и отвел его к императрице. Операция прошла успешно, и Екатерина, повинувшись указаниям врача, отбыла в Царское Село, дабы в течение нескольких недель дожидаться результатов прививки, воздерживаясь от всяких дел. Привело это, в частности, к тому, что двор, как выражался Панин, оказался "разделен на две части, кои между собой сообщения не имеют". Иначе говоря, монархиня, державшая или, по крайней мере, пытавшаяся держать в своих руках все нити государственного управления, неожиданно оставила государство без своего матернего попечения. Но, как ни странно, государственный механизм продолжал исправно функционировать, как будто мог вполне обходиться без высочайшего надзора. Генерал З. Г. Чернышев отдал приказ войскам, расквартированным на южных рубежах империи, находиться в состоянии боевой готовности. Панин рассылал русским послам за границей срочные депеши с указаниями, как поступать в случае, если война все-таки начнется. Князь Репнин, не дожидаясь приказов из Петербурга, произвел передислокацию русских войск, чтобы вернее отразить возможное нападение на Польшу турок или крымского хана. Граф П. А. Румянцев, президент Малороссийской коллегии, срочно пополнял военные склады, готовясь к приходу армии. Словом, каждый, не дожидаясь рескриптов и указаний и не думая о милостях и наградах, делал свое дело.

В начале ноября императрица, пребывая в вожделенном здравии, вернулась, наконец, в столицу. Она ознакомилась с состоянием дел и совершенно растерялась. В военном деле она ровным счетом ничего не понимала. Между тем должным образом подготовиться к войне было важно не только для государства, но и для нее лично. Как известно, ничто так не способствует славе государей, как победы на поле брани. И, с другой стороны, несколько неудачных сражений - и ее авторитет в Европе развеется, как дым. Екатерина недолго колебалась. Она решила сделать то, на что не осмелилась пойти пять лет назад. Императрица распорядилась учредить Совет, наподобие того, что некогда предлагал Панин. Графу было поручено подобрать и членов нового государственного учреждения. Первое заседание Совета состоялось уже 4 ноября. С его членам, рекомендованным Паниным, Екатерина присовокупила собственных избранников. В результате в 10 часов утра в особом покое во дворце собрались: граф Кирила Григорьевич Разумовский, двое князей Голицыных: - один генерал, другой вице-канцлер, графы Никита и Петр Панины, князь М. Н. Волконский, генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, генерал-аншеф

граф З.Г. Чернышев и, конечно же, граф Григорий Орлов. Последний нужен был для того, чтобы оглашать мысли Екатерины, точнее, те из них, которые она сама высказывать не решалась.

На первых заседаниях речь шла, естественно, о подготовке к войне. Совет единодушно решил, что войну следует вести наступательную, с тем чтобы закончить ее как можно скорее. Цель России на случай, если война будет складываться удачно, была сформулирована очень скромно - удержать свободное мореплавание на Черном море. Правда, тут же было высказано пожелание - утвердить с Польшей такие границы, "которые бы навсегда спокойствие не нарушали". Это были отголоски доклада графа Чернышева.

Армию было решено разделить на три корпуса: наступательный - под командованием А.М. Голицына, оборонительный - под началом П.А. Румянцева и наблюдательный. У Панина были сведения, что по повелению султана турецкая армия должна собраться частью при Адрианополе и частью при Бабадаге. Совет предположил, что наиболее вероятным направлением турецкого наступления будет Польша, и не ошибся. Действительно, в Константинополе полагали, собрав главные силы до 400 тысяч человек, перейти через Днестр близ Хотина, взять Варшаву, свергнуть короля, а затем двинуться в Россию через Киев и Смоленск. Одновременно крымский хан со 100-тысячной ордой должен был начать боевые действия на юге.

У турецкой армии были свои уязвимые места. Она состояла в основном из почти не обученного ополчения и была плохо вооружена. Артиллерия, например, как во времена средневековья, стреляла мраморными ядрами. Но недостаток качества Порта намеревалась компенсировать количеством. В общей сложности Турция должна была мобилизовать до 600 тысяч человек.

Этой огромной по тем временам армии Петербург мог противопоставить не больше 180 тысяч своих солдат. Но на его стороне были иные существенные преимущества, и в первую очередь техническое превосходство над противником. В России быстро развивалась и совершенствовалась промышленность. В середине XVIII века Россия выплавляла железа столько же, сколько Англия и Швеция, вместе взятые. Металлургические предприятия Урала, ткацкие мануфактуры Москвы и оружейные заводы Тулы позволяли хорошо оснастить армию. Русская артиллерия считалась одной из лучших в Европе. Армия, прошедшая школу Семилетней войны, была неплохо обучена и организована. В России были умелые военачальники - П.А. Румянцев, П. И. Панин, Н. В. Репнин. Были и те, кому еще предстояло проявить свой полководческий гений. 38-летний А. В. Суворов, командовавший в то время полком в Польше, когда узнал о предстоящей схватке с Турцией, начал отправлять в Петербург письма, умоляя перевести его туда, "где будет построена и поотличнее война".

Подход главных сил к театру военных действий должен был произойти весной, не раньше марта. Зима ушла на сборы армий и подготовку магазинов. Но к войне готовилась не только армия. Пока пушки молчали, свое слово должна была сказать дипломатия.

В предстоящей войне Россия могла опереться на двух сравнительно надежных союзников - Пруссию и Данию. В Копенгагене сразу после начала войны заверили, что во всем будут держаться союзного трактата. Что касается Фридриха II, то он, узнав о разрыве между Петербургом и Портой, сильно перепугался. Он заподозрил, что Россия может пойти на сближение с Австрией и потерять интерес к Пруссии. Вообще король решил, что русско-турецкое столкновение неминуемо вызовет всеобщую европейскую войну. При таких обстоятельствах собственная участь представлялась ему незавидной. В любом случае король решил крепко держаться союза с Россией, чтобы не потерять своего хотя и единственного, но могущественного союзника.

Дружественные отношения с Пруссией, Данией и Англией, то есть той

частью Северной системы, которую удалось создать к началу войны, позволяли быть спокойными за северные границы. Панин был уверен, что, какие бы события ни происходили в Стокгольме, совместные усилия северных держав позволят предотвратить агрессию со стороны Швеции.

Можно было ожидать неприятностей от Австрии, но их серьезность зависела от того, как будут складываться военные действия. Еще в 1760 году Россия и Австрия подписали секретный и бессрочный "артикул" о взаимной помощи в случае войны с Турцией. Однако когда Панин попытался выяснить, как в Вене смотрят на эту договоренность, князь Кауниц ответил, что выход России из союза с Австрией освободил последнюю от всех обязательств. Австрийцы, впрочем, заявили, что будут придерживаться нейтралитета.

Главным политическим противником оставалась Франция. Версаль подтолкнул Турцию к объявлению войны и был намерен как можно дольше подогреть в Константинополе воинственные настроения. От Франции исходила и другая серьезная опасность - в делах польских.

Начало войны вызвало в Польше сильный резонанс. Противники России оживились. Они доказывали, что Турция непременно одержит победу и что против России поднимется вся Европа. Наиболее влиятельная партия Чарторыйских, хотя явно и не выступала против России, но втихую активно этим занималась. Король же целиком находился под их влиянием.

У Чарторыйских были свои планы, во многом разумные и справедливые. Они предполагали, например, изменив государственное устройство страны, вывести ее из состояния анархии и освободить от чрезмерного иностранного влияния. Но вожди партии допускали и серьезные просчеты, обрекавшие их планы на неудачу. Во-первых, Чарторыйские категорически отказывались признать за иноверцами какие бы то ни было политические права, будущая Польша представлялась им страной, в которой безраздельно господствует католическая шляхта, предводительствуемая сильным королем. Во-вторых, действовали они часто при помощи хитрости и лицемерия. Это была уже не политика, а политиканство, которое обычно до добра не доводит.

Сначала Чарторыйские хотели опереться на помощь России. Используя деньги и войска, присылаемые из Петербурга, они посадили на трон своего короля. Но в Петербурге преследовали свои цели и тратить деньги ради чужих интересов не собирались. Влияние России в Польше стало преобладающим. Теперь король начал искать поддержку у другой державы, возлагая надежды то на Пруссию, то на Австрию, то на Францию. Он рассчитывал создать противовес России, с тем чтобы, играя на противоречиях, добиваться собственных целей. В этом и заключалась его ошибка.

Дело в том, что внешнеполитические интересы России и Польши, в сущности, мало противоречили друг другу. В Петербурге добивались лишь одного - надежного, прочного мира на границе с Речью Посполитой. Учитывая международное положение России, это было настоятельной необходимостью. Но непрекращающиеся внутренние распри в Польше и интриги других держав вызвали постоянные трения и заставляли все активнее вмешиваться во внутренние дела этой страны, чтобы поддерживать дружественную партию, способную сдерживать антирусские поползновения. Правда, делалось это грубо, порой даже жестоко, вполне в духе политических нравов того времени.

Однако ничего большего Россия не желала. Даже предложение графа З.Г. Чернышева воспользоваться выборами короля, чтобы изменить границу, осталось без последствий. Если бы король и Чарторыйские, раз они пошли на сотрудничество с Россией, оставались верны этому союзу, то опасения Петербурга были бы развеяны и в числе своих сторонников они имели бы и Панина, и Репнина. Тогда Екатерине пришлось бы согласиться и на реформу государственного устройства Польши, и на многие другие меры, необходимые для

этой страны. Но король предпочел искать себе новых друзей.

В условиях начавшейся войны Панин вынужден был вмести в свою политику в Польше некоторые коррективы. Прежде он стремился, не считаясь с расходами, добиться в этой стране скорейшего успокоения. Теперь, когда все средства шли на подготовку армии, эта цель становилась труднодостижимой. Панин предложил изменить тактику, правда, проводить ее в жизнь пришлось уже не Репнину.

После объявления Турцией войны при петербургском дворе стали распространяться критические настроения. Говорили, что во всем виноваты граф Панин да князь Репнин, своими жесткими действиями в Польше доведшие дело до конфликта с Турцией. Особенно усердствовал князь М.Н. Волконский, упрекавший Панина, хотя и не прямо, намеками, даже на заседаниях Совета.

Чтобы успокоить критиков, императрица решила пожертвовать Репниным и отозвала его из Варшавы. По мнению С.М. Соловьева, этот шаг был ошибкой. В Польше был нужен именно такой человек, как князь Николай Васильевич, тем более что его отъезд противники расценили как признак колебаний и слабости России.

Сам Репнин, хотя давно уже просился на родину, был сильно расстроен тем, при каких обстоятельствах произошло его отозвание. Оно могло быть истолковано как выражение неодобрения и недоверия со стороны императрицы. Панин как мог старался успокоить и подбодрить посла. "Невозможно, мой друг, - писал он Репнину, - обращать все свое попечение на собственные наши выгоды ли неприятности, когда благо отечества требует всего Вашего усиления к его ограждению... С сопутником одних собственных достоинств дорога каждому стеснения, но тем благородной душе она ласкательнее. А где прямая служба отечества призывает, тут не должен быть слышен голос своих собственных нужд; не поставь, мой друг, в хвастовство и поверь чести моей, что таково было мое с братом моим правило во всю нашу жизнь... Находя всегда в вашей душе те же расположения, на них основана вся моя к вам сердечная любовь и преданность".

Инициатива, должно быть, во все времена приводила сходным последствием. Репнин был отозван и направлен в действующую армию, а на его место императрица определила самого непримиримого критика - Волконского. Задачи перед новым послом стояли в целом прежние, но акценты были смещены. Волконский должен был твердо добиваться одного - сохранения власти короля, единственного упорядочивающего начала в государстве. Что же касается конфедераций, постоянных распрей и столкновений между партиями и группировками магнатов, то им также следовало противодействовать, но по мере возможности. Чем больше польские феодалы были заняты выяснением взаимных претензий, тем меньше было шансов, что Польша окажется вовлеченной в войну и, следовательно, осложнит и без того непростые задачи, стоявшие перед Россией.

По сравнению с Репниным Волконский был человеком более мягким, уступчивым и надеялся ласковым обращением сделать то, чего не удалось добиться его предшественнику. Увы, надеждам этим не суждено было сбыться. Очень скоро он начал жаловаться Панину на лживость польских политиков и предлагал "успокоить Чарторыйских" и "пострадать короля". Но еще до того, как князь Волконский приступил к исполнению своих нелегких обязанностей, прогремели первые выстрелы новой войны.

В начале января 1769 года Крым-Гирей во главе 70-тысячной орды двинулся в направлении русской границы. Он собирался опустошить южные области России, а затем войти в Польшу и соединиться там с антиправительственными конфедератами. По выражению историка С.М. Соловьева, это было "последнее в нашей истории татарское нашествие". Другой историк, В.Д. Смирнов, добавлял, что это нашествие было не только последним, но и самым "затейливым".

Сжигая на своем пути села и увозя полон, крымцы подошли к Елизаветграду

(современный Кировоград). Город был укреплен плохо, и гарнизон его был невелик - меньше пяти тысяч человек. Но, услышав несколько орудийных выстрелов, грозный хан передумал штурмовать город и повернул в сторону Киева. Тут начались его злоключения. Зима выдалась на редкость снежная и морозная. Конница продвигалась вперед с великим трудом. Многие замерзли в пути. Некий польский шляхтич, взятый ханом в проводники, увидел, что дела плохи, и сбежал. Без проводника орда заблудилась в степи. Кончилось тем, что крымцы, оставив под снегом немало своих соратников, дошли до польских земель, устроили там такое же опустошение, что и в России, и вернулись в Каушаны, где была ханская ставка. Вскоре после этого похода Крым-Гирей умер, то ли отравленный турками, то ли вследствие излишеств, которым он предавался во время частых оргий.

Первое столкновение между русской и турецкой армиями произошло в апреле. Корпус князя А.М. Голицына переправился через Днестр, разбил высланный против него отряд и подошел к Хотину. Но, увидев, что взять крепость без правильной осады невозможно, Голицын вновь отошел за Днестр. Командующий наступательным корпусом действовал очень осторожно, чем вызвал сильное недовольство Екатерины. В июле он вновь подошел к Хотину и после непродолжительной осады опять отказался от штурма. Во время небольших стычек между русскими и турецкими отрядами русские всякий раз одерживали победу, но решительного перевеса над противником это не давало.

Императрица устала дожидаться громких побед и решила отозвать Голицына, заменив его П.А. Румянцевым, а командовать оборонительным корпусом назначила Петра Панина. Решение это было объявлено 13 августа, но, прежде чем покинуть армию, Голицын успел поправить свою репутацию. В конце месяца он дал крупное сражение турецкому корпусу, возглавляемому самим визирем, и обратил противника в бегство. Вслед за бегущим визирем оставил свои позиции и гарнизон Хотина. Крепость была занята без единого выстрела.

Петр Иванович Панин принял командование над 2-й, оборонительной армией в середине сентября. Под его началом оказалось 49 тысяч человек, включая 20 тысяч нерегулярного войска, при 197 орудиях. Его главная задача заключалась в овладении Бендерами - крепостью, имевшей важное стратегическое значение.

Первая попытка взятия Бендер, предпринятая осенью 1769 года, показала, что без серьезной продолжительной осады крепость захватить не удастся. В Бендерах находились многочисленный гарнизон и 400 орудий. Ввиду наступления холодов 2-я армия отошла на зимние квартиры. Но, несмотря на вынужденную приостановку военных действий, генерал Панин не терял времени даром. Он затеял переговоры с крымцами, убеждая их, что если они отпадут от Турции и станут независимыми, то военные действия против них будут прекращены. Если же они этого не сделают, то русские войска войдут в Крым и учинят там немалые разорения. Такого рода военная дипломатия оказалась очень полезной. Она посеяла в головах крымцев серьезные сомнения, что в конечном итоге и привело к отпадению Крыма от Порты.

Военная кампания 1770 года началась в мае. К этому времени в Добрудже сосредоточилось 200-тысячное турецкое войско во главе с великим визирем. На этот раз турки захватили главное свое оружие - знамя пророка. Считалось, что при его приближении гяуры обязательно обращаются в бегство, ибо, увидев знамя, они должны сразу ослепнуть. 25 мая корпус Румянцева выступил из Хотина и переправился через реку Прут. Те события, которые произошли в последующие месяцы, во многом определили ход войны и вписали в историю русского оружия одну из славнейших страниц.

4 июля 23-тысячный русский отряд под командованием Румянцева подошел к реке Ларге и обнаружил лагерь крымцев. На стороне неприятеля было явное численное превосходство. Как позднее выяснилось, крымцев было около 80

тысяч. Несмотря на это, Румянцев решил атаковать. Сражение было недолгим, но жарким. Исход дела решило умелое распределение сил. В самый острый момент Румянцев ввел в бой резервную колонну, которая и заставила противника бежать. Спустя три недели - новая победа, да такая, что после нее Румянцева можно было, не колеблясь, называть одним из лучших полководцев своего времени.

20 июля отряд из 17 тысяч русских подошел к основному лагерю противника возле реки Кагул. Здесь находилось около 150 тысяч, но уже не крымцев, а регулярного турецкого войска. Великий визирь, третий с начала войны, представить не мог, что горстка русских осмелится напасть на его армию. Румянцев думал иначе. Тактика, которую он избрал, была неожиданной и совершенно не укладывалась в каноны военной науки. На рассвете 21 июля русские, разделившись на пять небольших отрядов, двинулись к турецкому лагерю. Завидев наступающих, турки бросились в бой. Началась яростная схватка. Конница неприятеля окружила русские отряды. Дым от пушечного и ружейного огня был столь густым, что сражающиеся с трудом различали противника. Русские упорно шли вперед, но каждый новый шаг требовал все больших усилий. Многократное численное превосходство неприятеля давало о себе знать. И в ту минуту, когда строй русских, казалось, дрогнул, перед ними выросла фигура генерала Румянцева. "Ребята, стой!" - крикнул он и с обнаженной шпагой пошел на врага. Увидев впереди своего командира, гренадеры двинулись вслед за ним. Этого натиска неприятель не выдержал. В турецком лагере началась паника. Янычары, бросая оружие, обратились в бегство. Когда отряды Румянцева вошли в лагерь, то обнаружили там 140 орудий и все богатства визиря.

После Ларги и Кагула воинская удача окончательно отвернулась от турок. 26 июля Репнин взял Измаил и затем Киликюю. Русской армии сдались Аккерман и Браилов. В начале осени пришли известия о новых победах.

Еще в 1769 году по инициативе Алексея Орлова в Средиземное море были отправлены три русские эскадры. Одновременно сам Орлов, якобы для поправки здоровья, приехал в Италию, где начал готовить антитурецкое восстание среди жителей Балканского полуострова и Мореи. Орлову сопутствовала удача. Как только адмирал Г.А. Спиридов высадил десант в Морею, местное греческое население поднялось против турок. 26 июня произошло знаменитое Чесменское сражение. Турецкий флот был полностью уничтожен. Екатерина была очень довольна успехами своих полководцев и щедро их одаривала. Единственным военачальником, на которого милости распространялись скупой, оказался Петр Иванович Панин.

2-я армия, находившаяся под его командованием, должна была в кампанию 1770 года овладеть Бендерами. В отличие от Румянцева, генерал Панин был лишен дара принимать смелые и оригинальные решения, ошеломлять противника дерзкой и стремительной атакой. Однако он был знающим и опытным полководцем, действовавшим хотя и неторопливо, но основательно. Из Петербурга от него требовали скорейшего взятия крепости, Панин же медлил, не желая рисковать. Бендеры были хорошо укреплены, их гарнизон многочислен, в то время как у Панина едва хватало войск, чтобы держать правильную осаду. Только в середине сентября, все подготовив и обдумав, Панин решился на штурм.

15 сентября под стены города была подведена огромная мина, заряженная 400 пудами пороха. В 10 часов вечера прогремел взрыв. Стена рухнула, и войска двинулись на штурм. Бой был тяжелым и долгим. Турки защищались отчаянно. Видя, что русских не остановить, они начали поджигать дома. Весь город был охвачен пожаром. Лишь утром 16 сентября остатки гарнизона сдались победителю. Бендеры были взяты.

С точки зрения военной науки генерал Панин действовал правильно и

добился очень многого. К началу осады в городе было под ружьем 30 тысяч человек, осаждавших же - только 25 тысяч. Но, даже несмотря на численное превосходство противника, Панин одержал победу, взяв одну из сильнейших турецких крепостей. Однако Екатерина, когда узнала об этом успехе, отреагировала очень сдержанно, послав Петру Панину только орден св. Георгия первой степени и весьма сухой поздравительный рескрипт. С одной стороны, она была недовольна медлительностью командующего 2-й армией. С другой стороны, императрице хотелось особо выделить воинскую доблесть Алексея Орлова, и поэтому она старалась сделать так, чтобы никто, за исключением разве что Румянцева, не мог с ним в этом отношении соперничать.

Генерал Панин обиделся. Его заслуги и старания не были оценены. Лично ему эта военная кампания стоила огромных сил. Панин уже несколько лет страдал сильными "подагрическими припадками", в то время как командование армией вынуждало его по двенадцать часов в сутки проводить в седле. В довершение ко всему императрица оставила без внимания просьбу Панина о награждении его подчиненных. Тут генерал обиделся уже не только за себя, но и за своих соратников. Он попросил отставки и был отпущен.

Оказавшись не у дел, Петр Панин поселился в Москве. Первопрестольная всегда находилась в оппозиции Петербургу, а в лице Панина эта оппозиция приобрела влиятельного сторонника. Генерал и прежде предпочитал говорить то, что думал, теперь же его прямота, помноженная на обиду, привела к печальным последствиям. О том, что происходило в стране, Панин высказывался весьма критически. В Москве его уважали, в армии любили, поэтому его мнения быстро получали огласку. Доходили они и до Екатерины, разумеется, в искаженном виде. Вскоре на Панина стали поступать и доносы. Утверждали, например, что организатором народного бунта в Москве во время чумы якобы был не кто иной, как Петр Панин. Кончилось все тем, что Екатерина назвала его "дерзким болтуном", "себе персональным оскорбителем" и приказала московскому главнокомандующему учредить за ним тайный надзор. Естественно, вся эта история не могла не отразиться и на положении Никиты Панина. Так в отношении между императрицей и ее "министром иностранных дел" появилась трещина, которая со временем лишь углублялась.

Хотя пушки во всю палили, дипломаты тоже не сидели сложа руки. В 1771 году удалось решить очень важную задачу - овладеть Крымом, и сделано это было за счет дипломатических усилий в не меньшей степени, чем военных.

Благодаря переговорам, начатым еще генералом Петром Паниным, в Крыму образовалась сильная прорусская партия, склонявшаяся к отпадению от Порты. Ее усилиями дело было доведено до того, что хан Каплан-Гирей тайно послал гяурам письмо, предлагая вступить в союз. Довести до конца этот дипломатический маневр он, впрочем, не сумел, так как был смещен. Назначенный его преемником Селим-Гирей III воевать не торопился и вообще в Крыму долго не появлялся. Когда же, наконец, он осчастливил подданных своим присутствием, организовывать оборону было уже поздно.

Перекоп сдался русским без боя, его защитники сами открыли ворота крепости. Хан бежал и после недолгих метаний по Крыму уплыл в Константинополь. Русские практически беспрепятственно занимали одну крепость за другой. Турецкий сераскер Ибрагим-паша попал в плен и был отправлен в Петербург.

В Константинополе о мире стали задумываться уже после Ларги и Кагула. В 1770 году под впечатлением понесенных поражений Турция обратилась к Пруссии и Австрии с просьбой о посредничестве в мирных переговорах. Те с удовольствием согласились, но в Петербурге к этой идее отнеслись скептически и, отклонив медиацию, иначе говоря, посредничество, соглашались только на "добрые офици", то есть добрые услуги. Как разъяснил на заседании Совета

Никита Панин, при медиации посредник имеет "полную власть" в распоряжении притязаний воюющих сторон, в то время как при добрых услугах его советы "по обстоятельствам приняты и отвержены быть могут". В Петербурге от "услуг" Пруссии и Австрии ничего доброго не ждали, и не без оснований. Фридрих II, конечно, был заинтересован в прекращении войны, но по-своему. Во-первых, король все еще боялся, что русско-турецкий конфликт может перерасти в общеевропейскую войну. Кошмарные воспоминания времен Семилетней войны не давали ему спать по ночам. Во-вторых, Пруссия по договору выплачивала России ежегодную военную субсидию - 400 тысяч рублей. Даже для Российской империи эта сумма была заметной - составляла больше двух процентов государственного бюджета. Для маленькой Пруссии же такие расходы были довольно обременительны. Фридрих II поэтому усиленно интриговал, пытаясь убедить Петербург в том, что требования в отношении Турции необходимо смягчить.

Австрия также была заинтересована в окончании войны. Венских политиков очень беспокоило усиление России. Чтобы этого не допустить, австрийцы могли затеять любую авантюру. В июле 1771 года они тайно заключили с Турцией договор, по которому обязались "путем переговоров или силой оружия" добиваться, чтобы Россия вернула Порте все захваченные территории. В обмен Турция согласилась уступить Австрии часть Валахии и выплатить солидную субсидию. Наследник престола император Иосиф II порывался, действительно, начать против России войну, но престарелая императрица-королева Мария Терезия уже устала воевать и воинственного пыла своего сына не одобряла. Князь Кауниц тоже предпочитал действовать осторожнее и занимался главным образом тем, что убеждал русского посла в Вене в необходимости отказаться от каких бы то ни было территориальных приобретений за счет Турции, ограничившись лишь денежной компенсацией.

Условия, на которых Россия соглашалась заключить мир, были довольно умеренными. Для себя Россия требовала лишь Азов и территорию Большой и Малой Кабарды. Население этих земель уже давно тяготело к России, и местные правители не раз обращались к русским царям с просьбой о защите от турок или персов. В Петербурге считали целесообразным потребовать также от Турции независимости Молдавии и Валахии, возвращения грузинским царям, воевавшим на стороне России, их земель свободы судоходства по Черному морю и т.д. По всем этим вопросам путем взаимных уступок вполне можно было договориться. Единственное требование, в котором Россия не намерена была уступать, заключалось в предоставлении независимости Крымскому ханству.

Урегулирование конфликта с Турцией на таких условиях было делом времени. В превосходстве русского оружия сомневаться не приходилось. Однако, несмотря на тяготы, которые в результате войны несли обе стороны, противоборство, пусть и не слишком активное, могло продолжаться еще довольно долго. Между тем для России смысла в затягивании войны не было. Предпосылки для достижения целей, поставленных в начале войны, уже сложились. В Петербурге поэтому хотели покончить с войной как можно скорее. Добиться этого оказалось, однако, непросто. Поводом для начала войны послужили волнения в Польше. События складывались так, что польские дела оказались тесно переплетены с делами турецкими, и решать их в отдельности было невозможно. Поэтому для удачного завершения войны требовались усилия не только военные, но в не меньшей степени и дипломатические. Еще в 1769 году, вскоре после начала русско-турецкой войны, австрийские войска заняли небольшую часть приграничной польской территории. В Вене объяснили, что эти земли якобы триста лет назад были переданы Польше в залог и, имея в виду их возвращение, Австрия хочет предохранить их от разорения. Объяснение было сочтено убедительным, и событие это осталось без последствий.

В августе 1769 года в Силезии произошла встреча Фридриха II с Иосифом

II. Спустя год оба монарха встретились снова. Вслед за этим австрийцы неожиданно заняли еще ряд польских округов, теперь уже без каких-либо вразумительных объяснений. Тогда же в Петербург приехал принц Генрих, брат Фридриха II. Принц произвел не самое выгодное впечатление - в Петербурге о нем рассказывали множество анекдотов. Однако принц сумел подготовить почву для важного предприятия, и, как только он вернулся в Потсдам, прусский посланник в Петербурге Сольмс получил от своего короля новое указание. Фридрих II писал, что, коль скоро Австрия уже нарушила целостность польской республики, России и Пруссии есть смысл последовать этому примеру. Сольмс должен был передать это предложение петербургским политикам.

Идея раздела Польши соседними державами не была новой. Еще со времен Петра Великого германские государства время от времени пытались выяснить отношение России к такому предприятию. Однако в Петербурге давали в лучшем случае уклончивый ответ. Теперь Фридрих II попытался вновь реализовать давнюю прусскую мечту, и, как оказалось, момент был выбран удачно.

Историки много спорили о том, как в Петербурге было принято решение об участии в разделе и какую позицию занимал в этом вопросе Панин. Многие утверждали, что Никита Иванович всегда был против раздела и вынужден был смириться с ним под давлением императрицы и большинства членов Государственного совета. Н.Д. Чечулин, один из авторитетнейших специалистов по истории России XVIII века, напротив, полагал, что Панин не имел ничего против раздела. Что же касается многочисленных критических высказываний графа по этому вопросу в беседах с Сольмсом, то они, по мнению Н.Д. Чечулина, объясняется тем, что Панин попросту водил прусского посла за нос, стараясь раздражить Фридриха II и выведать его истинные намерения.

Беда в том, что дошедшие до нас документы не позволяют однозначно ответить на вопрос, как и почему было принято это решение, сыгравшее столь важную роль в истории и Польши, и России. Исследователям по необходимости приходится прибегать к догадкам и шатким предположениям. Единственный достоверный документ, отчасти проливающий свет на этот вопрос, - это протокол заседания Совета, того заседания, на котором впервые был поставлен вопрос об участии России в разделе Польши.

Произошло это 16 мая 1771 года. В начале заседания в присутствии императрицы Панин зачитал несколько депеш, относящихся до переговоров с Турцией и положения Крыма. Затем Екатерина "изволила выдти из Совета", и тут произошло следующее. "Действительный тайный советник граф Панин открыл оному, что по случаю известного уже предъявленного венским двором на польские смежные с Венгрией староства права и действительного их захвачения, король прусский отозвался здешнему двору в доверенности, что он не намерен быть спокойным зрителем такого соседом его польских земель завладения".

Изложив далее предложение Фридриха II, Панин продолжал: "Сие представляет... такой случай, о котором всегда помышляли для исполнения всеми желаемого; что находим мы теперь удобность в ограничении себя от Польши реками; что хотя Россия и не имеет никакого права на Польскую Лифляндию, однако намерен он (Панин. - Авт.) вывести права на оставленные в Польше десять заднепровских полков и требовать возвращения, а особливо, что Польша не исполнила своего за получение оных обещания; что негоцируя о сем и согласись на всегдашнюю уступку присвоенных австрийцами и некоторых из требуемых королем прусских польских земель, исключая Гданьск, можем мы получить Польскую Лифляндию и желаемое ограничение, а Польше отдать, в замену отбираемых у нее земель, княжества Молдавское и Волоское; что интересовав сим образом венский и берлинский дворы, скорее можно будет заключить предполагаемый ныне мир с турками и успокоить польские замешательства, и что если Совет на все сие согласен, будет он над тем

трудиться... На что и согласились".

Этот протокол заседания Совета проливает свет на многое. Во-первых, очевидно, что вопрос об участии в разделе был решен между Екатериной и Паниным заранее, до его постановки на Совете. Никита Иванович "открыл" членам Совета предложение прусского короля. Следовательно, прежде по крайней мере большинство из них об этом не знало. Панин не только сообщил идею Фридриха II, но и обосновал необходимость ее принятия, то есть предложил готовое решение. Екатерина же демонстративно покинула заседание, тем самым давая понять, что иных мнений она слушать не желает. Члены Совета, прекрасно понимая, что к чему, единодушно согласились с Паниным, не высказав ни одного замечания, хотя вопрос имел первостепенное значение. Надо сказать, что обыкновенно даже менее важные вопросы обсуждались на Совете довольно активно и в целом этот орган вполне оправдывал свое существование. Почему же Панин согласился на раздел, более того, сам предложил этот шаг на заседании?

Прежде всего, к такому решению подводил анализ внешнеполитической ситуации. Согласившись на раздел, Россия извлекла бы для себя существенную политическую и экономическую выгоду. Однако давление на Панина со стороны Екатерины, по-видимому, все же было. Императрицу, в свою очередь, настраивал граф З.Г. Чернышев, автор проекта проведения границ по рекам, пользовавшийся в ту пору при дворе большим влиянием. В результате то решение, которое предложил на Совете Панин, было своего рода компромиссом.

Никита Иванович считал необходимым сохранить сильную Польшу. В то же время он никогда не возражал против "всеми желаемого" - небольших территориальных приобретений для проведения границы по рекам. Ибо одно дело изменить только русско-польскую границу и совсем другое - совместно с Австрией и Пруссией принять участие в существенном урезании соседнего государства. Именно поэтому Панин предложил компенсировать отнимаемые территории за счет Молдавии и Валахии. Кроме него, эту идею никто не высказывал, и позднее под давлением обстоятельств от нее пришлось отказаться. Кстати сказать, утверждая, что Россия "не имеет никакого права на Польскую Лифляндию", Панин ошибался. Как заметил Н.Д. Чечулин, здесь сказало "незнание древней истории России, вполне понятное в XVIII в."

Вопрос о целесообразности ослабления Польши еще долго беспокоил Панина. Позднее в одной из депеш русскому послу в Варшаве он писал: "Имея таким образом в виду округление границ соседней Польши, нельзя, однако, сомневаться, что и после этого эта республика может еще существовать на положении значительной державы и что части, которые будут от нее отделены, ничего, конечно, не потеряют от того, что не будут более под такой державою, которая в настоящее время представляет собой лишь хаос и беспорядок". Похоже, что этими словами Никита Иванович хотел убедить не столько посла, сколько самого себя. Беспокоила Панина и этическая сторона раздела. Даже на Совете он заговорил о правах России на польские земли. Любопытно, что конфедератам такие сомнения были совершенно чужды. В начале войны они заключили с Турцией союзный договор для совместной борьбы с Россией. По договору конфедераты, в частности, "уступали" туркам Киев, а себе облюбовали территории, включавшие Смоленск, Стародуб и Чернигов.

В любом случае участие в разделе Польши для России и лично для Панина было вынужденным шагом. Если бы Россия стала противодействовать планам германских государств, пытаясь не допустить раздела, это привело бы к существенному ухудшению ее внешнеполитического положения. Был бы нанесен урон союзническим отношениям с Пруссией, в то время как Австрия с удвоенной энергией стала бы противодействовать русским интересам на Востоке. Если бы в Петербурге остались безучастны к разделу, это также привело бы к негативным последствиям. Произошло бы усиление германских государств, захватывающих

польские земли, и, как следствие таких совместных действий, сближение между ними. Все это интересам России никак не соответствовало, и к достижению собственных целей русская дипломатия, таким образом, ничуть не приблизилась бы.

Соглашаясь на раздел, Россия получала тройной выигрыш. Во-первых, безопасную границу с Польшей. Во-вторых, как сказал на Совете Панин, успокоение "польского замешательства" и соответственно возможность вывести, наконец, из этой страны свои войска. И, в-третьих, нейтрализацию Австрии в вопросе о русско-турецкой войне. Но, для того чтобы решить эту третью задачу, необходимо было провести очень тонкую дипломатическую работу. Фридрих II предлагал попросту ухватить то, что плохо лежит. Панину же надо было сделать так, чтобы действия России, Пруссии и Австрии оказались взаимосвязаны, причем согласие Петербурга на раздел было бы обусловлено изменением австрийской политики в турецком вопросе.

Главное препятствие заключалось в позиции Вены. Австрийцы только что подписали договор с Турцией. За счет Польши они тоже успели поживиться и могли повторить удачный опыт, тогда как переговоры о каком-то тройственном соглашении о разделе были делом долгим, а успех их сомнительным. С точки зрения Кауница, синица в руках представлялась приобретением более предпочтительным, чем журавль в небе. Вену надо было заставить отказаться от этого заблуждения. Но австрийский министр был политиком ловким, и, чтобы провести его, Никите Ивановичу необходимо было проявить большую изобретательность.

Первые попытки договориться с Австрией результата не дали. Осторожные намеки Панина австрийский министр предпочитал не понимать и упорно настаивал на том, что русские условия мира с Турцией нереальны. Тогда Панин ускорил переговоры с Пруссией. Фридриху II очень хотелось прибрать к рукам польские земли, причем аппетиты его были так велики, что их приходилось умерять. Много споров, в частности, вызвал вопрос о Гданьске, который Панин категорически отказывался отдать королю. Впрочем, Панин хорошо знал характер Фридриха и умел пользоваться его слабостями. Никита Иванович то активно обсуждал с Сольмсом детали будущего соглашения, то вдруг выказывал полное равнодушие к этому вопросу. Король нервничал, пугался, что в Петербурге передумают, и шел на уступки.

Когда, наконец, детали конвенции были согласованы, Панин отправил в Вену письмо, в котором открыто сообщал о планах России и Пруссии и предлагал австрийскому двору присоединиться к этому предприятию. Одновременно в Вену было послано еще одно письмо от имени Екатерины. В нем ясно давалось понять, что от своих требований в отношении Турции Россия не откажется.

Получив такие послания, Кауниц растерялся. С одной стороны, он обязался помогать Турции против России, причем Австрия уже успела получить первую порцию турецких субсидий. С другой стороны, русское предложение было уж очень заманчивым. К тому же существовала опасность, что в случае отказа венского двора Пруссия и Россия осуществят раздел попросту без его участия, Кауниц мучился недолго. Он был весьма гибким дипломатом, и повернуть внешнюю политику Австрии с одного направления на противоположное ему ничего не стоило. За считанные дни он убедил Марию Терезию не ратифицировать договор с Турцией и согласиться на участие в совместном разделе. Вернуть Порте полученные от нее деньги, естественно, забыли.

Письмо Панина было отправлено в Вену 5 декабря 1771 года. Уже 17 января Кауниц пригласил к себе русского посла Голицына и, беседуя с ним, подчеркнуто любезно сообщил, что он не только согласен участвовать в польских делах, но и полагает возможным "отобрать еще земли у кого другого, имеющего в ней излишек". На вопрос удивленного Голицына, имеется ли в виду

Турция, князь ответил утвердительно.

Заручившись принципиальным согласием Кауница, Панин применил еще одну маленькую хитрость. Конвенция по польскому вопросу между Россией и Пруссией была подписана 6 февраля 1772 года и ратифицирована 4 марта. Панин предложил проставить другие даты: подписание - 4 января и ратификация - 4 февраля. Благодаря этому в начавшихся переговорах с австрийцами на конвенцию можно было сослаться как на свершившийся факт и, соответственно, лишить их возможности предлагать изменения в ее содержание. Хитрость эта оказалась очень к месту, потому что, как только началось обсуждение деталей соглашения, Фридрих II и Кауниц немедленно сцепились из-за размеров захватываемых территорий, и Панину приходилось постоянно призывать своих партнеров к сдержанности.

Пока соседи Польши решали судьбу этого государства, в русско-турецких отношениях происходили важные сдвиги. В марте 1772 года, перед новой военной кампанией, великий визирь предложил начать мирные переговоры. В мае было заключено перемирие, так что военные действия в 1772 году фактически не велись. Переговоры было решено вести в местечке Фокшаны, близ Бухареста. В сложившихся условиях предложение визиря открывало реальный шанс для заключения мира. С прекращением войны следовало торопиться еще и потому, что внутривосточное положение страны вызывало все большую тревогу. Война стоила России уже примерно 30 миллионов рублей. Государственная казна с такими расходами справлялась с большим трудом. Постоянные рекрутские наборы вызывали сильное недовольство населения. В начале 1772 года в Петербург стали поступать сообщения о бунтах среди яицких казаков. Затем волнения начались на Дону и Волге. С миром следовало торопиться, но вновь возникли неожиданные препятствия, на этот раз в самом Петербурге.

Еще в 1770 году Григорий Орлов предложил радикальное средство решения турецкого вопроса - поход на Константинополь. Румянцев, когда узнал об этой идее, отнесся к ней без энтузиазма. По его мнению, имеющихся у России сил для такой операции явно не хватало. Вся эта затея определенно пахла авантюрой. Тем не менее проект столь блистательного предприятия не давал императрице покоя. Она даже поделилась своими планами с Вольтером. Если бы братьям Орловым, а именно они должны были возглавить поход, удалось изгнать неверных из Царьграда, Екатерине были бы гарантированы слава и восхищение всей Европы. Привело это к тому, что внешняя политика петербургского двора как бы раздвоилась. Панин и Румянцев готовились в Фокшанах к серьезным переговорам, чтобы заключить мир с Турцией. Екатерина и ее единомышленники рассматривали переговоры всего лишь как повод для отсрочки военных действий, необходимой для подготовки похода на Константинополь.

Незадолго до начала Фокшанского конгресса турки освободили А.М. Обрескова. Возвращение русского посла в Петербурге считали обязательным условием любых переговоров о мире. Обресков, прослуживший в Константинополе почти тридцать лет, прекрасно знал эту страну, нравы ее правителей и свободно владел турецким языком. Лучше него с переговорами в Фокшанах не справился бы никто. Однако Екатерина, видимо, опасаясь, как бы деятельность Обрескова не оказалась слишком успешной, назначила его лишь вторым уполномоченным на конгресс. А в качестве первого, к величайшей досаде Панина, определила Григория Орлова.

По мнению императрицы, ее избранник был вполне подготовлен к столь ответственной миссии. "Мои ангелы мира, думаю, находятся теперь лицом к лицу с этими дрянными турецкими бородачами, - писала она в одном из писем. - Гр. Орлов, который, без преувеличения, самый красивый человек своего времени, должен казаться действительно ангелом перед этим мужичьем; у него свита блестящая и отборная, и мой посол не презирает великолепия и блеска. Я

готова, однако, биться об заклад, что он наружностью своей уничтожает всех окружающих". Увы, красивому Орлову уничтожить никого не удалось. Более того, его назначение фактически и предопределило неудачу переговоров.

Граф Григорий начал с того, что нарушил полученные в Петербурге инструкции и не предъявил туркам первоначальных жестких требований. В результате константинопольские дипломаты осмелели и стали менее уступчивы. Потом Орлов, опять же в нарушение инструкций, взялся за обсуждение самого сложного вопроса - о независимости Крыма. После долгих препирательств турецкий уполномоченный Осман-эфенди пошел на очень важную уступку. Он предложил такое решение: "Султан, соглашаясь на свободу татарскую, сохраняет право апробовать, или, лучше сказать, признавать избрание каждого нового хана, без власти препятствовать его избранию и не свергать его когда он единожды избран". Это был компромисс, на который можно было соглашаться. Обресков предложил немедленно сообщить о заявлении Османа в Петербург, однако его напарник отказался это сделать.

Переговоры зашли в тупик. При умелом подходе дело быть может, удалось бы еще поправить, но Орлову стало уже не до дипломатии.

Из донесения графа Сольмса королю Фридриху II

Поручик конно-гвардии Васильчиков, которого случай привел этой весной в Царское Село, где он должен был командовать маленьким отрядом, содержащим караул во время пребывания там двора, обратил на себя внимание своей Государыни; предвидеть это никто не мог, так как это человек наружности не представительной, никогда не искал быть замеченным и мало известен в свете...

Уменьшение благосклонности к графу Орлову началось незаметно, со времени его отъезда на конгресс. Императрица, размыслив о холодности, оказываемой им к Ее Особе в течение последних лет, о той поспешности, лично ее оскорбляющей, с которой он недавно уехал отсюда - наконец, открыв многие случаи неверности, по поводу которых он вовсе не стеснялся, - ввиду всех этих обстоятельств, взятых вместе, Императрица сочла его за человека недостойного Ее милости.

Когда слухи о столь важном событии дошли до Фокшан, "самый красивый человек своего времени" бросил все и ускакал в Петербург, еще надеясь вернуть утраченное. После этого отправились домой и турецкие послы. Конгресс окончился провалом.

К этому времени произошло два важных внешнеполитических события. 25 июля между Россией, Австрией и Пруссией была подписана конвенция о разделе Речи Посполитой. По оценке историка Н. Д. Чечулина, "Австрия получила самую населенную часть, Пруссия самую доходную для нее". Приобретения России были самыми обширными - около 93 тыс. кв. км (по сравнению с 83 тысячами кв. км, отошедшими к Австрии, и 36 тысячами кв. км - к Пруссии). Правда, к России отошли земли Великого княжества Литовского - Восточная Белоруссия и часть Ливонии, в то время как другие участники раздела захватывали земли собственно Польши.

Польский король Станислав Август заявил протест по поводу раздела и обратился за помощью к Франции и Англии, но безуспешно. В Париже на заседании королевского совета решили, что, во-первых, история Польши неизбежно должна была привести к подобному итогу и, во-вторых, что участники раздела наверняка скоро покорятся и начнут между собой войну. В Лондоне на письмо польского короля просто не ответили.

Второе событие было довольно неприятным. Русская дипломатия, занятая польскими и турецкими делами, ослабила внимание к Швеции, да и денег на поддержку прорусской партии в Стокгольме не хватало. Этим воспользовались французы. При их поддержке молодой шведский король Густав III осуществил в

августе 1772 года военный переворот. По его указанию риксдаг принял новую конституцию, существенно усиливавшую власть короля. В Петербурге опасались, как бы Франция не подтолкнула Густава III еще на один подвиг - войну против России. Но король сам боялся русского нападения и потому вел себя смирно. В Петербурге в этом убедились, но не в Константинополе.

После прекращения Фокшанского конгресса стороны договорились возобновить переговоры, на этот раз в Бухаресте. Со стороны России уполномоченным на новом конгрессе был только Обресков. Его прежнего напарника, Орлова, императрица временно отлучила и от ложа, и от политики. Это обстоятельство, естественно, задачу Обрескова облегчало. Однако события на Севере круто изменили позицию турецкой дипломатии. В Константинополе ждали, что Швеция со дня на день объявит войну России, и с поисками компромиссов не торопились. В ходе долгих и тяжелых переговоров Обрескову удалось выработать и частично согласовать проект мирного договора. Но в наиболее важных вопросах турки теперь не уступали, более того, отказывались даже от тех уступок, которые были сделаны в Фокшанах. Порта рассчитывала, что на этот раз русским придется быть сговорчивее. До нее доходили слухи об усиливающихся волнениях на Яике и на Дону.

В сентябре 1773 года к Яицкому городку подошел отряд казаков. Они осадили крепость, но взять ее не смогли и двинулись вверх по Яику. В начале октября значительно возросший отряд был уже в окрестностях Оренбурга. 15 октября в Совете был зачитан рапорт оренбургского губернатора, который доносил о "возмущении", производимом беглым донским казаком Пугачевым, принявшим имя Петра III. Совет теперь заседал часто. Панин настаивал на уступках Порте, лишь бы скорее заключить мир. Екатерина требовала от Румянцева, чтобы он перешел Дунай и нанес туркам решительное поражение. Фельдмаршал в ответ писал, что для серьезного дела у него нет войск. Братья Орловы продолжали носиться с идеей константинопольского похода.

В мае 1773 года Румянцев, уступив требованиям Петербурга, перешел на правый берег Дуная. Русские войска осадили Силистрию и подвергли город сильному артиллерийскому обстрелу. В июне отряд под командованием генерала Вейсмана столкнулся с главными силами турок, двигавшимися на выручку Силистрии. Русские не знали, что перед ними вся армия неприятеля, и начали бой. Турки отступили. Однако в конце июня Румянцев, учитывая истощение сил своей армии, вернулся на левый берег Дуная.

Восстание на Волге и Яике тем временем усиливалось, охватывая все новые районы. В ноябре 1773 года повстанцы наголову разбили отряд генерал-майора Кара, шедший на помощь Оренбургу. Солдаты правительственных войск все чаще переходили на сторону Пугачева. В декабре из Польши был спешно отозван престарелый генерал Д.И. Бибиков. Ему было поручено командование войсками, сражавшимися с отрядами Пугачева. Поначалу дела у Бибикова пошли успешно. Восставшие были отбиты от Оренбурга и потерпели ряд поражений. Но в апреле генерал умер, и повстанцы снова перешли в наступление. Пугачев решил повернуть на запад. В Москве началась паника. Тут уже и в Петербурге поняли, что дела принимают серьезный оборот. Впрочем, при дворе и без того было неспокойно. Произошло важное "событие" - очередная смена фаворита. Васильчиков был отставлен, и его место занял новый любимец - Григорий Александрович Потемкин.

Поначалу петербургские царедворцы, в том числе и Панин, смотрели на нового фаворита доброжелательно. Он производил впечатление человека дельного, достаточно сметливого и энергичного, чтобы окончательно лишить кредита братьев Орловых, изрядно всем надоевших. В отличие от своего непосредственного предместника, Потемкин был неглуп, имел собственные суждения по политическим вопросам и уже пытался внушать их императрице. С

Паниным его отношении на первых порах складывались вполне благополучно. Потемкин старательно ухаживал за Никитой Ивановичем и поддерживал его предложения, должно быть, рассчитывая таким путем заручиться дружбой великого князя. Но скоро новый фаворит начал показывать когти. Первым, кого ему удаюсь отеснить от престола, очернив в глазах императрицы, стал граф Захар Чернышев, президент Военной коллегии. На очереди был Панин.

Политический темперамент нового фаворита Екатерине очень нравился, и она ввела Потемкина в Совет. Теперь в этом российском ареопаге среди убеленных сединами и умудренных опытом государственных мужей заседали уже два человека, единственная заслуга которых заключалась в том, что они были любезны сердцу коронованной дамы, председательствовавшей на заседаниях. К тому же оба фаворита - прежний, Орлов, и новый, Потемкин, - постоянно ссорились, что, конечно, не способствовало основательному обсуждению государственных дел. А дела шла скверно.

Утром 21 июля Совет собрался на очередное заседание. От московского главнокомандующего князя Волконского была получена реляция - Казань разорена бунтовщиками, губернатор со своей командой заперся в городском Кремле. Начали обсуждать создавшееся положение. В одном из своих писем Панин подробно рассказывает, как это происходило.

Екатерина казалась "крайне пораженной" этим известием и "объявила свое намерение оставить здешнюю столицу и самой ехать для спасения Москвы и внутренности Империи, требуя и настоя с великим жаром, чтобы каждый из нас сказал ей о том свое мнение. Безмолвие между нами было великое. Я оное выдерживал и для того одного, что при всяком оттуда известии я всегда сказывал, что дело сие бедственное, и что не одними вооруженными руками оное поражено быть может, а надобен человек с головою: но как я тут увидел до самой крайности безмолвное духов порабощение, а к тому ж и Государыня ко мне одному обратилась и с большим вынуждением требовала, чтобы я ей сказал, хорошо или дурно она сие сделает, мой ответ был, что не только не хорошо, но и бедственно в рассуждении целостности всей Империи".

Панина поддержал вице-канцлер, в пользу императрицы высказался Потемкин. Прежний фаворит "с презрительной индифферентностью все слушал, ничего не говорил и извинялся, что он не очень здоров, худо спал и для того никаких идей не имеет". Разумовский и Голицын хранили молчание. "Скаредный Чернышев трепетал между фаворитами, полслова раза два вымолвил, что самой ей ехать вредно, и спешил записывать только имена тех полков, которым к Москве маршировать вновь повелено". В то время как "дураку Вяземскому" полюбилось начинание казанских дворян, организовавших свое ополчение, и он предлагал то же самое учинить в Москве.

По поводу Вяземского необходимо сделать оговорку. Не только Панин, но и многие другие современники считали генерал-прокурора человеком ограниченным. Такое мнение нередко встречается и в исторической литературе. Были, однако, и иные суждения. Князь М.М. Щербатов, например, писал, что Вяземский был вовсе не прост и, притворившись глупым, "искуснейший способ для лыщения употребил". Генерал-прокурор сумел внушить императрице, что все делает "едиными ее наставлениями", причем "по силе премудрости ее не только равнял, но и превозвышал над божией, а сим самым учинился властитель над нею". Но вернемся к заседанию Совета.

После такого плодотворного обсуждения заседание постановило, как сказано в его протоколе, послать в Москву дополнительные войска, "возбудить" московское дворянство последовать примеру казанского и "отправить в Казань знаменитую особу с такой же полной мочью, какую имел покойный генерал Бибииков". Кого конкретно назначить вместо Бибиикова, Совет так и не решил.

Панин сильно разволновался и после заседания "взял нового фаворита" и

предложил ему передать Екатерине следующее: учитывая критическую ситуацию, в которой находится империя, он готов "ответствовать" за своего брата, генерала Петра Панина, который "при всей своей дряхлости" несомненно согласится выступить против Пугачева, даже если бы его пришлось "на носилках нести".

Через некоторое время Никита Иванович отправился к самой императрице. "Государыня, - писал он брату, - будучи весьма растрогана сим моим поступком, божилась предо мною, что она никогда не умаляла своей к тебе доверенности, что она совершенно уверена, что никто лучше тебя отечество не спасет, что она с прискорбием тебя от службы отпустила, что она не отважилась тебя призвать к настоящему делу по тому одному, что ты уже вышел из службы".

Говоря все это, Екатерина лицемерила. Более того, того действительные чувства императрицы проявились достаточно явственно. Петр Панин, например, просил, чтобы ему как командующему войсками, действующими против восставших, был дан контроль не только над воинскими отрядами, но и над гражданскими и судебными властями в районах, охваченных бунтом. Для профессионального военного эта просьба была вполне естественна. В условиях боевых действий, да еще на столь обширной территории, единоначалие было неременным условием успеха. Екатерина же отреагировала на эту просьбу едва не истерически.

"Господин граф Панин, - писала она Потемкину, - из братца своего изволит делать властителя с беспредельной властью в лучшей части империи, то есть Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губернии, а *sous-entendu* есть и прочия; что если сие я подпишу, то не токмо князь Волконский будет и огорчен и смешон, но я сама ни милейше не сбережена, но пред сем светом первого враля и мне персонально оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всех смертных в империи хвалю и возвышаю. Вот вам книга в руки: изволь читать признавай, что гордые затеи сих людей всех прочих выше"

Екатерина обманывала не только Потемкина, но и саму себя. Генералу Бибикову в свое время были даны те полномочия, которых просил Панин. Однако "беспредельной властью" это никто не называл. Потемкин, в отличие от своей покровительницы, оценил положение вполне здраво и за Панина заступился. К тому же у императрицы, в сущности, не было другого выхода. Все более или менее способные военачальники находились в действующей армии. Петр Панин оставался единственным боевым генералом, которого можно было использовать для борьбы с Пугачевым. Петербургские полководцы - Чернышев, Орловы, Потемкин - предпочитали "спасать отечество" на заседаниях Совета и в оренбургские степи почему-то не просились.

Так или иначе, генералу Панину было поручено идти на Пугачева. Самолюбие императрицы, однако, было сильно уязвлено, и она отыгрывалась на Никите Ивановиче. "Я уверен, мой любезный друг, - писал он брату, - что ты собственным своим проницанием уже довольно постигнешь, в каком критическом положении я теперь, и как очевидно извлекают меня из участия в твоём деле, как будто бы в возмездие тому, что крайность привела к употреблению тебя, а из сего выходит самое притеснение и всем моим делам... Тебе надобно в твоём настоящем подвиге обняться единым предметом служения твоему отечеству, а исполня оное, Боже тебя избави от принуждения оставаться долее в службе. Вот, мой сердечный друг, истинное и неременное души моей разрешение. Нам уже и на остаток нашего короткого века быть не может никакого другого средства и положения спасти нам свои седины и закрыть глаза с тем именем в нашем отечестве, которое мы себе приобрели".

Екатерина уже не понимала действительных мотивов, которыми руководствовался Панин, и все чаще прислушивалась к мнению придворных шептунов. Доверие между императрицей и ее министром таяло.

Указ о назначении генерала Панина был подписан 29 июля 1774 года. А 24 июля от фельдмаршала Румянцева было получено неожиданное известие. В деревне Кючук-Кайнарджа, близ Силистрии, где находилась ставка главнокомандующего, подписан мирный договор с Турцией. Произошло это на удивление быстро, по выражению Румянцева, "без всяких обрядов министеральных, а единственно скорою ухваткою военного". Еще в марте 1774 года фельдмаршалу было разрешено самому вести переговоры о мире. Румянцев, таким образом, стал одновременно и полководцем, и дипломатом и сумел блестяще воспользоваться открывшимися перед ним возможностями.

Когда турки в очередной раз предложили начать переговоры, Румянцев согласился, но вопреки обыкновению перемирия не объявил. Поэтому дипломатические дискуссии и боевые действия происходили одновременно. России было трудно вести войну, но, даже несмотря на потери, на тяжелое экономическое положение страны и разгоравшееся в тылу восстание, русская армия сохраняла высокую боеспособность. Силы Турции, однако, были уже истощены.

В апреле два корпуса русских войск под командованием Суворова и М.Ф. Каменского перешли Дунай. 9 июня в битве при Козлудже Суворов разгромил главные силы турок. В это время Румянцев с основной частью армии подошел к Шумле и блокировал город. В начале июля турецкие уполномоченные были уже в ставке Румянцева.

Переговоры продолжались всего пять дней. Со стороны России вели их фактически двое - сам фельдмаршал и Николай Васильевич Репнин. Князь непосредственно обсуждал с турецкими послами статьи мирного договора, а Румянцев, к которому турки питали глубокое почтение, появлялся в тех случаях, когда надо было прекратить колебания партнеров по переговорам и придать их мыслям должное направление. Впрочем, турки особенно не упорствовали, и вечером 10 июля договор был подписан.

Соглашение это, состоявшее из 28 статей и двух секретных "сепаратных артикулов", стало достойным завершением долгой войны. Прежде всего договор закреплял независимость Крымского ханства от Турции, хотя за султаном и сохранялось право руководить единоверными жителями ханства "в духовных обрядах". Эта уступка Турции была, однако, смягчена тем, что к России отходили Керчь, Еникале и Кинбурн, фактически позволявшие держать полуостров под контролем. Кинбурн при этом переходил к России "с довольным округом", а две другие крепости "с уездами". Надо учесть, что Турция отказывалась также от Большой и Малой Кабарды, что имело хотя и небольшое экономическое, но немалое стратегическое значение. Единственной крепостью, которая сохранилась за Турцией на северном побережье Черного моря, был Очаков.

По договору русские торговые суда получали право свободного прохода через проливы, причем на русских купцов распространялись все привилегии, которыми пользовались в Турции другие европейские государства, в частности Франция и Англия.

Добиться, чтобы Порты отказалась от Молдавии и Валахии, не удалось, однако договор устанавливал, что в этих княжествах восстанавливаются права и обычаи, существовавшие в момент их подчинения Турции. Грузии и Мингрелии возвращались крепости, захваченные у них турками во время войны. Население Грузии освобождалось также от тяжелой дани. Были предусмотрены различные меры, облегчавшие положение других христианских народов, живших под властью Порты.

По Кючук-Кайнарджийскому договору Турция признавала за российскими императорами титул, равный падишаху. В секретной статье к договору Порты обязалась выплатить России в течение трех лет "за убытки военные" 7,5 миллиона пиастров, что "на российскую монету" составляло 4,5 миллиона

рублей.

Мирный договор не дал России всего, что она хотела получить, однако его заключение было успехом, и значительным. Главное, что закрепил договор, - это независимость Крымского ханства. Было ясно, что, отпадая от Порты, Крым неизбежно попадет в зависимость к России. Этот процесс, в сущности, уже начался. Еще в июле 1772 года хан подписал акт, в котором соглашался со всем своим народом состоять под покровительством российской императрицы. Была, наконец, отрублена последняя голова ордынского змия, и одно только это оправдывало все потери и тяготы войны.

Мир на южных рубежах государства был достигнут. Вскоре в Петербург пришли известия о восстановлении "безопасности и повиновения" и на Востоке. В середине октября Пугачев, преданный своими соратниками, был выдан правительственным войскам. К ноябрю очаги восстания были в основном подавлены. Историки расходятся во мнениях о том, какую роль в этом деле сыграл Петр Панин. Одни, как, например, С.М. Соловьев, считают, что он был "предупрежден событиями". Другие полагают, что "при той совокупности мер, которые были приняты Паниным... мятеж не только не мог распространиться, но, напротив того, должен был ослабевать весьма быстро; тогда как при назначении вместо Панина какого-либо другого лица, не обладавшего его знанием дела, энергией и решительностью, смута могла бы быть гораздо более продолжительной".

Как бы то ни было, сам генерал Панин не приписывал себе особых заслуг и хвалил в основном подчиненных, в первую очередь Суворова. После поимки Пугачева генерал некоторое время организовывал снабжение усмирленного края продовольствием и предотвратил голод, создав провиантские магазины и закупив для Нижегородской и Казанской губерний 90 тысяч четвертей хлеба. Генерал при этом объявил, что те, кто станет повышать цены на хлеб, будут подвергнуты суровому наказанию, вплоть до смертной казни.

Еще Панин велел взимать подати с крестьян, начиная лишь с 1 сентября 1774 года, сложив с них таким образом недоимки за прежние годы. Он отослал императрице проект учреждения банков "к вспоможествованию разоренным подданным" и подал ей мысль о необходимости "умножения правительств", которая впоследствии вылилась в указ о новом административном делении территории государства. 19 ноября генерал сообщил в Петербург, что в усмирленном крае "тишина и... повиновение... обстоят ныне в самой лучшей степени", после чего, не выказав никаких признаков властолюбия, попросился в отставку и был отпущен.

Так к концу 1774 года благополучно миновал один из трудных периодов в истории Российской империи.

8

Великий князь.

В то время когда на Юге шла война с Турцией, а на Востоке зарождалось пугачевское восстание, в Петербурге произошло событие, в сравнении с этими историческими битвами в общем незначительное. 20 сентября 1772 года великому князю Павлу Петровичу исполнилось 18 лет. Совершеннолетие наследника престола не было отмечено никакими торжественными церемониями. Единственное важное решение, которое приняла в этой связи Екатерина, заключалось в том, что сына надо поскорее женить. В невестки себе она выбрала принцессу Вильгельмину, дочь ландграфини гессен-дармштадтской.

Подготовка к бракосочетанию была проведена стремительно. В июне 1773 года Вильгельмина вместе с матерью и сестрами была привезена в Россию, перекрещена в православие, кое-как обучена русскому языку, миропомазана, наречена великой княжной Натальей Алексеевной и уже в августе 1773 года обручена с Павлом.

Обязанности Панина как воспитателя великого князя на этом закончились. За свои "совокупные труды" по воспитанию наследника и "отправлению дел обширного иностранного департамента толико лет сряду" он был щедро награжден - получил немногим меньше, чем иной фаворит. Никите Ивановичу были пожалованы: звание первого класса в ранге фельдмаршала с жалованьем и столовыми деньгами по чину канцлера, 8 412 душ крепостных, в том числе в землях, присоединенных от Польши, 100 тысяч рублей на заведение дома и т. д. Панин принял эти дары, но распорядился ими довольно необычно. Из донесения графа Сольмса королю Фридриху II

Граф Панин только что совершил поступок, исполненный великодушия, не имевший до сих пор себе подобного, и которому вряд ли также найдутся подражатели. Из девяти тысяч пятисот крестьян, дарованных ему недавно его Государыней, он отдал в подарок четыре тысячи крестьян, находящихся в новых приобретенных Россией польских владениях, своим трем главным подчиненным чиновникам - Бакунину, Убри и Фон-Визину. А так как не слышно, чтобы он был им чем-нибудь особенно обязан, и двое первых занимали уже свои должности, когда он вступил десять лет тому назад в министерство, то приписать подобный поступок можно лишь чувству благодарности; и весьма естественно дарить людям, хорошо служившим государству, вполне преданным графу и не имеющим собственного состояния.

Современники восприняли этот поступок как нечто хотя и необычное, но характеру Панина вполне соответствующее. Во всяком случае, никаких подспудных мыслей в этом никто не искал. Английский посланник в Петербурге Роберт Гуннинг писал, например: "Столь необычное заявление щедрости, хотя должно встретить восторженное одобрение, не может удивить тех, кому известно бескорыстие этого министра и его благородный образ мыслей". Другой иностранный дипломат, князь Лобкович, усмотрел в действиях Панина лишь "свидетельство возвышенного образа мыслей и совершенно исключительной щедрости".

Позднее многие историки не могли смириться с таким проявлением расточительства и начали искать в нем какой-то потаенный смысл. Одни утверждали, что Панин таким образом выражал свой протест против раздела Польши, другие видели здесь проявление недовольства деятельностью Екатерины в целом. Похоже, однако, что щедрости Никиты Ивановича действительно не было никакой "политической подкладки". Тем более что среди пороков, которые ему приписывали, сребролюбие никогда не значилось.

Уволенный от должности обер-гофмейстера, Панин сохранил за собой право посещать великого князя в любое время и часто им пользовался. Формальная отставка не разорвала существовавших между ними уз личной привязанности, да и не могла разорвать. Их объединяло слишком многое.

Панин был воспитателем цесаревича более десяти лет. Нельзя сказать, чтобы он проявил какой-то особый педагогический дар. К тому же времени для занятий с Павлом ему часто не хватало. Но бесспорно, что Панин был наставником добросовестным, умным и, что самое главное, испытывавшим к своему воспитаннику искренние, пожалуй, даже отеческие чувства. Своей семье у Никиты Ивановича никогда не было. Лишь однажды он всерьез надумал встать под венец, но затея эта окончилась печально.

Произошло это в 1768 году. Панину приглянулась старшая дочь графа Петра

Борисовича Шереметева Анна. Девушка была очень красива. Правда, злые языки обвиняли ее в непомерном честолюбии. Если это так, то Никита Иванович, похоже, питал особую слабость к женщинам с характером. На 10 мая было уже назначено венчание, но буквально накануне Анна вдруг почувствовала себя нездоровой. Через несколько дней появились признаки страшной болезни - оспы. Никита Иванович не находил себе места, забросил все дела. Императрица тоже переживала, прежде всего, разумеется, за Павла. Что если Панин заболит и, упаси бог, заразит мальчика. Тогда "от публики не будет же без попрекания". 27 мая Шереметева умерла.

Никита Иванович так и остался холостяком. Домом для него был великокняжеский двор. Павел платил Панину столь же сильной привязанностью и даже в зрелые годы постоянно советовался со своим прежним обер-гофмейстером. Малый двор жил своей особой жизнью, сосредоточенной вокруг Павла, а Панин играл здесь роль своего рода верховного арбитра при решении многочисленных мелких проблем, возникавших в этом маленьком царстве. Самым ценным качеством в окружении цесаревича считали чувство юмора. Самой сложной проблемой было здоровье Павла, часто заставлявшее волноваться всех, кто находился при великокняжеском дворе.

В чем Панина следует упрекнуть, так это в недостаточно строгом отборе учителей. Среди них были, пожалуй, лишь две незаурядные личности - Семен Андреевич Порошин, учивший цесаревича математике, и отец Платон, преподаватель закона божьего. Порошин вошел в нашу историю как автор замечательных записок, содержащих интереснейший материал о двух годах жизни Павла. Следует, правда, добавить, что, оставив свои записки, Порошин оказал бесценную услугу историкам, но сомнительную - своему ученику.

Очень многие позднейшие исследователи с удивительной легкостью объясняли деятельность и черты характера императора Павла I через поведение Павла-ребенка. Историк Н.К. Шильдер, например, всерьез утверждал: "Того, что завещало нам честное перо Порошина, вполне достаточно, чтобы сказать: перед нашим взором в лице десяти- и одиннадцатилетнего мальчика является законченный образ будущего императора с его привлекательными и дурными особенностями характера..." При таком подходе из записок Порошина извлекали лишь примеры несдержанности, упрямства или капризов Павла, а заодно делали вывод о том, что Екатерина в конфликте со своим сыном была права, ибо цесаревич якобы еще в младенчестве обнаруживал чуть ли не признаки душевной болезни. При непредвзятом чтении Порошина складывается иное впечатление.

Действительно Павел бывал и впечатлительным, и нетерпеливым. Примеров тому у Порошина достаточно. Но много ли на свете найдется десятилетних детей, которые никогда не капризничают? Павел, если исходить из записок Порошина, и вправду был несколько нервным, но в целом вполне нормальным ребенком. Более того, это, несомненно, добрый и умный мальчик, обладающий чувством юмора и, кстати сказать, наделенный незаурядными математическими способностями, что Порошин неоднократно подчеркивает. Откуда же тогда у императора Павла I те неестественные вспыльчивость, резкость, подозрительность, явно чрезмерные для нормального человека? На этот счет высказывалось множество предположений. Одна из версий была в свое время записана со слов очевидца событий князя Лопухина.

Произошло это, когда Павел был еще великим князем, по мнению Шильдера, в 1778 году. Однажды Павел внезапно заболел. Состоявший при нем лейб-медик определил, что цесаревичу был дан яд, и немедленно принял меры. Павла удалось спасти, но с этого времени нервная система его оказалась совершенно расстроенной. Его страшные порывы гнева были не чем иным, как болезненными припадками. В такие минуты император бледнел, черты лица его искажались до неузнаваемости, ему вдавило грудь, он выпрямлялся, закидывал голову назад и

начинал задыхаться. Если Павел, придя в себя, вспоминал о том, что говорил или делал во время припадка, то обязательно отменял отданные в это время приказания и старался загладить последствия своего гнева. Правда это или нет, судить наверняка невозможно. Но вернемся к детству великого князя.

Вторым его учителем, достойным упоминания, был отец Платон, архиепископ тверской, позднее митрополит московский. В учителя к цесаревичу он был приглашен по совету Никиты Ивановича. Отец Платон был одной из наиболее ярких фигур своего времени, человеком очень умным, образованным, но своенравным. Панин был высокого мнения о Платоне, хотя однажды высказал опасение, что придворные нравы могут дурно повлиять на святого отца. Так оно, видимо, и произошло. О Платоне рассказывали, что он, благославляя даму, мог заодно преподнести ей розу. Законоучитель наследника престола слыл большим знатоком трудов не только отцов церкви, но и Вольтера, Гельвеция и Руссо.

Непомерная гордыня нередко ставила отца Платона в трудное положение, и он часто конфликтовал с сильными мира сего, в том числе и с коронованными особам. Обыкновенно Платона выручал его необычайный ораторский дар. Современники единодушно признают, что речи отца Платона всегда производили потрясающее впечатление. Сама Екатерина однажды после его проповеди изволила признаться: "Отец Платон делает из нас все, что хочет; хочет он, чтоб мы плакали, мы плачем; хочет, чтоб мы смеялись, мы смеемся".

Остроту ума Платон сохранял до последних лет жизни. В 1796 году с ним произошел такой случай. По восшествии на престол Павел стал награждать духовных особ орденами. Платон осудил это новшество. Император рассердился и, отправляясь на коронацию в первопрестольную, решил досадить Платону. Он заявил, что будет помазан на царство в московском кафедральном соборе, но петербургским митрополитом. Платон к тому времени был уже совсем дряхл и, казалось, готовился отойти в мир иной. Узнав, однако, о приезде Павла, он приказал отвезти себя в Петровский дворец.

Павел, увидев московского митрополита, нахмурился, но тут Платон начал приветственную речь. Очевидец вспоминал, что поначалу говорил он "почти угасшим голосом; он имел вид мученика первобытной церкви, стоящего перед римским префектом, но затем, одушевляясь постепенно, наговорил таких прекрасных вещей, что для того, чтобы лучше слышать его, круг слушателей мало-помалу сплотился вокруг него. Император поражен, митрополит замечает это, его голос крепнет, красноречие увлекает его; взволнованный император ловит себя на слезе, императрица дает полную волю своим слезам, все собрание растрогано. Тогда-то Платон громовым голосом призывает благословение на нового императора и производит такое поразительное впечатление, что их величества бросаются к его рукам, точно для того, чтобы не упустить его. Никогда я не видел более трогательной сцены". Благодаря своим незаурядным способностям и силе личности Платон сумел еще в детские годы Павла внушить ему религиозное чувство и, несмотря на эпизодические размолвки, до конца своих дней пользовался доверием и дружбой императора.

Другая ошибка, которую историки обыкновенно ставят в упрек Панину-воспитателю, заключается в том, что : он якобы сделал наследника престола пруссофилом. Вряд ли это так. Павел был не пруссофилом, он был поклонником порядка и, что касается армии, сторонником строгой дисциплины. В тогдашней Пруссии, по мнению всей Европы, государственные учреждения и армия содержались в образцовом порядке. Им подражали везде, поэтому трудно осуждать Павла за то, что он, подобно другим монархам, стремился перенять у Фридриха II полезные нововведения. Другое дело, что полезное, с точки зрения Павла, не всегда оказывалось таковым в действительности.

Не был он и поклонником лично Фридриха II. В 1776 году Павел совершил поездку в Берлин. Принят он был весьма ласково, однако в его многочисленных письмах в Петербург нет и тени восхищения королем. Фридрих перед отъездом Павла из Берлина уговорил его и своего племянника, наследника престола, поклясться друг другу в вечной дружбе. Однако, когда Павел стал императором, ни клятва, ни образцовые прусские порядки не помешали ему из политических соображений разорвать отношения с этой страной.

Наконец, третьей и главной педагогической ошибкой Панина обычно считают то, что он внушил своему воспитаннику критическое отношение к делам Екатерины. Отрасти это так. У великого князя были свои взгляды на политику, и в этом сказывалось влияние Паниных. Еще когда Павел был подростком, взрослые позволяли себе в его присутствии критиковать некоторые правительственные меры, то есть фактические распоряжения Екатерины. Никита Иванович такие разговоры не пресекал. Более того, и он, и его брат старались внушить Павлу свою точку зрения на внешнюю и внутреннюю политику. А их мнение часто расходилось с тем, что думала императрица.

Справедливости ради надо сказать, что в охлаждении между Павлом и его матерью после совершеннолетия великого князя во многом виновата сама Екатерина. Прежде он был для нее ребенком, подростком, предметом нечастых хлопот, и только. Но вот Павлу исполнилось 18 лет, и положение сразу изменилось. Цесаревич стал политической фигурой. Можно было ожидать, что теперь он, полный энергии и замыслов, сможет приложить свои силы на поприще, к которому был призван по праву рождения. Ничуть не бывало. Екатерина не только не уступила престола, на что, в общем-то, никто и не рассчитывал, но и близко не подпустила своего сына к государственным делам. Императрица даже не привлекла цесаревича к участию в заседаниях Государственного совета, что было воспринято как демонстрация, как откровенное пренебрежение сыном. Павел неизбежно должен был затаить обиду. Под влиянием Паниных он презирал фаворитов и при этом вынужден был наблюдать, как фаворит Потемкин, стремительно возвышаясь, по существу, занимает в государстве то место, которое должно было принадлежать ему, Павлу.

Недовольных царствованием Екатерины было много, и она знала, что непопулярна в народе. По крайней мере, случаев убедиться в этом у нее было достаточно. В 1775 году, например, императрица во время посещения Москвы решила отметить день своего рождения. Во дворце был устроен бал, однако, к величайшему недоумению виновницы торжества, залы остались полупустыми. Среди московского дворянства желающих поздравить государыню оказалось очень мало.

В тот же день Екатерина велела обнародовать указ, рассчитанный на то, чтобы завоевать любовь простонародья, - о понижении налога на соль. Полицмейстер по ее приказу вышел из дворца и объявил народу о монаршей милости. Каково же было ее разочарование, когда горожане, вместо того чтобы возликовать, молча перекрестились и разошлись. Зато Павел стал в Москве всеобщим любимцем. Когда он во главе своего полка вступил в город, толпа окружила великого князя, оттеснила его от прочих всадников и восторженно выражала ему свою преданность. Павлу это очень льстило, и он с удовольствием разговаривал с простолюдинами.

Императрица видела, что недовольные тянутся к ее сыну, но она подходила к Павлу со своей меркой и никак не могла понять, что ни цесаревич, ни его наставник не имели ни малейшего намерения встать во главе какой бы то ни было оппозиции. Даже в своих семейных делах она оставалась расчетливым политиком, и стремление к власти, славе не оставляло в ее сердце места для материнской привязанности.

Чем холоднее становились отношения между Екатериной и Павлом, тем недоверчивее императрица относилась к Панину. Положение ухудшалось еще и

потому, что вскоре Екатерина невзлюбила свою невестку. Павел становился склонным к подозрительности, но императрица, как оказалось, тоже страдала этим пороком. Уволив Панина с места обер-гофмейстера, она назначила "состоять при цесаревиче" генерал-аншефа И.П. Салтыкова. Один из придворных намекнул Павлу, что главная задача генерала заключается в том, чтобы наблюдать за его действиями и докладывать обо всем Екатерине. Павел возмутился и пошел к матери объясниться. Екатерина реагировала очень болезненно, неосторожный придворный был вскоре изгнан со службы, что фактически подтверждало его правоту. В 1774 году произошло еще одно событие, связанное с Павлом и серьезно повредившее Панину. Главным его действующим лицом стал уже упоминавшийся Каспар Сальдерн.

Вернувшись из Польши, Сальдерн некоторое время служил в Коллегии иностранных дел, а потом выхлопотал себе назначение на место посланника в Гольштейн. Он, однако, казался очень недовольным своим положением при дворе, и, действительно, отношение к нему изменилось, причем от его прежней дружбы с Паниным не осталось и следа.

Из донесения графа Сольмса королю Фридриху II

Перед отъездом отсюда г-на де Сальдерна я имел с ним разговор о положении русского двора, в котором оставляет его де Сальдерн, и его собственном положении... Де Сальдерн обмолвился замечательной фразой, сказав, что если бы Панин хотел следовать советам его, то был бы теперь в гораздо более приятном положении. Он очень ясно дал мне понять, что его мысль была такая: по объявлении Великого князя совершеннолетним следовало провозгласить его Императором и Сорегентом; это нужно было устроить в прошлом году, когда гр. Орлов веселился в Ревеле; сам он, г. де Сальдерн, предложил управлять этим переворотом и пожертвовал бы собой и жизнью для успеха дела; он был уверен, что все было бы легко улажено; графу Панину не достало смелости, а действовать теперь уже поздно... Мне представляется, что сильное недовольство его происходит, главным образом, вследствие невозможности играть выдающуюся роль в этой стране; он не разбирает бы средств для удовлетворения своего непомерного честолюбия, ибо можно смело предположить, что если бы план Сорегентства удался, то де Сальдерн не удовольствовался только ролью устроителя, но захотел бы участвовать в самом составе регентства.

Панин отверг предложения Сальдерна, но тот не успокоился. Пользуясь доверием Павла, он уговорил его дать ему, Сальдерну, бумагу, в которой великий князь обещал во всем слушаться его советов. Сальдерн хотел использовать ее для вербовки участников заговора. При этом он заявлял, что действует от имени Панина. Никита Иванович узнал об интригах своего подчиненного, сумел изъять у него бумагу, подписанную Павлом, но докладывать эту историю Екатерине не решился, опасаясь, что ее подозрение падет на великого князя.

Между тем Сальдерн отправился в Гольштейн. Там он заявлял, что пользуется полным доверием императрицы, и в доказательство показывал табакерку с бриллиантовым шифром Екатерины, якобы недавно полученную от нее в подарок. Позднее выяснилось, что табакерка эта предназначалась какому-то польскому вельможе и Сальдерн попросту украл ее из запасов русского посольства в Варшаве. Еще стало известно, что Сальдерн выпросил у датского посла 12 тысяч рублей якобы по просьбе графа Панина, который очень хотел достать эту сумму для княгини Дашковой, но просить стеснялся. Датчанин, разумеется, выдал требуемые деньги, и Сальдерн благополучно положил их себе в карман.

В феврале 1774 года в Петербурге стали распространяться слухи о скором

возвращении Сальдерна, которому Екатерина обещала выгодное место. Встревоженный Павел решился сам пойти к матери и рассказать ей все, что он знал о гнусной деятельности Сальдерна. Выслушав сына, Екатерина призвала Панина, и Никита Иванович подтвердил слова великого князя. Императрица разгневалась и хотела было отдать приказ, чтобы Сальдерна немедленно арестовали и привезли в Россию в кандалах. Панин, однако, посоветовал ей окончить это дело без шума и просто послать Сальдерну указ об отставке и письмо с рекомендацией никогда более не возвращаться в Россию. Так и было сделано. Внешне инцидент был исчерпан, но что подумала императрица, какие подозрения могли закрасься в ее душу - об этом остается только догадываться.

С возрастом характер Екатерины не становился лучше, в равной мере это относилось и к Панину. Граф, чувствуя, что его положение становится шатким, делался все более недоверчивым и раздражительным. В дополнение ко всему у Панина стала развиваться тяжелая, изнурительная болезнь, отнимавшая много сил и часто приковывавшая его к постели. Никита Иванович и прежде был невысокого мнения о Екатерине, теперь же ее поступки вызывали у него недовольство столь сильное, что он уже не хотел это скрывать.

В мае 1775 года, например, императрица собралась в Троице-Сергиеву лавру и предварительно послала Панину записку. Мол, граф Никита Иванович, "шепни на ухо" прусскому, датскому, испанскому и английскому посланникам, что если хотят сопровождать государыню, то пусть приезжают. А французскому и саксонскому не шепчи, потому что они "тягостные". Панин, описывая этот эпизод Репнину, добавлял: "Как, мой друг, содержать конекцию с другими дворами и как вести дела внешние, когда и в персонах их министров нет соображения с делами".

Недовольство Панина питало сатирическое перо Фонвизина. По мнению некоторых историков, обличающие персонажи его комедий, прежде всего Стародум, были отчасти списаны с Никиты Ивановича. К тому же покровительство графа давало Фонвизину возможность говорить то, на что в иных условиях он бы вряд ли решился.

В апреле 1776 года при дворе произошел очередной кризис. Начался он с трагического события - во время родов скончалась великая княгиня Наталья Алексеевна. Кроме бури чувств оно вызвало еще и немаловажные политические последствия. Со смертью невестки и ее ребенка императрица лишалась наследника престола, которого можно было противопоставить Павлу. Посему Екатерина решила как можно скорее заставить сына вступить во второй брак. Павел очень тяжело переживал смерть жены, но императрица, разбирая бумаги усопшей, выяснила одно деликатное обстоятельство. Оказалось, что покойница была неверна своему супругу, причем в роли искусителя выступал ближайший друг Павла граф Андрей Разумовский. Этот факт, естественно, был доведен до сведения великого князя.

В литературе, впрочем, высказывалось мнение, что всю эту некрасивую историю выдумала сама Екатерина. В качестве "свидетеля" выступил уже поднаторевший в интригах отец Платон, которого убедили сказать Павлу, будто бы о факте неверности он узнал от самой великой княгини во время исповеди.

Как бы там ни было, Павел действительно быстро утешился и уже через год отправился в Германию за новой невестой. На этот раз императрица выбрала для него Софию Доротею Вюртембергскую, выкупив ее предварительно у наследного принца гессен-дармштадтского, с которым принцесса была помолвлена. Приготовления к свадьбе велись в строгой тайне от Панина, не выходившего в то время из дому после перенесенной операции. Екатерина очень боялась, как бы граф не вмешался и не внушил цесаревичу желания поискать другую спутницу жизни. Императрице нужна была невестка, целиком находящаяся под ее влиянием,

то есть политически безопасная. А София Доротея, по словам людей, видевших ее, отличалась скромностью и покладистостью.

Опасения Екатерины были напрасны. Панин и не думал вмешиваться в ее брачные манипуляции, хотя обо всем происходящем был прекрасно осведомлен. Подробно пересказывая дворцовые новости в письмах Репнину, он однажды присовокупил к ним такой комментарий: "В откровенность, сердечный друг, скажу тебе, что по моральному нашему здесь положению нельзя было болезни избрать для моего спокойства удобнейшего времени, ибо сим одним миновали меня все происшедшие наши дворские кризисы".

Павел вернулся в Россию с невестой, и в сентябре 1776 года произошло бракосочетание. Новая великая княгиня была наречена Марией Федоровной. На первых порах отношения в императорской семье складывались вполне благополучно. Мария Федоровна была совершенно равнодушна к политике, трогательно любила мужа и поддерживала с императрицей ровные отношения. Но на каждую бочку меда, должно быть, всегда приготовлена своя ложка дегтя. К величайшей досаде Екатерины, молодая великая княгиня прониклась самыми добрыми чувствами к Никите Ивановичу. Со своим мужем она спорила, кто из них больше любит графа, а самому Панину писала, что кроме Павла он - единственный человек, с которым она может говорить откровенно.

В декабре 1777 года у великокняжеской четы родился сын Александр. Павел ожидал это событие с нетерпением и радостным предвкушением полноты семейного счастья. Он рассуждал о святости отцовских обязанностей и мечтал о том, как будет их исполнять, но вышло иначе. Екатерина приказала забрать ребенка у родителей и заявила, что сама станет заниматься его воспитанием. Это был удар неожиданный, очень тяжелый и совершенно несправедливый. Теперь о каком-либо согласии или взаимопонимании между Екатериной и ее сыном не могло быть и речи. Стоит ли говорить, какие чувства этот поступок должен был вызвать в душе великой княгини.

Внешне Павел все еще продолжал создавать видимость сыновнего почтения. Но общественное мнение каждый его шаг истолковывало, часто не без оснований, как молчаливое осуждение деятельности императрицы. А духовным наставником великого князя, как и прежде, считался граф Никита Панин.

9

Вооруженный нейтралитет

В 1776 году "американские селения" Великобритании восстали против своего короля. В 1778 году американская республика заключила союзный договор с Францией, практически означавший, что последняя также вступает в борьбу. Вскоре к Франции присоединилась и Испания. Началась жестокая война на море.

Американские, французские и испанские каперы принялись захватывать торговые суда, идущие в Англию. Пострадали и русские купцы. Екатерина сердилась: "Первый, кто затронет архангельскую торговлю в будущем году, жестоко поплатится за это". Но морской разбой только усиливался, особенно после того, как к нему подключились еще и англичане. В этой обстановке Россия предприняла замечательный дипломатический шаг. В феврале 1780 года Екатерина подписала знаменитую впоследствии Декларацию о вооруженном нейтралитете, направленную воюющим державам, то есть в Париж, Лондон и Мадрид.

В декларации объявлялось, что нейтральные суда имеют полную свободу заходить в любые порты, кроме блокированных. Товары воюющих народов,

находящиеся на нейтральных судах, должны быть неприкосновенны, причем захватывать можно только контрабанду - то есть военное снаряжение. В подкрепление своих требований Россия заявляла, что вооружает 15 кораблей и 4 фрегата. Одновременно с декларацией нейтральным странам было разослано предложение принять аналогичные меры и заключить между собой соглашение о защите свободного мореплавания.

Декларация имела огромный успех и упрочила авторитет России и популярность Екатерины. К вооруженному нейтралитету вскоре присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство обеих Сицилии. Франция и Испания заявили, что готовы уважать права судов нейтральных стран. Уклончиво ответила только Англия, сообщившая, что она всегда уважала русский флаг. Такой ответ был понятен - система вооруженного нейтралитета ударила, прежде всего, по интересам Англии, особенно беззастенчиво грабившей торговые корабли. Впрочем, в конце концов и Англия вынуждена была уступить, так что к концу войны каперство фактически прекратилось.

Дипломатический ход, предпринятый Россией, оказался, даже по мнению ее противников, весьма удачным, и все же о нем еще очень долго спорили историки. Сомнения вызывало не существование концепции вооруженного нейтралитета, его пытались критиковать только в Англии. Разногласия вызывал вопрос о том, кому принадлежит честь быть автором этой прекрасной идеи.

Повод для споров дала сама Екатерина. Спустя много лет после подписания декларации в руки императрицы попала книга некоего аббата Денины, посвященная жизни Фридриха II, Аббат утверждал, что идея вооруженного нейтралитета якобы принадлежала не кому иному, как прусскому королю. Прочтя такой вздор, императрица возмущалась и на полях книги начертала: "Это неправда; идея о вооруженном нейтралитете возникла в голове у Екатерины II, а не у кого другого. Граф Безбородко может засвидетельствовать, что эта мысль была высказана императрицей совершенно неожиданно. Граф Панин не хотел и слышать о вооруженном нейтралитете; идея эта не принадлежала ему, и стоило большого труда убедить его, что и было поручено Бакунину, который выполнил это дело". Екатерина была права лишь отчасти. Во-первых, потому, что в ее записке есть явная если не ложь, то, по крайней мере, ошибка - почти все бумаги по вопросу о вооруженном нейтралитете написал не Бакунин, а Панин. Во-вторых, почему, отвечая аббату, Екатерина сочла необходимым не столько опровергать претензии Фридриха II, сколько настаивать на непричастности к делу Панина? Стало быть, для императрицы его имя было важнее, ибо общественное мнение того времени приписывало авторство именно Никите Ивановичу. Вопрос осложняется еще и тем, что в записках современников и трудах историков приводится несколько версий событий, приведших к подписанию декларации, которые сильно отличаются от екатерининской. Остановимся лишь на двух из них, наиболее красочных. Первая версия принадлежит итальянскому дипломату маркизу де Парело, служившему в те годы в Петербурге. По имевшимся у маркиза сведениям, дело было так.

Когда английский король Георг III понял, что война приобретает для него опасный оборот, он принялся спешно искать союзников. Британскому посланнику в Петербурге Дж. Гаррису было дано задание во что бы то ни стало добиться выступления России в пользу Англии. Гаррис был человеком опытным, ловким и большим интриганом, мало разбиравшимся в средствах. Поначалу он взялся обхаживать Панина, но Никита Иванович не поддавался. Тогда Гаррис переключился на Потемкина и преуспел. Князь Григорий Александрович всегда был расположен к Англии, и льстивому и вкрадчивому британскому посланнику без труда удалось приобрести его полное содействие.

Потемкин организовывал ему тайные аудиенции у Екатерины. В результате

министр иностранных дел не знал о том, какая политическая комбинация зреет за его спиной. Между тем Гаррис торопился. Екатерина отдала распоряжение о подготовке эскадры, со дня на день ожидалась декларация в пользу Англии. Гаррис даже отправил в Лондон своего курьера с радостными известиями, причем паспорт ему выдал не Панин, как было принято, а Потемкин. И вдруг вся Гаррисова постройка, возведенная с таким старанием, рухнула.

Оказалось, что, когда хитрый Гаррис уже отправил в Лондон своего курьера, испанский поверенный в делах в Петербурге Нормандес узнал о происках англичанина и поспешил к Панину. Происходило это вечером. Никита Иванович был уже в халате и собирался ложиться в постель. Узнав о таком коварстве, он пришел в негодование, схватил свой ночной колпак, бросил его на пол и поклялся, что выйдет в отставку, если не успеет расстроить эту тайную интригу. Затем он призвал своего секретаря Бакунина, заперся с ним в кабинете и составил план вооруженного нейтралитета, который и был представлен императрице. Менее чем через неделю появилась знаменитая декларация, а посрамленный Гаррис вынужден был вскоре уехать из Петербурга, "исполненный негодования и злобы на все, принадлежащее и относящееся к русской нации".

Гаррис действительно написал о русских много мерзостей. Особенно доставалось Панину. Когда английский посланник понял, что подкупить Никиту Ивановича не удастся, он принялся обвинять его во всех смертных грехах, нагромождая одну выдумку на другую. Гаррис, например, утверждал, что Панин якобы был всецело предан Фридриху II и, даже будучи тяжело больным и живя в своем имении, продолжал служить королю, получая от него приказания через "переодетых посланцев, разных купцов, путешественников". Но вернемся к вооруженному нейтралитету.

В начале прошлого века писатель П. Сумароков опубликовал сочинение, посвященное Екатерине II. Сумароков лично знал некоторых екатерининских вельмож и, работая над своим трудом, использовал их рассказы. В его изложении история вооруженного нейтралитета выглядит следующим образом.

Когда граф Панин узнал, что Гаррису удалось склонить Потемкина и Екатерину на свою сторону, он послал императрице письмо. Слабость здоровья, писал Панин, не истребила в нем любви к отечеству, а его совести противно изменять истине. Предложения англичан, убеждал Панин, не соответствуют интересам России. Соединение с Англией может вызвать в других странах серьезные опасения и свяжет императрице руки, "тогда как до ныне одно слово Екатерины давало перевес в Европе".

Прочтя это послание, императрица велела заложить карету и тотчас отправилась к Панину. Она застала графа дремлющим в креслах и, чтобы не нарушить его покой, удалилась в другую комнату. Когда Панина разбудили и он предстал перед монархиней, то вместо упреков услышал такие слова: "Граф, ты на меня сердился, я сама была тобой недовольна, но теперь вижу твою преданность к государству, ко мне и приехала тебя благодарить. Будем по-прежнему друзьями". Тут-то и родилась идея вооруженного нейтралитета.

Как же развивались события на самом деле? Доподлинно известно следующее. Гаррису действительно было дано указание добиться немедленной поддержки со стороны России и, если удастся, заключить с ней союзный договор. Английский посланник быстро сошелся с Потемкиным и в своих депешах в Лондон называл его не иначе, как "мой друг". Благодаря содействию Потемкина английский посланник осаждал императрицу своими записками, в которых доказывал близость интересов двух государств и необходимость их тесного союза, а также критиковал коварную политику Франции и Испании. Екатерина, по-видимому, колебалась, но Гаррису помог случай. В январе 1780 года в Петербург пришло сообщение о том, что испанские каперы захватили

голландское торговое судно с русским грузом. В Мадрид была направлена резкая нота с требованием освободить корабль и возместить убытки. Но 6 февраля от русского консула в Кадиксе пришла депеша, сообщавшая, что испанцы захватили еще одно, на этот раз уже русское судно "Св. Николай", причем груз был конфискован и продан с публичного торга. 8 февраля Екатерина подписала указ Адмиралтейской коллегии - ко времени вскрытия вод снарядить в Кронштадте 15 линейных кораблей с припасами и провиантом на полгода. Цель предстоящей экспедиции не указывалась, однако, учитывая ее продолжительность, было ясно, что плавание эскадры не ограничится Балтикой.

11 февраля Потемкин позвал к себе Гарриса и очень довольный, под большим секретом сообщил ему о военных приготовлениях. Корабли -15 линейных и 5 фрегатов - предназначены, по словам Потемкина, "припугнуть испанцев". Англичане, продолжал Потемкин, "могут считать, что к их флагу прибавлено еще 20 кораблей", причем этот смелый шаг "лучше самой сильной декларации".

15 февраля Гаррис отправил на родину очередную депешу. Он писал, что "несколько дней назад", то есть не позже 13 февраля, он был приглашен на ужин "в очень узком кругу" в дом графа Строганова, где присутствовала и сама императрица. По-видимому, это и была та самая "тайная" аудиенция. Отведя Гарриса в сторону, Екатерина сказала, что она тщательно обдумала все способы помочь британскому посланнику и "сделает все, чтобы служить ему, кроме вовлечения себя в войну". Гаррис был очень доволен беседой.

Таким образом, до 13 февраля Екатерина была намерена выступить в пользу Англии, проведя антииспанскую военно-морскую демонстрацию. Ни о какой декларации, если верить Потемкину, она не помышляла. Но вот настало 14 февраля, и императрица предприняла неожиданный шаг. В этот день Панин получил ее письмо, написанное рукою Безбородко, секретаря императрицы, в котором сообщалось об указе от 8 февраля и повелевалось: сделать новое представление Испании; сообщить о мерах, принимаемых Россией, нейтральным государствам и пригласить их к совместным действиям и, наконец, "объяснить общими декларациями, вручаемыми Великобританскому и обоим Бурбонским дворам, что мы точно разумеем под именем свободной торговли". Иначе говоря, в письме Панину излагалась в общих чертах вся программа дальнейших действий.

Немецкий историк К. Бергбом, посвятивший вопросу о вооруженном нейтралитете обширное исследование, решил, что на основании письма от 14 февраля право авторства надо отдать Екатерине. Коль скоро в письме Панину говорилось об указе от 8 февраля, следовательно, он о нем прежде не знал. И если Панин не присутствовал при разговоре в доме Строганова, значит, он вообще ничего не знал о переговорах с англичанином и о планах императрицы. Тем более что в последующих беседах с Гаррисом сам Никита Иванович заверял его, что он к этому делу совершенно не причастен. Следовательно, вооруженный нейтралитет придумала Екатерина.

Но такое построение вызывает ряд возражений. Во-первых, трудно допустить, чтобы Панин не подозревал о готовящейся за его спиной столь важной внешнеполитической акции, даже если от него и пытались что-то скрыть. Для опытного дипломата, искусного в придворных интригах, да еще и начальника контрразведки, это было бы более чем странно. Все же большую часть жизни он профессионально занимался выведыванием политических секретов. В условиях, когда его влияние при дворе явно падало, он должен был проявлять особую бдительность. Могла ли деятельность Гарриса ускользнуть от его внимания?

Возражение второе. В письме Панину сообщалось не о факте отправки указа в Адмиралтейскую коллегию, а была прислана копия указа. Это совсем не означает, что Никита Иванович не знал о распоряжении императрицы. Куда вероятнее другое. Панину предстояло написать проект декларации и другие

важные документы. Для их подготовки наверняка потребуется текст указа, который и был ему прислан.

Возражение третье. До 13 февраля Екатерина намеревалась устроить демонстрацию в поддержку Англии, но декларация, как и прочие документы, была выдержана в духе строгого нейтралитета. Не случайно Гаррис в депеше от 25 февраля жаловался, что в письме, рассылаемом нейтральным странам, Англия и Испания фактически ставятся на одну доску. По существу же декларация оказалась антибританской мерой. Больше всего энтузиазма она вызвала в Дании, Швеции и Голландии, то есть в странах, страдавших в первую очередь от морского разбоя со стороны Британии. Голландцы так энергично взялись за вылавливание английских арматоров, что вскоре между двумя странами началась война. Почему планы Екатерины так сильно разошлись с ее конечными действиями? Что-то должно было повлиять на ее решение, не разговор ли с Паниным?

Возражение четвертое. А почему, собственно, Екатерина должна была стараться отстранить Панина от участия в разработке идеи вооруженного нейтралитета? О том, что Потемкин и Панин расходились во мнениях по вопросу об отношениях с Англией и каждый из них стремился перетянуть Екатерину на свою сторону, известно главным образом из донесений Гарриса. Но, вместо того чтобы безоговорочно верить английскому посланнику, не проще ли допустить, что русские не дрались между собой, а попросту дружно надували самого Гарриса? Князь Потемкин изображал "друга", граф Панин - "злодея", а дела решались своим чередом, вне зависимости от личных симпатий. Иначе трудно понять, почему, например, Екатерина решила поделиться славой и поручить написание большей части документов Панину, в то время как под рукой у нее был преданный человек - Безбородко. Наконец, возражение пятое и последнее. Можно допустить, что Екатерина действительно долго колебалась, решая, выступать ей против Англии или нет, и если выступать, то в какой форме - обнародовать ли декларацию, учинить ли военно-морскую демонстрацию и т.д. Она могла принять окончательное решение именно 14 февраля, не исключено, что самостоятельно, но, скорее всего, под влиянием Панина. Однако если мы обратимся к событиям предшествовавших лет, то неизбежно придем к выводу, что сама концепция вооруженного нейтралитета складывалась в течение долгого времени и какого-то одного автора у нее попросту не было.

В самом деле, все ее основные элементы были известны и не раз обсуждались задолго до появления декларации от 28 февраля. Еще в 1778 году Дания предложила России заключить на все время войны особую конвенцию о совместной защите нейтральной торговли. Тогда же Екатерина распорядилась на следующее лето выслать несколько кораблей для защиты морского пути в Архангельск. В декабре 1778 года Панин представил императрице записку, в которой, в частности, предлагал организовать крейсирование в открытом море эскадр нейтральных стран, а также "учинить в Лондон и Париж" декларации России и Дании о свободе мореплавания. Записка кончалась словами: "Если сии мои всенижайшие рассуждения удостоятся монаршей апробации, примусь я немедленно за работу"

Предложение Панина было апробировано императрицей 22 декабря. Стало быть, первоначальный проект декларации был готов по крайней мере в январе 1779 года, то есть за год до ее официального распространения.

По существу, вопрос о том, кто придумал вооруженный нейтралитет, возник благодаря непомерному честолюбию Екатерины. Видя, что подписанная ею декларация имеет большой успех, императрица возжелала присвоить себе славу законодательницы морей и потому принялась доказывать непричастность к этому делу своего министра. Впрочем, кто бы ни был автором декларации, вооруженный нейтралитет был мудрым политическим шагом, много послужившим на пользу

России.

10

Закат

В 1780 году, когда была подписана Декларация о вооруженном нейтралитете, Екатерине исполнился 51 год. Подходило к концу второе десятилетие ее царствования. Можно ли было назвать его "славным" или "великим"? Конечно, за эти годы Россия изменилась. Но какова была в этом заслуга самой императрицы?

Окрепла русская промышленность, и расширилась торговля. Но произошло это благодаря трудолюбию русских крестьян и мастеровых да предприимчивости промышленников и купечества. Ни одной серьезной меры в помощь промышленному классу Екатерина не приняла. Более или менее исправно функционировал механизм государственного управления. Но никаких принципиальных улучшений в него внесено не было. Деятельность же Сената и коллегии фактически направлял князь Вяземский. Выиграна война с Турцией. Однако Екатерина не проявила способностей организатора, умеющего мобилизовать силы страны в час испытаний. Не говоря уже о каком-то понимании военной стратегии.

За два десятилетия сильно вырос внешнеполитический авторитет России. Достаточно сопоставить только два факта. В 1762 году Екатерина, взойдя на престол, попыталась было стать посредником в урегулировании отношений между Австрией и Пруссией. Ее услуги были отклонены довольно бесцеремонно, если не сказать грубо. Но вот в 1779 году Австрия и Пруссия снова поссорились, на этот раз из-за Баварии, и за посредничеством сами обратились в Петербург. Мирить их на Тешенский конгресс поехал князь Н.В. Репнин, один из лучших русских дипломатов того времени. Позже германские государства нередко обращались к России, прося ее стать арбитром в их спорах.

К мнению Петербурга в европейских столицах начали прислушиваться очень внимательно. Не будет преувеличением сказать, что большим влиянием в Европе Россия пользовалась только после войны 1812 года. Однако внешняя политика находилась в руках Панина. Чем могла похвастаться сама Екатерина?

В начале царствования она затеяла реформу системы государственного управления, закончившуюся незначительными половинчатыми переменами. Потом она взялась переписывать законы и создала Комиссию об уложении. Но это предприятие вообще было оставлено на полпути. Правда, по указу императрицы страна была заново разделена на губернии. Дело, быть может, и неплохое, однако для приобретения славы явно слишком мелкое.

Екатерина чувствовала, что стареет, что время уходит, а она так и не сделала ничего, чем бы могла тешить свое самолюбие. И тут появляется Потемкин - энергичный, страстный, способный рожать грандиозные проекты и, быть может, даже их осуществлять. Потемкин с одинаковым пылом брался за все, в том числе и за иностранные дела. Это был последний шанс, и императрица решила, что упускать его нельзя. Она вознамерилась круто изменить направление своей внешней политики, а заодно и избавиться от человека, который прежде эту политику осуществлял. Вооруженный нейтралитет был последним важным внешнеполитическим мероприятием, в котором участвовал Панин. Отказаться от его услуг было тем более несложно, что нашлись люди, способные его заменить. Первым среди них был секретарь императрицы Безбородко.

Александр Андреевич Безбородко, впоследствии князь, попал в число

приближенных Екатерины по протекции своего начальника фельдмаршала Румянцева. Сначала Безбородко был определен в канцелярию вице-канцлера, а потом императрица приблизила его к себе, дав должность докладчика. Впрочем, скоро стало ясно, что этот человек действительно наделен большими способностями. Безбородко приехал в столицу, когда ему исполнилось уже 30 лет. По манерам был он совершенным провинциалом, а из иностранных языков знал только латынь, которую учил когда-то в юности. Но за два года он самостоятельно освоил французский, а потом еще немецкий и итальянский. Правда, внешностью Безбородко обладал для придворной службы самой невыгодной - "уродливая голова, широкое, обрюзгшее лицо, толстые, отвислые губы". К тому же был у него заметный порок. По свидетельству современников, он "до исступления" любил женщин. Его похождения часто становились причиной громких скандалов, но Екатерина на подобные "шалости" обыкновенно смотрела сквозь пальцы.

Безбородко быстро усвоил главное - золотое правило, позволяющее ему неизменно пользоваться милостью своей повелительницы. Заключалось оно в том, чтобы "никогда противу ее не говорить, но, похваляя, исполнять все ее веления". Благодаря этому Безбородко сумел быстро сделаться правой рукой императрицы, человеком не просто полезным, но даже необходимым. "Mon factotum" называла она Безбородко в своих письмах. Круг его полномочий постоянно расширялся, доверенность к нему росла, и в ноябре 1780 года Безбородко был, помимо прочего, причислен к Коллегии иностранных дел "полномочным для всех переговоров".

Панин видел, что его все чаще отстраняют от участия в политических делах. Можно было попытаться восстановить свое влияние на императрицу, но для борьбы попросту не хватало сил. Даже ездить ко двору становилось для него слишком тяжело. Можно было отказаться от своих политических пристрастий и начать подлаживаться под мнение Екатерины. Но он был слишком стар, чтобы перечеркивать все то, что своими руками создавал в течение 20 лет. Впрочем, панинская внешнеполитическая система и без того рушилась у него на глазах.

На май 1780 года было намечено путешествие императрицы на Украину и в Белоруссию. К этому времени из Вены подоспело сообщение о знаменательной беседе между русским посланником Голицыным и австрийским императором. Иосиф II выразил желание "найти такое место, где бы мог иметь честь и удовольствие лично познакомиться с ее императорским величеством и выразить перед ней чувства высокого уважения". Екатерина и Потемкин восприняли это предложение с энтузиазмом, и дело было скоро улажено.

В конце мая два монарха встретились в Могилеве. Их императорские величества быстро нашли общий язык и прониклись взаимной симпатией. Время проводили весело, "почти во всегдашнем угаре от забав". Однажды в Могилеве вспомнили и Панина, правда, повод к тому подал, как ни странно, Иосиф II. Как-то в разговоре с Безбородко император стал расспрашивать "об образе управления делами" в России и дошел до Иностранной коллегии. "Тут вступил он в похвалы графу Никите Ивановичу, говоря, что он очень рад приобрести его знакомство, что достоинства частных людей не столько признаваемы бывают при них, как после их, - авантаж одних государей, коих таланты при жизни их более приметны и ощутительны; но тут, по его словам, часто участвует и похлебство".

Безбородко обиделся за прочих министров и указал Иосифу II, что и у австрийцев есть способные дипломаты. Император, однако, настаивал на своем и заявил, что "он отдает всю справедливость достоинствам князя Кауница, но не находит, чтобы ему было столько случаев и обстоятельств показать себя, как графу Никите Ивановичу, который по сие время имел репутацию министра в делах, всю Европу интересующих, и такую силу, что можно приписать ему как

девиз: "fait et fit (да будет и бысть)". После этого досадного случая о Панине уже не вспоминали.

В ознаменование нового союза в Могилеве был заложен храм св. Иосифа, после чего порфиноносные расстались, сохраняя друг о друге самые приятные воспоминания.

По-видимому, вскоре после путешествия Екатерины в Могилев состоялось то историческое заседание Совета, которое окончательно определило "новое направление во внешней политике России". По словам историка А. Терещенко, Потемкин предложил Екатерине так называемый "Греческий проект" - план завоевания Константинополя. Императрица вынесла этот план на рассмотрение Совета. Услышав о новой аванюре фаворита, Панин стал решительно возражать. "Спор до того между ними разгорелся, что приверженцы Потемкина кричали: воевать Царьград! Согласные с Паниным замолчали, и он оставил собрание. Огорчения, претерпенные им от Потемкина, и противоречия Безбородки, державшего сторону князя, весьма расстроили его. Панин немедленно отказался от участия в делах, потом и заболел".

Между тем Екатерина упорно продолжала создавать свою новую "венскую систему". В 1781 году она заключила с Иосифом II "сговор дружбы и расположения", сиречь союзный договор. Монархи обещали друг другу военную помощь в случае нападения Турции. В сентябре 1782 года императрица отправила австрийскому императору свое знаменитое письмо с подробным изложением "Греческого проекта". Написано оно было по черновику, подготовленному услужливым Безбородко. Екатерина предлагала ни много ни мало выгнать турок из Европы, захватить Константинополь и воссоздать древнюю Греческую империю. В императоры она предлагала своего трехлетнего внука Константина, который, впрочем, должен был отказаться от притязаний на русский престол. Заодно Екатерина намеревалась создать буферное государство Дакию, составленное из Молдавии, Валахии и Бессарабии. Иосифа II этот полет фантазии сильно озадачил. Он никак не мог понять, чего же добивается русская императрица. Всерьез ли она воспринимает свою греческую утопию или это лишь пропагандистский трюк, "дымовая завеса", призванная скрыть иные внешнеполитические замыслы? То, что происходило в Петербурге, наводило на совершенно однозначные выводы. При дворе насаждалась мода на все греческое. Константина обучали греческому языку и нашли ему няню-гречанку. Поэты соперничали в восхвалении его будущих побед над турками. Позднее некоторые историки усомнились в том, что императрица могла серьезно относиться к своему "Греческому проекту" - шансов на его осуществление практически не было. Правда, сохранилась собственноручная записка Екатерины - черновик, предназначенный для "внутреннего пользования", где излагались основные идеи "Греческого проекта". Впрочем, проект был обречен вне зависимости от расстановки политических сил. Попросту Екатерина никогда ничего не доводила до конца.

В апреле 1783 года императрица подписала манифест о присоединении к Российской империи Крыма. Время было выбрано довольно удачно. Ни Турция, ни какая-либо из ведущих европейских держав помешать этому не смогли. Тут бы и остановиться, трезво взвесить обстановку, но Екатерина уже "закусила удила".

В 1787 году императрица отправилась в еще одно путешествие, на этот раз в Тавриду. По дороге она снова встретилась с Иосифом П. Для сопровождения императрицы на Юг было стянуто огромное количество войск. Потемкин из кожи вон лез, чтобы угодить Екатерине. На ее пути воздвигались триумфальные арки, причем на одной из них якобы было написано "Здесь дорога, которая ведет в Византию". Турецкий султан не стал дожидаться, когда на него нападут, и объявил войну первым. Когда Россия основательно завязла в этой войне, стали сказываться и плоды новой внешнеполитической "системы". Англия и Пруссия

разбудили в шведском короле Густаве III воинственный дух, и он начал поход на Петербург. Русский посол в Стокгольме узнал об этом, когда шведская армия была уже в пути. Во времена Панина такое было немыслимо! Так, в 1788 году произошло то, что Никите

Ивановичу и его предшественникам столько лет удавалось избегать, - страна должна была воевать на два фронта. Англия субсидировала Густава III и готовила свой флот для отправки в Балтийское море, на помощь королю. Пруссия поднимала Польшу против России и Австрии. Положение было критическим. Дело дошло до того, что отчаявшийся Потемкин советовал Екатерине вернуть султану Крым, заключить мир со Швецией и вновь вступить в союз с Пруссией. Страна выдержала и это испытание. Русские солдаты сначала отогнали Густава III от Петербурга, а потом взяли Очаков и Измаил, хотя стоило это немалой крови. Впрочем, Панину дожить до всего этого не привелось.

Лето 1781 года Никита Иванович провел в своем смоленском имении Дугино. Ему надо было отдохнуть после болезни, оставаться же в Петербурге не было никакого смысла. Мнение его императрицу, похоже, уже перестало интересовать. Когда в начале сентября он вернулся в столицу, то понял, что предчувствия его были верны. Вице-канцлер Остерман получил указ взять на себя управление Коллегией иностранных дел. 19 сентября уехал великий князь Павел вместе с августейшей супругой. Им предстояло долгое заграничное путешествие - сначала в Польшу, а оттуда в Вену, Неаполь, Рим, Париж, Брюссель. Екатерина, выждав, когда Павел уедет, решила окончательно избавиться от Панина. 29 сентября, в понедельник утром, он получил приказ отпустить секретарей и отдать все бумаги. Это была отставка. Одновременно он получил еще один, особенно чувствительный удар. Никита Иванович узнал, что двое из его секретарей, Марков и Бакунин, люди, которым он полностью доверял, любил и считал своими единомышленниками, предали его и переметнулись на сторону Безбородко. Это, должно быть, ускорило отставку Панина. Втроем они вполне могли заменить опального министра.

С этого времени здоровье его резко ухудшилось. Панин уже редко выходил из дому. Все, что у него осталось, - это немногие близкие, и среди них добрый Фонвизин, да нечастые письма от брата из Москвы, от Репнина и от Павла. В сентябре 1782 года Екатерина в последний раз почему-то вспомнила о Панине. По случаю 25-летия своего коронавания она учредила орден св. Равноапостольного князя Владимира и наградила им знатнейших сановников империи. В их число вместе с Потемкиным, фельдмаршалом Румянцевым, Григорием Орловым, Репниным и другими попал Панин.

В ноябре из заграничного путешествия вернулся великий князь. В первый же день по приезде он вместе с женой отправился к Панину. Никита Иванович хоть и был слаб, но нашел силы выйти и целый вечер провести со своим бывшим воспитанником. Павел радовался возвращению на родину, беспрестанно шутил, дурачился, пародируя иностранных министров и монархов, словом, был в ударе. До того было хорошо и весело, что под конец Никита Иванович попросил великого князя взять серьезный тон - не было сил смеяться.

Панину еще многое хотелось сказать Павлу. Он ждал его со дня на день. Но проходили недели, месяцы, а от цесаревича никаких вестей, даже ни разу не прислал справиться о здоровье. Панин сначала волновался, не случилось ли что, потом было затаил обиду и наконец успокоился. Зачем обманывать себя? Павлу и без того хватает забот, чтобы помнить о больном и опальном старике.

Панин все реже поднимался с постели. Боли в животе приходили все чаще, особенно по ночам. Панин со страхом ощущал, как медленно разрушается, отказывается повиноваться его тело, а сердце, биение которого он слышал все чаще, вдруг пронизывает острая, едва переносимая боль, наполняющая душу ужасом и безнадежностью.

Каждый день приходил придворный врач, приносил какие-то порошки, рассказывал сплетни, пытаясь развлечь и обнадежить. Но по тому, как, пряча глаза, он торопился покинуть больного, Панин понимал, что дела его плохи. В те дни, когда болезнь ненадолго отступала, Никита Иванович звал Фонвизина и просил его взять перо и бумагу. Он диктовал понемногу, быстро уставал. Нет, Панин не собирался, подобно императрице, растолковывать потомкам значение своих деяний и свое место в истории. У него был один адресат - Павел. Если цесаревичу суждено будет занять трон, пусть он, увидя эти листы, вспомнит о том, чему учил его старый обер-гофмейстер. "Верховная власть, - записывал Фонвизин, - вверяется государю для единого блага его подданных... Государь... не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как поставя в государстве правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам... Он должен знать, что нация, жертвуя частью, естественно, своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству, что он отвечает за поведение тех, кому вручает дела правления, и что, следовательно, их преступления, им терпимые, становятся его преступлениями".

Еще Панин говорил о том, что необходимо, наконец, начать постепенное освобождение крепостных, установить порядок наследования престола, создать выборный законодательный орган, ибо законодательная власть "может быть в руках государя, но с согласия государства, а не иначе, без чего обратится в деспотизм..."

29 марта Панин почувствовал себя лучше, за обедом шутил, а после обеда сел в кресло у окна и долго глядел на Неву, должно быть, вспоминая о чем-то. И вдруг вечером нежданная радость - нагрянула великокняжеская чета. Были тут и объяснения, и слезы умиления, Нет, не забыли старика, просто боялись повредить, навлечь новые подозрения. На следующий день Никита Иванович снова был бодр и весел и все вспоминал своего воспитанника. Спать отправился поздно, а под утро, в четыре часа, последовал апоплексический удар. Тотчас послали за врачами и за великим князем, но проститься с умирающим Павел уже не успел. Утром 31 марта 1783 года граф Никита Иванович Панин скончался, не приходя в сознание. Когда цесаревич, неотлучно дежуривший возле постели Панина, увидел, что жизнь покидает старика, он упал на колени и, плача, прильнул губами к руке своего наставника.

Панина похоронили в Александро-Невской лавре, в церкви Благовещения. Траурная процессия оказалась на удивление многолюдной, были многие из тех, кто при жизни графа слыл в числе его недругов. Императрица на похороны не пришла.